

Выпуск № 1, 2022

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2022. Вып. 1

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е.М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е.В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Польшвинный, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц.Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции:

153025 Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2022

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2022. Issue 1

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications.
Registry entry ПИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

- E.M. Tyuleneva*, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)
A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksary)
N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
E.V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)
R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
C.Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)
A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K.A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo,
Timiryazev str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Андреянова Е.Е. Функционирование субъектно-пространственных моделей в книге стихов К. Корчагина «Все вещи мира»	7
Вольский А.Л. Драма И.В. Гете «Торквато Тассо» и проблема творческой фантазии	18
Гавриков В.А. Мифологема страшного суда в идиолекте Александра Башлачёва	31
Лакербай Д.Л. К теории персонального стиля: референциал в системе стилевых определителей	43
Морозова И.В. Расовый вопрос в эссеистике З.Н. Херстон	57
Павловская О.А. Приемы интермедальности в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»	66
Тюлин Д.А. «От станции к станции»: художник и персона в творческой системе Д. Боуи	75

История

Бабина А.А. Чудеса как элемент модели святого-патрона в галльской агиографии IV—V вв.	85
Ильин Ю.А., Орешкин О.Ю. Торгово-хозяйственная деятельность Кинешемской межрайонной базы Ивановской областной конторы Торгсин в 1933—1935 гг.	95
Корников А.А. Геральдика Нижегородского края: от средневековых символов к гербам современных муниципальных образований.....	102
Садвокасова З.Т. Миссионерская деятельность среди раскольников в Казахстане (вторая половина XIX — начало XX века)	113
Шушканова Е.А. О государственном служении духовенства Русской православной церкви (На материалах Енисейской губернии)	123

Философия

Финогентов В.Н. Будущее высшего образования: от преимущественно прагматической ориентации к ценностно-смысловой наполненности	131
Сулейменов И.Э., Витулёва Е.С., Шалтыкова Д.Б. Концепция ноосферного университета с точки зрения дуальной сущности интеллекта человека	141
Зайцева С.А., Смирнов В.А. Ценностные регулятивы «рекомендательной системы» в контексте распространения нейро-сетевых моделей	152
Касаткина С.С. Университет и город: ноосферная взаимосвязь	161

Рецензии

- Киселева Н.К.** «История Испании» Альфонсо X Мудрого: авторитет памятника и значимость перевода. *Рец. на кн.:* Альфонсо X Мудрый и сотрудники. История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис. СПб.: Наука, 2019. Т. 1. 763 с. 168

Научная жизнь

- Шилова Е.А.** Ивановская лексикографическая школа: 25 лет в авангарде современной российской и европейской лексикографии 174

- Информация для авторов журнала*
«Вестник Ивановского государственного университета» 181

CONTENTS

Philology

Andreyanova E.E. The functioning of subject-spatial models in the book of poems by K. Korchagin “All things of the world”	7
Volskiy A.L. Goethe’s drama “Torquato Tasso” and the problem of creative imagination	18
Gavrikov V.A. The mythologeme of the last judgment in the idiolect of Alexander Bashlachev	31
Lakerbay D.L. On the theory of personal style: referential model in the system of style determinants	43
Morozova I.V. The racial question in Z. N. Hurston’s essays	57
Pavlovskaya O.A. Techniques of intermediality in N.A. Nekrasov’s poem “Who lives well in Russia”	66
Tyulin D.A. «Station to Station»: artist and persona in D. Bowie’s poetic system	75

History

Babina A.A. Miracles as an element of the patron-saint model in the Gallic hagiography of the IV—V centuries	85
Ilyin Yu.A., Oreshkin O.Yu. Trade and economic activity of the Kineshma interdistrict base of Ivanovo regional office of the Torgsin (trade with foreigners) in 1933—1935	95
Kornikov A.A. Heraldry of the Nizhny Novgorod region: from medieval symbols to the coats of arms of modern municipalities	102
Sadvokasova Z.T. Missionary activity among dissenters in Kazakhstan (the second half of the XIX — early XX century)	113
Shushkanova E.A. On the state service of the clergy of the Russian Orthodox Church (Based on the materials of the Yenisei province)	123

Philosophy

Finogentov V.N. The future of higher education: from a predominantly pragmatic orientation towards value-semantic fullness	131
Suleimenov I.E., Vitulyova Y.S., Shaltykova D.B. The concept of the noospheric university from the point of view of the dual essence of human intelligence	141
Zaitseva S.A., Smirnov V.A. Value regulators of the “recommender system” in the context of the spread of neural network models	152
Kasatkina S.S. University and city: noospheric relationship	161

Review

- Kiseleva N.K.** “The History of Spain” by Alfonso X the Wise: the authority of the monument and the significance of the translation. *Book Review: Alfonso X the Wise and the collaborators. The history of Spain, which was compiled by the most noble King Don Alfonso, the son of the noble King Don Fernando and Queen Dona Beatrice.* St. Petersburg: Nauka, 2019. Vol. 1. 763 p. 168

Scientific life

- Shilova E.A.** Ivanovo Lexicographic School: 25 years in the vanguard of modern Russian and European lexicography 174

- Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»* 181

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 7—17.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 7—17.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"-1

DOI: 10.46726/И.2022.1.1

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
СУБЪЕКТНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ
В КНИГЕ СТИХОВ К. КОРЧАГИНА «ВСЕ ВЕЩИ МИРА»**

Елена Евгеньевна Андреевна

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lenaluna139@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется содержание и функционирование субъектно-пространственных моделей в поэтических текстах книги «Все вещи мира» К. Корчагина. Категория пространства, особый интерес к которой сформировался в XX веке, оттеснив главенствующую ранее категорию художественного времени, по-новому реализуется в инновативной поэтике через тесное взаимодействие с категорией субъективного. Лирический субъект в текстах Корчагина характеризуется целостностью и динамичностью, а характер взаимодействия с пространством носит изоморфный и хонтологический характер. В результате анализа были выделены две модели взаимодействия пространства и лирического субъекта. Субъектно-пространственные отношения в первой модели носят перекрестный характер, взаимодействие пространства и субъекта обоюдно. Во второй модели субъект и пространство взаимодействуют более обособлено, пространство аффектируется субъектом и встраивается им в поле эмпирических переживаний. Важным для Корчагина оказывается взаимодействие с концептом «коллективное субъективное», влияние которого обуславливает дефрагментированную и рассеянную форму пространственных объектов. Автор переосмысливается концепт травмы, которая перестает конвенционально восприниматься как негативное последствие разрушений, а приобретает роль портала, через которую происходит взаимодействие субъекта и пространственных объектов.

Ключевые слова: лирический субъект, пространство, субъектно-пространственная модель, инновативная поэзия, коллективное субъективное

Для цитирования: Андреевна Е.Е. Функционирование субъектно-пространственных моделей в книге стихов К. Корчагина «Все вещи мира» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 7—17.

Original article

THE FUNCTIONING OF SUBJECT-SPATIAL MODELS IN THE BOOK OF POEMS BY K. KORCHAGIN “ALL THINGS OF THE WORLD”

Elena E. Andreyanova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lenaluna139@yandex.ru

Abstract. The category of space, the focus on which was formed in the twentieth century, having pushed aside the previously dominant category of artistic time, is realized in a new way in innovative poetics through close interaction with the category of the subjective. Kirill Korchagin is a prominent representative of the younger generation of authors who comprehend the artistic practices of post-conceptualism, whose subject-spatial relations are analyzed in this article. Against the background of contemporaries, the specificity of the lyrical subject in Korchagin's texts is distinguished by integrity and dynamism, and the nature of interaction with space is isomorphic and hontological. As a result of the analysis, two models of interaction between space and the lyrical subject were identified. The subject-spatial relations in the first model are of a cross nature, the interaction of space and the subject is mutual. In the second model, the subject and space interact more separately, the space is affected by the subject and built into the field of empirical experiences. Important for Kirill Korchagin is the interaction with the concept of “collective subjective”, the influence of which determines the defragmented and scattered form of spatial objects. The author rethinks the concept of trauma, which is no longer conventionally perceived as a negative consequence of destruction but acquires the role of a portal through which the subject and spatial objects interact.

Keywords: lyrical subject, space, subject-spatial model, innovative poetry, collective subjective

For citation: Andreyanova E.E. The functioning of subject-spatial models in the book of poems by K. Korchagin “All things of the world”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 7—17.

Книга стихов Кирилла Корчагина «Все вещи мира» представляет интересный объект с точки зрения анализа субъектно-пространственных отношений. Корчагин как исследователь часто обращается к анализу функционирования данных категорий в инновативной поэзии [Корчагин 2013, 2016]. Близкой Корчагину оказывается структура «мерцающего субъекта», которая во многом повлияла на формирование поэтики молодых авторов, осмысляющих художественные практики постконцептуализма [Корчагин 2018]. Анализируя поэтику своих современников, Корчагин отмечает, что субъект их поэзии полифоничен, не линейен, состоит из множества различных дискурсов: «Проблема субъекта особенно важна для политической поэзии, так как именно с обретением субъективности связана возможность политического действия и “формирование некоей единичности, каковая является не самостью, но отношением самости к кому-либо другому”» [Корчагин 2013]. Однако структура лирического субъекта текстов самого Корчагина выделяется на фоне функционирования данной категории в инновативных текстах 2010-х годов. Если у большинства авторов он распаян, разобщен, конструируется из поэтических, социальных и политических категорий то у Корчагина субъект выражен наиболее целостно.

Интенция субъекта к объединению обладает сложной внутренней мотивировкой. Сама структура лирического субъекта определяет характер его отношений с пространством, фактура которого также впоследствии потребует пояснений и уточнений. Целостность субъекта Корчагина обусловлена его векторностью, потребностью постоянного перемещения, в котором происходит восстановление потерянных связей. Данный характер субъекта отмечал А.А. Житенев: «Для Корчагина его опыты связаны с “отказом от явно выраженной “позиции автора”” при сохранении “границ собственно лирического высказывания”; “лирическое” соотнесено с исследованием того или иного “коллективного мифа” при отсутствии “всякой прямой референции”» [Житенев: 106]. В этом проявляется дуализм субъектного устройства: с одной стороны, субъект распределен по пространствам, он скомпилирован из пейзажей и архитектурных построек, пасторальных ландшафтов и урбанистических топосов, сама его структура не замкнутая, а расщепленная и распределенная, но в то же время внешняя неравномерность служит способом распространения внутренней инкорпорированности:

мягкие складки рура мозельский виноград
в клочковатом старом тумане так на холмы
раздвигая ветви мы поднимаемся и огромные
лопасти простор разливают над нами — вот он
скользит по траве расправляя руки я не знал
никого кто бы видел его тогда но сам воздух
охвативший его приближает к почве держит
ровными крылья и нас заставляет смотреть
как пустеет деревня в ближайшей лощине
и вода проступает на оставленных стенах [Корчагин 2017: 30]

Субъект проникает в пространство («так на холмы раздвигая ветви мы поднимаемся»), входит в него, расставляя по пути движения топографические объекты. При этом нивелируются географические границы, расширяется перспектива субъектного взаимодействия с пространством. Пространства, выделенные субъектом, несут на себе отпечаток коллективного субъективного, нанесшего урон пространству при предыдущем взаимодействии: «огромные лопасти простор разливают над нами», «держит ровными крылья». Необходимо разделять лирического субъекта текста и субъектное как источник пространственного разрушения. Лирический субъект не становится частью предыдущего субъективного, хотя и взаимодействует с ним через пространства, которые отражают последствия предшествующего разрушительного влияния. Природное становится объектом разрушительного воздействия человека, оно приобретает дефрагментированную структуру, превращается в руины. Первоначальное субъективное насилие обуславливает агрессивный характер взаимодействия субъекта и пространства, ландшафт «заставляет смотреть как пустеет деревня в ближайшей лощине», на последствия техногенной и милитаристской деятельности, защищается от лирического субъекта как от потенциального носителя новых разрушений. Г. Рымбу в своем эссе «Обитатели руин», предваряющем корчагинскую книгу стихов, следующим образом характеризует подобную пространственную семантику: «Ландшафт разрушается не потому, что такова возвышенная фантазия поэта, не из-за внутреннего разлада, присущего субъекту, но вследствие реальной войны, порожденной машиной насилия, из-за катастрофы, которая дает о себе знать почти в каждом стихотворении этой книги» [Рымбу: 21]. Данная

формулировка достаточно точно характеризует то посттравматическое состояние, в котором предстает пространство в текстах Корчагина. Под влиянием происходивших на протяжении многих десятилетий вооруженных конфликтов, техногенных катастроф, оно оказывается в разрушенном и искаленном состоянии, из идеалистического космоса превращается в пугающий хаос.

где больше не встретить его — ни отпечатка
дыхания в густеющем воздухе ни гула
перелившегося через площадь захватившего
виноградники и сады (лишь в трубах шумят
их голоса копошатся в листве) но собаки
и старые люди могут услышать как вызревает
заря в узловатых ветвях как по отравленным
проводам струится она наши сердца разрывая [Корчагин 2017: 30]

Через пространственные медиаторы проявляются отголоски антропоморфного влияния: «лишь в трубах шумят их голоса копошатся в листве». Это призраки захватчиков и разрушителей, уничтоживших пространственное единство. Таким образом отпечаток субъективного проявляется в наделении ландшафта антропоморфными характеристиками: «отпечаток дыхания в густеющем воздухе», «гула перелившегося через площадь захватившего виноградники и сады». Стоит отметить концептуальное понимание Корчагиным пространства как живой подвижной материи, проявляемой в таких характеристиках природных объектов, как «воздух охвативший», «гула перелившегося», заря «вызревает» и «струится». Стертость областей органичного существования субъекта и пространства порождает перекрестное влияние одного на другое, в котором субъект приобретает черты пространственного, а ландшафт субъективируется.

Опосредованное взаимодействие лирического субъекта с предшествующим субъективным проявляется через тесное взаимодействие с природными топосами. Субъект одновременно не причастен к трагическому разрушению, но является носителем разрушительного ДНК: «я не знал никого кто бы видел его тогда». Но пространство как бы приобщает субъекта к процессу разрушения, агрессивно взаимодействуя с ним. Субъект через травму, нанесенную природой, приобщается к ее травме, становится носителем трагического ощущения разорванности и разомкнутости. Боль пространства «струится по отравленным проводам наши сердца разрывая».

Но эта расщепленность обусловлена тенденцией к восстановлению, а текучесть субъекта позволяет ему наполнять пространственные лакуны своей индивидуальностью. Парадоксальность субъекта текстов Кирилла Корчагина заключается в том, что зыбкость границ не влияет на внутреннюю целостность, она скорее помогает ему дистрибутивно выразить аффекты путем внешней структурной дефрагментированности. Однако стоит отметить тот факт, что субъект сознает, какие именно связи и в результате каких событий он потерял. Он не пытается нащупать зыбкие границы своего Я, потерянного в результате трагических катастроф, так как подвижность границ естественна для лирического субъекта текста. Фракционность субъекта обеспечивает свободу перемещений и воздействий, мотивировка которых кроется не в приобретении субъектом нового себя, не в встраивании в политический, социальный,

исторический контекст, а обнаружении забытой или скрытой в пространстве субъектности:

разрезающий скобы и блоки овевающий
сон что движется в травах холмов вывих
неслышимый хрип, свет стекающий тихо
в наши предглазья, сжатый удар духоты
затерявшийся в трубах перегорках
там где мы, мокрицы и мухи, свернуты
в прочные блоки завидуем свету и дню [Корчагин 2017: 32]

Антропоморфичность пространства обусловлена проникновением в него субъекта, в связи с этим природное приобретает телесные характеристики: «в травах холмов вывих», «неслышимый хрип», «сжатый удар духоты». Пространственная целостность оказывается взорвана субъектом изнутри, и он, будучи сам расщеплен и рассредоточен, встраивается в образовавшиеся лакуны. И потому влияние пространства и субъекта обоюдно, они принимают форму друг друга за тем только исключением, что через погружение в себя «иного» и себя в «иное» субъект не теряет интенции к объединению, встраивает травматический опыт в собственное поле аффектов: «разрезающий скобы и блоки овевающий сон / там где мы, мокрицы и мухи, свернуты в прочные блоки завидуем свету и дню». В текстах Корчагина часто возникает мотив воды, который отражает «агрегатное» состояние субъекта. Субъект также может растекаться, проникать, встраиваться, струиться, принимать форму, но по своей сути он остается целостным:

ни снов запечатленных в кристалле ни темной
волны охватывающей предметы ни страха полетов
перемещений но тело что тает в прибрежном песке

разрывается ткань городов солнце переваливается
через урал растекается над домами
над отвалами скользких пород [Корчагин 2017: 38]

Пространство становится таким же подвижным и текучим, как и субъект: «...солнце переваливается / через урал растекается над домами». Сам субъект тоже входит в пространство, постепенно проникает в него: «но тело что тает в прибрежном песке». Возникает контраст между плавностью и текучестью субъектной и пространственной формы с характером их взаимодействия: резкость разрушений соседствует с плавностью погружения. А. Гринбаум обосновывает частотность водных образов так: «Язык Корчагина, нежный, как соскальзывающая перевязка между поэзией и филологией, сплетён из жидкостей: из воды, нефти, крови, — а также из воздуха и единичности с ними огня. По сути, эти стихи — гидродинамика, перевоплощение первого инженерного образования автора, то есть не столько формулы сухомятной лингвистики, сколько уравнения живого течения речи» [Гринбаум].

Можно говорить о том, что травма интересует Корчагина как разлом, через который образуются трещины для последующего взаимодействия. Место разлома — это не только болезненная примета катастрофы, но и портал, сквозь который пространство и субъект могут проникнуть друг в друга: «пена оmyвает камни прокопченные стены мерзнут каштаны и на влажной земле в промежутках камней эта / внутренняя вода внутренний свет расщепленных / границ выплескивающийся на свободу там нет / никого надзиратели спят

поднимаются волны / трав и становятся выше окруженные солнцем цветы» [Корчагин 2017: 42]. Пространство обустроивается заново, сопоставляясь из природных ландшафтов, разрушенных зданий. Через процесс обустройства территорий заметна тенденция субъекта к гармонизации, он стремится к примирению субъективного и пространственного, снятию ощущения опасности, возникшего в результате осуществленной предыдущими поколениями агрессии. А.А. Житенев описывал подобную специфику как «рефлексию над опытом культуры, между эффектом непосредственного высказывания и подчеркнутой конвенциональностью, между “стилевым блеском и метафизическим скептицизмом”» [Житенев: 103].

Отметим, что взаимодействие субъекта и пространства носит порой симбиотический характер, сопровождающийся телесным проникновением:

по щиколотку вода и осыпаются созвездия
 обжигая кожу и иссушая сетчатку
 огненным шлейфом в плацентарном
 тумане где мы погруженные в грязь
 пьем эту черную воду [Корчагин 2017: 44]

На примере данного текста можно заметить, как посредством пространственного взаимодействия осуществляется связь субъекта с хонтологическим субъективным. Лирический субъект погружен в воду, пространство обволакивает его, нанося травмы: «осыпаются созвездия / обжигая кожу и иссушая сетчатку / огненным шлейфом в плацентарном / тумане». Но это травмы не пространства как сущности, а пространства как носителя насильственного субъективного, которое проявляется в процессе травмы. И через рану происходит совлечение пространства и субъекта, через которое лирический субъект приобщается к памяти пространства: «где мы погруженные в грязь пьем эту черную воду». Здесь также вновь можно отметить повторяющийся у Корчагина образ воды, который может быть считан как общее негативное субъективное, в которое субъект погружен и которое он поглощает. Но субъекту текстов Корчагина так или иначе свойственно стремление к гармонизации: «и он наблюдает за тем как по обнаженным / поручням сада скользит электричество / уходя в волокнистый песок» [Корчагин 2017: 44]. Попытка примирить разобщенные между собой топосы утопична, но субъект не мотивирован иллюзорной идеей создать мир, в котором все будут счастливы. Гармонизация пространств носит личностный характер, субъект пытается освоить разрушенные пространства в рамках собственного поля, попытка упорядочить и описать в его понимании уже становится определенным снятием тревоги и отрешенности. Рымбу, характеризуя специфику субъекта текстов Корчагина, отмечает в нем мессианистическое: «И в этих стихах, кроме наслаждения “конечностью” мира и человека, кроме драмы “конца” и образов распада культуры/природы, есть еще что-то, что не позволяет смертному наслаждению захватить воображение. “Утопия” и “апокалипсис” находятся в диалектических отношениях: за разрушением старого мира, его полным, окончательным исчезновением открывается возможность нового» [Рымбу: 23].

Отпечаток субъективного присутствует в пространстве изначально, субъект путешествует по нему как по карте, то приближая, то отдаляя территории. При этом стоит отметить, что данная динамика чаще всего хаотична и не упорядочена, но во взаимодействии данных художественных категорий, неизменным

остается главенствующее влияние субъекта, его лирическая интенция объединить топосы, выстраивая таким образом план субъектной реальности:

ночью к тебе постучится огромный двадцатый век
в гирляндах синеющей гари с углями в черных глазах
в одежде защитного цвета дышащей дымом болот
в пыли тверского бульвара обволакивающей ладони
проникающей прямо в сердца [Корчагин 2017: 65]

Субъект воспринимает пространства через призму собственного аффективного. Для него оно состоит из «гирлянд синеющей гари», одето в «одежду защитного цвета дышащей дымом болот», покрыто «пылью тверского бульвара». Гнетущая атмосфера разрушений проявляется в милитаристских метафорах, урбанистическое соплагается с природным, пористая структура пространства встраивается в субъектную рассредоточенность: «обволакивающей ладони / проникающей прямо в сердца». Однако это проникновение не столько насильственно-подчинительное, сколько объединяющее.

В связи с данным тезисом требует пояснения категория памяти. Это особая пограничная зона, в которой происходит синтез субъектного и пространственного. Память становится местностью, на которой равноправно сосуществуют топосы, чьи свойства совпадают с заданной субъектом системой координат. Это посещенные или аффективно присвоенные через культуру и литературу города, природные ландшафты. Память позволяет субъекту путем соположения и внедрения в аффективное пространство различных топосов выстроить поле контекстов и смыслов, в которых пространственные объекты служат медиаторами эмпирического опыта:

эти фразы меня беспокоят когда я иду
по москве — в тонкой пленке бульваров
поворачиваются фонари, я смотрю на тех
кто рядом идет и меня беспокоит огонь
их фаллических ног, их настоящая жизнь
сцепление их голосов [Корчагин 2017: 64]

Еще одно отличительное свойство памяти — вездесущность и тотальность воздействия. Пространства вбираются в субъективное через процесс вспоминания и запоминания, наделяются субъектом антропоморфными характеристиками, создавая таким образом подвижную и свободную структуру личного переживания. Субъект посредством взаимодействия с пространствами, которые в свою очередь приобретают внешние антропоморфные черты, осуществляет формирование топографии субъективного.

Необходимо прояснить отношения пространства и времени, которые возникают в связи с тем, что характер объектов так или иначе связан с исторической проблематикой. Для Корчагина одной из важнейших тем творчества являются отношения человека и истории, но истории не во временном смысле, а в топографическом. Время осознается субъектом как набор утраченных пространств, а ход истории воспринимается как смена топосов и ландшафтов, не планомерная, а иррационально-болезненная. Город же становится носителем примет пространств предыдущих, которые несут в себе следы коллективной травмы, рассеянной по вокзалам, бульварам, квартирам, стадионам и другим урбанистическим объектам. Субъект таким образом взаимодействует не со временем, а с совокупностью различных пространственных объектов, которые из разрозненных частей представляют собой

культурно-историческое поле смыслов и контекстов, принявших форму реальных мест: «бежишь мокрый от страха и дождя и пирамиды каштанов / разрываются над тобой над туманным франкфуртом / оглушенным воздушной войной и сквозь сирены / и отдаленные крики движется он разрезающий / влажную ночь — твой последний двадцатый век» [Корчагин 2017: 65]. Лирический субъект не пытается обособиться от травматического опыта, он движется сквозь пространственные объекты: «бежишь мокрый от страха и дождя», ощущая психологический и физический дискомфорт. Пространство развивается параллельно с ним: «движется он разрезающий влажную ночь». Из отдаленного «коллективного» историческое становится личным «субъективным»: «твой последний двадцатый век». Таким образом, все многообразие пространственных объектов приобретает чувственный характер, присваивается субъектом, становясь метками в поле его ощущений и эмоций. В. Гендлина справедливо отмечает: «Такое тотальное письмо ставит говорящего в этих стихах в сложную позицию: он немыслим исключительно в синхронном измерении, и он не только фиксирует распад времени, но и сам распадается в этом потоке, переставая принадлежать какой-либо определенной эпохе. Он субъект боли и свидетель раскола, “король разрывов”, обитающий в переломных моментах прошлого. Чужой травматический опыт становится для него своим, к чужой боли добавляется тоска по невозможности себя. Он, “смотрящий” истории, вынужден отказаться от коммуникации, от связей с Другим, от непосредственной близости — поэтому везде эта тоска по утраченному земному проступает тем больше, чем ее пытаются спрятать» [Гендлина].

Название книги «Все вещи мира» концептуально отображает идею объединения, присущую субъекту. Его движение сквозь и по пространственным объектам обусловлено желанием систематизировать и выделить все вещи материального мира, которые соответствуют его внутренней идентичности. Все вещи в данном контексте являются приметой той самой всеобъемлющей интенции субъекта к взаимодействию. Соположение географий, исторических контекстов, отголосков элитарной культуры с приметам маргинального социума — все это мир, из которого состоит субъект. Он обладает фактурой, запахом, звуком, его границы можно обнаружить в реальности, но ценность таких пространств не в них самих, а в той субъектной мотивировке, которую они приобретают:

в привокзальном туалете в остии
 телефоны мальчиков как во времена пазолини
 раскрывающийся от подземного пульса асфальт
 растрескавшееся побережье
 тянутся к траулерам ряды пляжных кабинок
 ниши в песке занимают бездомные
 столь же красивые как в москве молодые поэты [Корчагин 2017: 56]

Субъектное влияние наблюдается не только в тех формах взаимодействия с пространством, где перекрестное взаимодействие категорий осуществляется непосредственно, но и в более обособленном варианте. Субъект осуществляет навигацию в область чувственного, в качестве меток используя реальные топонимы, которые приобретают эмоциональные коннотации. Однако субъект не столько распределяется по пространственным объектам, сколько пытается собрать их в единый план местности, равномерно распределить в поле субъективного, определить границы и указать направление

движения. Это справедливо отмечает Х. Шталь: «...у Корчагина чернила меланхолии испаряются и просветляются туманом, тучами и облаками, ветром и дымом, порою звёздами, луной, даже молниями, солнцем, искрами и огнями. Печаль об утерянном объекте, контемплиция над поражениями левых идеологий заменяется созерцанием сегодняшних катастроф антропоцена, с которыми переплетаются и катастрофы исторические, иначе говоря: в стихах Корчагина *Angelus Novus* не глядит назад, как у Бенямина (и, впрочем, ангел-меланхолия у Дюрера), но, взлетая в буре истории, обращает взгляд одновременно назад и вниз, под себя, а краем глаз — ещё и косится вперёд» [Шталь]. Пространство субъективируется путем попадания в поле зрения субъекта, его фокусировкой на чувственных коннотациях, но данная субъективация не влияет на формальные функции пространства. Оно остается целостным, но служит материалом для аффективной картографии:

и вот они в переулке недалеко от северного
вокзала — 10 евро у одного, у другого 7
я их придумал когда слушал в москве
стихи об арабах и террористах когда
под корнями бульваров билось и расцветало
теплое техно ночного парижа, октябрьский
яд сквозняков [Корчагин 2017: 85]

Субъект путешествует по аффективному пространству: «я их придумал когда слушал в москве стихи об арабах и террористах». В поле вымышленного, когда субъект сам устанавливает векторы движения, пространство может сохранять свои функции, иллюстрировать чувственное состояние субъекта. Это топосы, которые несут в себе субъективное:

и на поэтических чтениях все меньше народу —
и если мы собираемся у электротейтера или идем
в новый крафтовый бар то кто-нибудь спросит
как же случилось что здесь мы стоим пока пласт
за пластом движется время под холодной тверской
и на кутузовском там за мостом в оранжевых
вспышках дорожных работ асфальт раскрывается
высвобождая все то тепло что мы тогда потеряли [Корчагин 2017: 85]

Меланхолическая окрашенность отмеченных субъектом пространств обусловлена настроением лирического субъекта. В этом проявляется схожесть субъекта текстов Корчагина с лирическим субъектом романтизма. Это отмечает С. Огурцов в своем комментарии к текстам Корчагина: «Формообразующая свобода текста от позиции автора, которую постулирует Кирилл Корчагин, ближе не к структуралистскому, а к романтическому представлению: за рамки текста выносятся не автор, но позиция. Художник, таким образом, мыслится как чистый сверхпроводник, только вместо духовдохновенных озарений мы имеем некую объективную реконструкцию “коллективного мифа”... Но есть или нет автора — позиция всегда остается. Искусство как таковое во многом и есть позиция, так как последняя — это лишь точка обзора, иначе говоря — субъект» [Огурцов].

Таким образом, на протяжении книги можно наблюдать функционирование следующей субъектно-пространственной модели: $S(\Pi) — (\Pi)S$. Она базируется на перекрестном влиянии субъекта и пространства, в котором субъект, обладая дефрагментированной внешней структурой, погружаясь/входя

в пространства, приобретает его функции. Часто субъект сам начинает функционировать как пространственный объект, встраиваясь в руинистический ландшафт. Пространства же, в свою очередь, приобретают субъектность, их антропоморфичность проявляется в физиологических характеристиках, они становятся подвижными и активными. Однако изоморфное влияние обусловлено еще и тем фактом, что пространственная расщепленность возникла в результате воздействия коллективного субъективного, и лирический субъект приобщается к пространственной травме. Также в текстах находит свое проявление модель, в которой взаимодействие субъекта и пространства носят не симбиотический, а хонтологический характер. Лирический субъект путем тесного или дистанцированного, проникающего/насильственного или исследовательского/топографического взаимодействия с пространственными объектами вступает в контакт с призраками предшествующей субъективности, проявляемой через пространственные корреляты. Данную модель можно обозначить как $S - P - S'$. Первую модель можно обозначить как более диффузную, в ней пространство выступает и в качестве участника, и в качестве медиума. Во второй модели пространство более обособлено, взаимодействие лирического субъекта с ним происходит контекстуально. Неизменной в обеих моделях остается главенствующая роль субъекта, его мотивированность к восстановлению чувственной и материальной целостности.

Список литературы / References

- Гендлина В. Разрыв повседневного: о книге Кирилла Корчагина «Все вещи мира» // Дискурс. 2017. 7 авг. URL: <https://discours.io/articles/culture/razryv-povsednevnogo-o-knige-kirilla-korchagina-vse-veschi-mira> (дата обращения: 11.01.2022).
(Gendlina V. The gap of everyday: about Kirill Korchagin's book "All things of the world", *Discourse*, 2017, 7 aug. — In Russ.)
- Гринбаум А. Кириллу Корчагину: Вторая тоска // Воздух. 2020. № 40. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2020-40/grinbaum/> (дата обращения: 09.01.2022).
(Grinbaum A. To Kirill Korchagin: The second longing, *Vozduh*, 2020, no. 40. — In Russ.)
- Житенев А.А. Поэзия неомодернизма: монография. СПб.: ИНАПРЕСС, 2012. 480 с.
(Zhitenev A.A. The poetry of neo-modernism: a monograph, St. Petersburg, 2012, 480 p. — In Russ.)
- Корчагин К. «Маска сдирается вместе с кожей»: способы конструирования субъекта в политической поэзии 2010-х годов // Новое литературное обозрение. 2013. № 6. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/124_nlo_6_2013/article/10699/ (дата обращения: 12.01.2022).
(Korchagin K. "The mask is torn off with the skin": ways of constructing the subject in the political poetry of the 2010s, *New literature review*, 2013, no. 6. — In Russ.)
- Корчагин К. Пространство и субъект в поэзии Геннадия Айги // Russian literature. 2016. № 79—80. С. 111—124.
(Korchagin K. Space and subject in the poetry of Gennady Aygi, *Russian Literature*, 2016, № 79—80, pp. 111—124. — In Russ.)
- Корчагин К. Все вещи мира. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 136 с.
(Korchagin K. All things of the world, Moscow, 2017, 136 p. — In Russ.)

- Корчагин К.М. Возвращение «мерцающего» субъекта: московский концептуализм и поэзия 2000—2010-х годов // *Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика*. Берлин: Peter Lang Verlag, 2018. С. 383—396.
(Korchagin K.M. The return of the “flickering” subject: Moscow conceptualism and poetry of the 2000—the 2010s, *Subject in the newest Russian-language poetry — theory and practice*, Berlin, 2018, pp. 383—396. — In Russ.)
- Огурцов С. Стиль зла: (комментарий к подборке К. Корчагина) // *Транслит*. 2011. № 9. URL: <http://www.trans-lit.info/materialy/9-vypuski/sergej-ogurtsov-stil-zla-kommentarij-k-podborke-k-korchagina> (дата обращения: 10.01.2022).
(Ogurtsov S. The style of evil: (Commentary on the selection of K. Korchagin), *Translit*, 2011, no. 9. — In Russ.)
- Рымбу Г. Обитатели руин // Корчагин К. Все вещи мира. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 5—24.
(Rymbu G. Inhabitants of the ruins, *Korchagin K. All things of the world*, Moscow, 2017, pp. 5—24. — In Russ.)
- Шталь Х. Кириллу Корчагину: Джины слов, или Магическая меланхолия // *Воздух*. 2020. № 40. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2020-40/stahl/> (дата обращения: 11.01.2022).
(Shtal H. To Kirill Korchagin: Gins of words or Magical melancholy, *Vozduh*, 2020, no. 40. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Андреянова Елена Евгеньевна — аспирантка кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lenaluna139@yandex.ru

Andreyanova Elena Evgenievna — Postgraduate student of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lenaluna139@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 18—30.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 18—30.

Научная статья

УДК 821.112.2:111.852

DOI: 10.46726/H.2022.1.2

ДРАМА И.В. ГЕТЕ «ТОРКВАТО ТАССО» И ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСКОЙ ФАНТАЗИИ

Алексей Львович Вольский

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, volskij@mail.ru

Аннотация. Главным героем модернистского дискурса культуры является творческая личность, мифологизированная в концепте гений. Теория бессознательного гениального творчества образует смысловой центр модернистской эстетики. Источником гениального творчества выступает творческая фантазия, осмысляемая как конструктивный принцип модернистской литературы. В Германии первым и прецедентным художественным текстом о творческой фантазии стала драма И.В. Гете «Торквато Тассо», в которой был создан образ модернистского поэта, предопределивший вектор эволюции литературы от веймарского классицизма до постмодернизма. В статье осуществлена попытка прочтения основных конфликтов драмы Гете сквозь призму философских категорий «Критики способности суждения» И. Канта, опубликованной в том же 1790 году, что и текст Гете. Диалог между поэзией и философией, ставший одной из важных особенностей дискурса культуры Германии и теоретически обоснованный в философии романтизма, допускает интерпретацию основных драматических конфликтов с опорой на антиномии философской эстетики, а также на фоне философии трагедии, генезис которой совпадает с генезисом раннего немецкого модерна.

Ключевые слова: философия искусства, немецкий модерн, гений, художник, эстетический миф, И.В. Гете, И. Кант, Торквато Тассо, творческая фантазия

Для цитирования: Вольский А.Л. Драма И.В. Гете «Торквато Тассо» и проблема творческой фантазии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 18—30.

Original article

GOETHE'S DRAMA "TORQUATO TASSO" AND THE PROBLEM OF CREATIVE IMAGINATION

Alexey L. Volskiy

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation, volskiy@mail.ru

Abstract. The protagonist of the cultural discourse of German modernism is a creative person mythologized in the concept of genius. The theory of unconscious ingenious creativity forms the semantic center of modernist aesthetics and the aesthetical myth of German modernism. The source of ingenious poetry is creative imagination interpreted as a constructive principle of modernist literature. The first and precedent literary text about creative fantasy in Germany is the drama *Torquato Tasso* by J.W. Goethe, in which the German poet is the first to create the image of a modernist poet who predetermined the vector of evolution of literature about the artist from Weimar Classicism to postmodernism. The article attempts to read the main conflicts of Goethe's drama through the prism of philosophical categories, the *Critique of the Power of Judgment* by I. Kant, published in the same 1790 as the text of Goethe. The dialogue between poetry and philosophy, which has become one of the important features of the discourse of German culture and theoretically substantiated in the philosophy of romanticism, allows an interpretation of the main dramatic conflicts in line with the antinomies of philosophical aesthetics, as well as against the background of the philosophy of tragedy, the genesis of which coincides with the genesis of early German modernism.

Keywords: philosophy of art, German modernism, genius, artist, aesthetical myth, J. W. Goethe, I. Kant, Torquato Tasso, creative phantasy

For citation: Volskiy A.L. Goethe's drama "Torquato Tasso" and the problem of creative imagination, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 18—30.

Первым значительным произведением немецкого модерна, в котором был создан образ художника, стала драма Гете «Торквато Тассо». В этой драме Гете конструирует типологическую модель модернистского художника, актуальную вплоть до современности.

Драма «Торквато Тассо» соединяет центральные темы предшествующего творчества Гете: во-первых, тему гениального творчества, воплощенную прежде всего в штормерских гимнах, и, во-вторых, тему модернистской («эксклюзивной») у Н. Лумана [Luhmann: 155]) индивидуальности, образ которой он впервые создал в романе о Вертере. Этот синтез получил выражение в знаменитой дефиниции Жан-Жака Ампера «Тассо — это усиленный Вертер».

История культуры XVIII века проходит под знаком формирования модернистской субъективности, квинтэссенцией которой стала теория гениальности, а ее утверждение ознаменовало переход от традиционной риторической культуры «готового слова» [Михайлов 1988: 311] и «рефлексивного традиционализма» к эпохе «индивидуально-творческого сознания» [Аверинцев: 150—151]. Социально-экономическим фоном этого перехода является разрушение феодальной системы общественных отношений и наступление эпохи капитализма, выдвинувшей на историческую сцену новый субъект истории — творческую личность, мифологизированную в гении.

Учение о гении образует центральный сюжет так называемого эстетического мифа, под которым понимается, с одной стороны, вся совокупность взглядов, теорий, концепций, получивших отражение в текстах культуры, приписывающих искусству роль движущей силы в преображении человека и мира, «воспитательницы человеческого рода», по выражению Ф. Гельдерлина [Hölderlin: 441—443], а с другой, конструируемый на основе этой совокупности метанарратив, позволяющий рассматривать дискурсивное пространство модернизма не как случайное собрание бессвязных и разрозненных историко-культурных фактов, а как единое смысловое целое, объединенное общей сквозной идеей и проходящее определенные исторические фазы своего развития [Вольский 2018: 36—41].

В мифе о гении эпоха модернизма обретает свою культурно-историческую легитимацию: гениальная личность, аристократ духа возвышается над родовой аристократией, с одной стороны, и финансовой олигархией, с другой, как некая абсолютная, внеисторическая инстанция, «виртуоз» и «второй творец, подлинный Прометей, ходящий под Юпитером», по выражению Шефтсбери [Шефтсбери: 365].

Гениальность есть природный дар, который нельзя заполучить ни усердием, ни трудом, а его главное свойство — индивидуальная неповторимость, отменяющая в искусстве принцип мимесиса и утверждающая принцип пойнсиса, то есть оригинального творчества. Отвергнув аристотелевскую традицию понимания искусства как учения и мастерства, реализованную в понятии ученый поэт (*poeta doctus*), модернизм возвращается к платонической традиции бессознательного творчества, обобщенной в концепте поэта-пророка (*poeta vates*) [Kommerell: 105].

Иоганн Лафатер формулирует признаки гениальности в знаменитой характеристике, скорее мистической, нежели научной:

Невыученное, незаимствованное, то, что нельзя выучить, нельзя заимствовать, то, что неподражаемо, Божественно — есть гений, то, что Богодухновенно есть гений* (цит. по: [Schmidt: 404]).

Источник бессознательного творчества модернизм усматривает в творческой фантазии, трактуемой как продуктивная способность воображения, а потому не случайно, что переход от классической поэтики к новой проходил на фоне дискуссии о творческой фантазии, которую вели ложноклассический, офранцузенный Лейпциг в лице И.К. Готшеда и германский Цюрих в лице И.Я. Бодмера и И.Я. Брейтингера. Начиная с исторической победы швейцарцев, фантазия стала осознаваться как конструктивный принцип модернистской поэзии, а открытость и потенциальная неисчерпаемость художественного вымысла взяла верх над замкнутыми и статичными формам классицизма [Жеребин: 181—190; Кассирер: 360—367; Михайлов 2007: 191—300].

Гений для И. Канта представляет собой способность творчества эстетических идей, которые суть не что иное как представления, бессознательно порождаемые продуктивным воображением. Продуктивное воображение создает из материала действительности некую вторую (художественную) реальность, в которой, в отличие от эмпирической действительности, природа и свобода образуют гармонию, недостижимую ни в теоретическом познании, ни в практической деятельности [Kant: 193 и далее].

* Кроме оговоренных случаев, все переводы принадлежат автору статьи.

Воплощение творческой фантазии новая эпоха видела в Гете, которого Новалис назвал «наместником поэтического духа на земле» [Новалис: 114]. О фантазии как внутреннем принципе не только своего творчества, но и своего бытия сам Гете высказывался неоднократно. Вот только две характерные цитаты:

Я обладал даром, закрывая глаза и опуская голову, мысленно представлять в сердцевине зрительного органа цветок, который никогда не застывал в своем первоначальном облике, а распускался, образуя все новые цветы с пестрыми и зелеными лепестками; это были не естественные цветы, а фантастические, словно розетки готического собора. Их формообразование не поддавалось фиксации, однако прекращалось по моему усмотрению, не иссякая и не усиливаясь. Подобные опыты я мог производить... точь-в-точь как при помощи калейдоскопа, изобретенного лишь в наши дни (цит. по: [Dilthey: 134—135]).

В творческой фантазии реализуется бессознательный поэтический импульс, о котором Гете так говорил своему секретарю Гайсту:

Всегда действенный, продолжающий действовать во внутреннем и внешнем поэтический импульс составляет центр и основу своего существования. Если его так понимают, то разрешаются все остальные мнимые противоречия. Так как этот импульс не знает покоя, то он, дабы бесследно не исчезнуть, не уничтожить себя, должен обратиться ко внешнему; отсюда многие неправильные тенденции: в отношении к изобразительному искусству, для которого у него нет органа, в отношении к деятельной жизни, к чему у него нет гибкости, к наукам, к которым у него недостаточно упорства. Поскольку он сам, однако, ведет себя в отношении всех трех их формируя, и должен проникать в реальность материала и содержание, и в единство и уместность формы, то даже эти неверные направления стремлений были отнюдь не бесплодны снаружи и внутри (цит. по: [Аствацатуров: 269]).

В штурмерских гимнах Гете не раз изображал действующих по воле поэтического импульса вдохновенных творцов («Прометей», «Песнь Магомета», «Ганимед», «Песня странника в бурю»). Но там творческое воображение изображалось только со светлой стороны. В драме «Горквата Тассо» (1790) Гете впервые показал его проблематическую сторону, которая *ретроспективно*, в свете трактата «О наивной и сентиментальной поэзии» Ф. Шиллера (1795), осмысливается как проблема современного художника в целом. Шиллер, конструируя образ сентиментального поэта, говорит, впрочем, об Ариосто, а не о Тассо, однако К.М. Виланд в «Письме молодому поэту» (1782) прямо ссылается на «божественного Тассо» и его «лавровый венок». Описывая черты Тассо как типичные для современного поэта, он говорит, что «внутренняя профессия» поэта состоит в потребности «воспламеняться от малейшего дуновения», всему сочувствовать и все оживлять. Сущность поэтической деятельности состоит в том, чтобы все пережитое обращать в художественный образ. Но Виланд предостерегает молодого поэта от одностороннего развития личности: превратившись целиком и полностью в поэта, он может стать непригодным для всякого другого образа жизни [Конради: 558].

Текст Виланда относится к 1782 году и хронологически совпадает с началом работы Гете над «Горкватом Тассо», а сформулированная Виландом проблема является для Гете драмы центральной. Сам Гете назвал ее «диспропорцией таланта и жизни» [Гете 1977: 603], что, собственно говоря, есть не что иное, как переформулировка центральной антиномии как гетевского, так

и в целом модернистского литературного дискурса — антиномии между поэзией и правдой, фантазией и действительностью, абсолютной и относительной реальностью.

Существенные аспекты этой диспропорции будут рассматриваться здесь с опорой на «Критику способности суждения» И. Канта, которая вышла в свет одновременно с драмой Гете — в 1790 году. Но и это хронологическое совпадение не является случайным.

Возможность истолкования драматических конфликтов с помощью эстетических категорий отражает более общую тенденцию, набирающую силу в модернизме: тенденцию к интердискурсивному взаимодействию и созданию интермедиальных пространств, которая впоследствии будет теоретически обоснована и практически реализована в романтизме, а «диалог между поэзией и философией» (Zwiesgespräch zwischen Dichten und Denken у Хайдеггера) станет характерной чертой немецкой культуры в целом [Вольский 2008].

Первым внешним проявлением указанной диспропорции является отчужденность поэта Тассо от прочих обитателей замка Бельриguardo, которая может быть описана с помощью кантовской антиномии гения и вкуса как продуктивной и рецептивной художественной способности. По Канту, гений есть способность создания эстетических идей, а вкус — способность их восприятия [Кант: 184]. Данная антиномия не раз становилась предметом исследования, в частности одной из последних отечественных работ — статьи А.Г. Аствацатурова «Поэт и просвещенное общество» [Аствацатуров: 259—272]. Контуры этой антиномии проступают за оппозицией «нормативного» и «индивидуального культурного кода», о которых пишет в своей книге о Гете Д. Кемпер [Кемпер: 128—149]. Какой элемент данной антиномии получает приоритет, зависит от позиции исследователя: является ли он сторонником нормативного или индивидуального в искусстве и жизни. Так, Кант пишет:

...если при столкновении двух этих свойств [гения и вкуса] ...следует чем-то пожертвовать, то это скорее должно относиться к гению; способность же суждения... допускает скорее ограничение свободы и богатства воображения, чем ограничения рассудка [Кант: 193].

Видимо, следуя за Кантом, А. Корфф делает из столкновения Тассо и общества следующий вывод:

Художественный талант не есть высшая гуманность. Талант может ее стяжать, если он с помощью природы или воспитания соединится с истинным мировым разумом и воплотит в своем образе и в своем творчестве закон мира [Korff: 183].

А вот Б. фон Визе, напротив, отстаивает право гениального поэта на автономию:

Теплица и стиль, аристократизм и культура, становятся тем обманчивым фасадом, в основе своей опасным, сомнительно неоднозначным, слишком искусственным порядком, который... под маской добра и красоты стал призрачным, уже непонятым врагом для живущего своими истоками поэта [Визе: 23].

Любое культурное сообщество, даже такое лояльное, как эстетическое общество Феррары, является, по мнению Визе, в сущности, враждебным и репрессивным по отношению к поэту. Подобную мысль развивает и Криста Вольф в своей новелле «Нет места. Нигде» [Вольф: 306—307].

В «Торквато Тассо» Гете впервые делает отчуждение поэта от общества темой литературы. Но степень отчуждения персонажей по отношению к Тассо разная. Она определяется способностью персонажей ценить прекрасное искусство, то есть художественным вкусом. В наименьшей степени им обладает министр Антонио, искусство в принципе отрицающий. Графиня Сан Витале и герцог Альфонс, хотя и умеют ценить прекрасное, но до подлинного эстетического восприятия не поднимаются, ибо их любовь к искусству небескорыстна: герцог держит при дворе Тассо, так как монарх, не окруживший свой трон талантами, может прослыть непросвещенным варваром, а графиня Сан Витале втайне мечтает, чтобы Тассо воспел ее как новую Лауру.

Только принцесса Леонора обладает подлинным художественным вкусом и воплощает идеал незаинтересованного созерцания. В ее лице мир реальности максимально близко подступает к миру творчества и ищет союза с ним. Но и такой союз оказывается невозможным, и разрыв Тассо и принцессы становится свидетельством трагического разлада поэта и общества, разлада, который, начиная с этой драмы, станет одним из центральных мотивов модернистской литературы. В основании этого разлада лежит фундаментальное отчуждение двух форм художественной способности — продуктивной и рецептивной.

Художественный вкус в традиционной культуре выступал в роли законодателя в вопросах искусства, и поэт был обязан подчиняться его высоким требованиям. Непризнанность в традиционной культуре никогда не считалась почетной. Напротив, высшей точкой развития таланта мог быть только общественный триумф, статус типа *poeta laureatus*, увенчание лавровым венком — с этой сцены, кстати, и начинается драма Гете. Модернистская эстетика меняет это соотношение, делает отверженность сначала горьким уделом великого поэта, а потом и мерилем его гениальности, открывая галерею «проклятых поэтов».

Так и у Гете: увенчание — это не итог творческого пути Тассо, а только его исходная точка, та (иллюзорная) вершина, с которой начинается его падение. Драма «Торквато Тассо» отражает переход от эстетики вкуса к эстетике гения, от рецептивного отношения к искусству к продуктивному, под знаком которого проходит весь XVIII век [Кассирер: 307—359].

Попыткой разрешения антиномии гения и вкуса станет романтический постулат конгенности читателя с автором — утверждение идеала их творческого взаимодействия в процессе художественной коммуникации, призыв к ликвидации границы между автором и читателем и провозглашение утопии всеобщей гениальности как эквивалента религиозной идеи всеобщего священства. Но у Гете такой союз оказывается невозможен из-за различия внутреннего закона экзистенции поэта как продуцирующей инстанции и читателя как инстанции (только) потребляющей.

Внутренний закон жизни принцессы Леоноры — воспитание через отречение: «И отреченью среди мук моих / Я научилась рано» [Гете 1977: 220]. Она исповедует принцип «позволено лишь то, что подобает» [там же: 238]. Ее жизнь определяется законом стиля, который заставляет подчинять страсти этической норме, а чувства — долгу. Проводя поэтологическую аналогию, можно сказать, что принцесса — это олицетворение культуры высокого классицизма с его аполлоническим идеалом прекрасной и гармоничной формы, отстраняющим от себя все бесформенное и хаотическое.

Но дело в том, что внутренний закон бытия поэта — это не сохранение гармонии и формы, а перманентное трансцендирование в творческой фантазии, не отречение от стихии жизни, а, наоборот, погружение в ее безмерность, в которой разворачивается дионисическая мистерия смерти и воскресения, выраженная в программной формуле «Священной тоски»: *stirb und werde* — умри и воскресни. Предвосхищая эту формулу, Тассо говорит:

Кто шелковичному червю пред смертью
Прясти его одежду запретит?
Он выпрягает дорогую ткань
Из недр своих и бросит труд не прежде,
Чем заключит себя в своей гробнице.
О, пусть и нам дарует добрый бог
Завидный жребий этого червя,
Чтоб радостно и быстро развернуть
Крыла в долине солнечной! [Гете 1977: 301]

Образ плетущего «дорогую ткань» шелковичного червя есть не что иное, как реализация метафоры «оригинального гения» (*original genius*, по Адиссо-ну), который в процессе творчества буквально создает новый мир из себя самого, умирая и возрождаясь в нем. Цель творческого процесса — палингенезис, который требует от поэта полной самоотдачи. В этом процессе поэт проходит трагическую фазу деинтеграции собственной личности, фактически саморазрушения, чтобы прийти к слиянию с живительными силами природы.

Сопоставление эстетических категорий гения и вкуса, которые воплощены в образах Тассо и принцессы Леоноры, получает продолжение в еще одном сопоставлении: категорий прекрасного и возвышенного. Жизнь принцессы Леоноры протекает под знаком «высокой бесцельности», самосовершенствования ради него самого. Одухотворение само по себе прекрасно и потому самоценно. Бесцельная целесообразность и незаинтересованное созерцание суть категории, с помощью которых Кант, как известно, определяет прекрасное.

Но в этом прекрасном бытии есть нечто опасно обманчивое, сближающее бытие процессы с художественной иллюзией. Ее изящное совершенство возможно только в искусственно-тепличной атмосфере окружающего ее эстетического общества, узкого и избранного круга, за пределами которого оно обречено на гибель. Принцесса — прекрасное тепличное растение, отделенное от грубой жизни высокими стенами увеселительного замка Бельригуардо.

Жизнь Тассо воплощает категорию возвышенного. Категории прекрасного и возвышенного, которые в античности, по сути, дополняли друг друга — достаточно вспомнить платоновское учение о красоте как первой ступени, ведущей к созерцанию идей — в раннемодернистской эстетике утратили тождественность и образовали антиномию, с особой резкостью декларированную у Э. Берка, автора влиятельного трактата «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1757). В этой книге Берк утверждает, что ясность, пропорциональность, определенность — категории недостаточные для осмысления эстетического целого. Он полагает, что не столько прекрасная форма, сколько ее деформация может иметь эстетическую ценность. Более сильное переживание мы испытываем, когда оказываемся перед лицом разрушающейся формы. Возвышенное не стремится удержать нас в мире конечного, а способствует трансценденции.

Искусство Тассо воплощает стремление к бесконечно далекому идеалу, в котором предвосхищена идея Ф. Шлегеля о прогрессивной и универсальной

поэзии. Творческий процесс для Тассо более значим, чем его результат — завершенное произведение искусства. Стремление к абсолютному совершенству мешает Тассо завершить свои произведения. Его творчество парадоксальным образом начинает противоречить его искусству, превращается в некий бесконечный процесс, разрушающий его самого. Как справедливо отмечает К.О. Конради, «для Тассо недостаточно формально завершить свое произведение. Он стремится к бесконечному совершенству, которого в реальности не существует» [Конради: 561]:

Я чувствую, мне счастья нет ни в чем!
Я изменить могу, но не закончить.
Я чувствую, великое искусство,
Что всех питает и здоровый дух
Крепит и освежает, беспощадно
Меня погубит [Гете 1977: 302].

Творческий импульс действует в нем помимо и часто вопреки его воле, делая Тассо заложником его вдохновения и своего рода сакральной жертвой. Ради чего приносится такая жертва? Ради творческого обновления бытия, нового его «рождения в красоте» (τόκος ἐν καλῳ̃). Общественное значение его поэзии, которое не желает признать прежде всего искушенный практик Антонио, состоит в том, что Тассо — это визионер, видениями которого питается все общество, ведь художник открывает обществу его идеал, через который общество познает самоё себя, и открывает обществу ту цель, к которой оно стремится, в том числе, пусть и неосознанно, реалист Антонио.

Отвергая искусство Тассо, Антонио не отдает себе отчета в простой вещи: он в своей реальной политической деятельности осуществляет идеальные планы Тассо. Ведь исполнив приказ герцога и заключив мир с Римом, он отчасти реализует тот вечный мир, о котором повествует финал бессмертной поэмы его недруга, а само просвещенное государство Феррары есть не что иное, как земное отображение поэтической утопии «Освобожденного Иерусалима», образ которого показал Тассо. Так, Антонио, желая польстить своему герцогу, говорит:

Нет зрелища прекрасней на земле,
Чем правящий разумно государь,
Чем край, где каждый — с гордостью послушен,
Где каждый мнит, что служит сам себе,
Где велено лишь то, что справедливо [Гете 1977: 227].

Говоря это, Антонио переносит на Альфонса черты созданного поэтами образа идеального государя, в частности герцога Готфрида Французского. Во вступлении к поэме «Освобожденный Иерусалим» Тассо обращается к Альфонсу с такими словами:

О мой оплот, Альфонс великодушный!
<...>
Да, если христианские народы
Когда-нибудь в одну семью сплотятся
И дружной ратью двинутся вторично
Отнять у мусульманина добычу,
Да во главе той рати станешь ты
И поплывут все флаги за тобою;
Готфрида состязатель... [Тассо: 38]

Творческая фантазия не ограничивается, однако, для Тассо областью искусства. Гете показал, что фантазия не является неким дополнением к личности поэта, а есть *антропологическая основа* этой личности. Выходя за пределы идеальной сферы искусства в сферу реальной жизни и подчиняя ее себе, творческая фантазия оборачивается кошмаром для окружающих и, разумеется, для самого поэта: крайние проявления меланхолии и эйфории, в которых существует психика Тассо, суть не что иное, как скрытая сторона, изнанка его искусства. Поскольку творческий импульс действует постоянно, Тассо не может удержаться в границах реального мира и постоянно творит виртуальные миры, которые воспринимаются как проявления его безумия. Так происходит в сцене увенчания, когда в своих мечтах Тассо переносится в золотой век, так происходит и в момент его отчаяния, когда он рисует перед изумленной графиней Сан Витале сценарий своей будущей жизни, о котором наперед известно, что он никогда не будет реализован:

Я проберусь чрез город, где движенье
Народных тысяч скроет одного.
Я поспешу на берег, там найду
Челнок с людьми, что бегали на рынок,
Теперь же возвращаются домой...
<...>
Я буду плыть безмолвно,
Вступлю на берег, тихо я пойду
Родной тропой и у ворот спрошу:
«Где здесь живет Корнелия? Скажите!
Корнелия Серзале?» Благосклонно
Прядильщица мне улицу укажет
И дом ее. Я дальше поднимусь.
Вот выбегают дети, с изумленьем
На трепаного, мрачного пришельца
Они глядят. Вот у порога я.
Открыты двери, я вступаю в дом... [Гете 1977: 303]

Будь этот монолог фрагментом поэмы Тассо, он, вероятно, вызвал бы восхищение, но как сценарий реальности, существующей в определенном пространстве и времени, он безумен, хотя порождающий его механизм один и тот же — движимая творческим импульсом фантазия. Если вернуться к кантовскому определению гения как синтеза воображения и рассудка, то здесь воображение и рассудок находятся в диспропорции. Воображение Тассо больше не поддается контролю со стороны рассудка, оно действует автономно, разрушая мир реальности, ему самому «на горе»:

Ошибся ты, и как другим на радость
Ты прежде сочинял, так ты теперь
Плетешь себе на горе паутину
Фантазии [Гете 1977: 283].

Оба описанных выше конфликта (внешний — между Тассо и обществом, истолкованный посредством кантовской антиномии гения и вкуса, и конфликт внутренний, разворачивающийся в душе Тассо, — между фантазией и рассудком) являются частными проявлениями более общего конфликта — *онтологического*, ставшего предметом возникшей тогда в Германии философии трагедии.

По мнению П. Сонди, философия трагедии является специфическим явлением немецкой культуры и отражает диалог между поэзией и философией, о котором речь шла выше [Szondi: 7]. Ведь не случайно Ф. Гундольф полагал, что Гете не написал ничего более трагического, чем финал Торквато Тассо [Gundolf: 324]. Немецкая философия искусства усматривала в трагическом конфликте проявление фундаментальных противоречий бытия. У истоков немецкой философии трагедии стоял И.В. Гете, для которого трагический конфликт означал столкновение индивидуальной свободы субъекта с «неизбежным ходом целого» [Гете 1980: 263].

Эволюцию философии трагедии П. Сонди описывает как переход от классической теории трагедии (Шиллер) к спекулятивной (Гёльдерлин, Шеллинг, Гегель). Если для Шиллера трагический конфликт заключался в столкновении между свободой и необходимостью, то Гегель рассматривает трагедию как противоречие между реальным и идеальным как двумя равноправными субстанциональными принципами.

Репрезентантами этих субстанциональных принципов в драме выступают Антонио и Тассо, реалист и идеалист, которые в финале драмы противостоят друг другу в образах воды и скалы. Вода как образ отражающего все предметы (репродуктивного) и преобразующего их (продуктивного) воображения и скала как образ незыблемой и одновременно ограниченной реальности:

Стоишь ты твердо, благородный муж,
А я — волна, колеблемая бурей,
Но силою своею не кичись!
Та самая могучая природа,
Что создала незыблемый утес,
Дала волне мятежное движенье.
Пошлет природа бурю, и волна
Бежит, вздымается и гнется в пене.
В ней отражались солнце и лазурь
Прекрасные, и звезды почивали
В ее так нежно зыблющемся лоне [Гете 1977: 311].

Образ скалы и образ воды символизируют также открытую культуру модерна и замкнутую культуру рационализма. Тассо, бросающийся в объятия Антонио, символизирует диалектическое примирение противоположностей и поэтическое предвосхищение единства реального и идеального, в синтезе которых должна возникнуть культура будущего.

Драма Гете вызвала к жизни целую плеяду образов Тассо в разных искусствах — Байрон, Шелли, Баратынский, Пушкин, Делакруа, Лист — только самые громкие имена. Но еще важнее, что созданный Гете образ стал архетипическим и предвосхитил эстетическую проблематику романтиков, а затем и Т. Манна, Т. Бернхарда и П. Зюскинда, персонажей которых можно считать наследниками гетевского Тассо.

Список литературы / References

- Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки рус. культуры, 1996. С. 146—157.
(Averintsev S.S. Ancient Greek Poetics and World Literature, *Averintsev S.S. Rhetoric and Origins of the European Literary Tradition*, Moscow, 1996, pp. 146—157. — In Russ.)

- Аствацатуров А.Г. Поэт и просвещенное общество // Аствацатуров А.Г. Поэзия. Философия. Игра: герменевтическое исследование творчества И.В. Гёте, Ф. Шиллера, В.А. Моцарта, Ф. Ницше. СПб.: Геликон Плюс, 2010. С. 259—272.
(Astvatsaturov A.G. Poet and enlightened society, *Astvatsaturov A.G. Poetry. Philosophy. Game: a hermeneutic study of the work of J.W. Goethe, F. Schiller, W.A. Mozart, F. Nietzsche*, St. Petersburg, 2010, pp. 259—272. — In Russ.)
- Визе Б. фон. Драма Гете «Торквато Тассо» / пер. с нем. М.П. Ключковского // Преломления. СПб.: Центр информ. культуры, 2004. Вып. 3. С. 23—32.
(Wiese B. von. Goethe's drama "Torquato Tasso", transl. by M.P. Klochkovsky, *Refractions*, St. Petersburg, 2004, iss. 3, pp. 23—32. — In Russ.)
- Вольский А.Л. От поэтической философии к философской поэзии: опыт герменевтического исследования. СПб.: Норма, 2008. 320 с.
(Volsky A.L. From poetic philosophy to philosophical poetry: an experience of hermeneutic research. St. Petersburg, 2008, 320 p. — In Russ.)
- Вольский А.Л. Poeta vates vs. poeta doctus: Платон и Аристотель // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2017. № 183. С. 35—47.
(Volsky A.L. Poeta vates vs. poeta doctus: Plato and Aristotle, *Izvestiya of Herzen State Pedagogical University of Russia*, 2017, no. 183, pp. 35—47. — In Russ.)
- Вольский А.Л. Эстетический миф немецкого модернизма // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2018. Т. 4, вып. 2, № 36. С. 36—41.
(Volsky A.L. Aesthetic myth of German modernism, *Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University*, 2018, vol. 4, no. 36, pp. 36—41. — In Russ.)
- Вольф К. Нет места. Нигде // Встреча: повести и эссе писателей ГДР об эпохе «Бури и натиска» и романтизма / пер. с нем. А.А. Гугнина. М.: Радуга, 1983. С. 257—309.
(Wolf K. There is no place. Nowhere, *Meeting: stories and essays by writers of the GDR about the era of "Sturm und Drang" and romanticism*, transl. by A.A. Guginin. Moscow, 1983, pp. 257—309. — In Russ.)
- Гете И.В. Торквато Тассо / пер. с нем. С.М. Соловьева // Гете И.В. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 5. С. 207—312.
(Goethe J.W. Torquato Tasso, *Goethe J.W. Collected works: in 10 vols*, transl. by S.M. Solov'ev, vol. 5. Moscow, 1977, pp. 207—312. — In Russ.)
- Гете И.В. Ко дню Шекспира / пер. с нем. Н. Ман // Гете И.В. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 5. С. 261—264.
(Goethe J.W. To the day of Shakespeare, *Goethe J.W. Collected works: in 10 vols*, transl. by N. Man, vol. 5. Moscow, 1980, pp. 261—264. — In Russ.)
- Жеребин А.И. Эстетическая теория швейцарцев: опыт модернизации // От Виланда до Кафки: очерки по истории немецкой литературы. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова: Галина скрипит, 2012. С. 181—190.
(Zherebin A.I. Aesthetic theory of the Swiss: the experience of modernization, *From Wieland to Kafka: essays on the history of German literature*, St. Petersburg, 2012, pp. 181—190. — In Russ.)
- Кант И. Критика способности суждения / пер. с нем. А.В. Гулыги. М.: Искусство, 1994. 369 с.
(Kant I. Criticism of the power of judgment, transl. by A.V. Gulyga. Moscow, 1994, 369 p. — In Russ.)

- Кемпер Д. Гёте и проблема индивидуальности в культуре модерна / пер. с нем. А.И. Жеребина. М.: Языки славян. культуры, 2009. 384 с.
(Kemper D. Goethe and the problem of individuality in modern culture, transl. by A.I. Zherebin. Moscow, 2009, 384 p. — In Russ.)
- Конради К.О. Гете. Жизнь и творчество: в 2 т. / пер. с нем. Н.М. Берновской и др.; общ. ред. А. Гугнина. М.: Радуга, 1987. Т. 1. 592 с.
(Konradi C.O. Goethe. Life and work: in 2 vols, transl. by N.M. Bernovskaya; general ed. A. Gugninetal. Moscow, 1987, vol. 1, 592 p. — In Russ.)
- Михайлов А.В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII—XIX веков // Античность как тип культуры / отв. ред. А.Ф. Лосев. М.: Наука, 1988. С. 308—324.
(Mikhailov A.V. Antiquity as an ideal and cultural reality of the 18th—19th centuries. *Antiquity as a type of culture*, Moscow, 1988, pp. 308—324. — In Russ.)
- Михайлов А.В. Йоанн Якоб Бодмер и его школа // Михайлов А.В. Избранное: завершение риторической эпохи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 191—308.
(Mikhailov A.V. Joann Jacob Bodmer and his school, *Mikhailov A.V. Selected: the end of the rhetorical era*, St. Petersburg, 2007, pp. 191—308. — In Russ.)
- Новалис. Фрагменты / пер. с нем. А.Л. Вольского. СПб.: Владимир Даль, 2014. 319 с.
(Novalis. Fragments, transl. by A.L. Volsky, St. Petersburg, 2014, 319 p. — In Russ.)
- Тассо Т. Освобожденный Иерусалим / пер. с нем. В.С. Лихачева; подгот. текста, ст., коммент. А.О. Дёмина. СПб.: Наука, 2007. 715 с.
(Tasso T. Liberated Jerusalem, transl. by V.S. Likhacheva. St. Petersburg, 2007, 715 p. — In Russ.)
- Шефтсбери А.Э.К. Эстетические опыты. М.: Искусство, 1975. 543 с.
(Shaftesbury A.A.C. Aesthetic essays, Moscow, 1975, 543 p. — In Russ.)
- Dilthey W. Das Erlebnis und die Dichtung. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1963. 336 S.
- Gundolf F. Goethe. Berlin: Georg Bondi, 1920. 794 S.
- Hauser A. Sozialgeschichte der Kunst und Literatur. München: C.H. Beck, 1969. 1119 S.
- Hölderlin J.C.F. Das älteste Systemprogramm des deutschen Idealismus // Sämtliche Werke und Briefe. Berlin, Weimar: Aufbau Verlag, 1970. S. 441—443.
- Kommerell M. Lessing und Aristoteles: Untersuchung über die Theorie der Tragödie. 2. Aufl., Frankfurt am Main: V. Klostermann Verlag, 1976. 230 S.
- Korff H.A. Geist der Goethe-Zeit. Leipzig: Koehler & Amelang, 1966. Bd. 2. 497 S.
- Luhmann N. Individuum, Individualität, Individualismus // Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik: Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989. Bd. 3. S. 149—258.
- Novalis. Novalis Werke: herausgegeben und kommentiert von Gerhard Schulz. München: Beck Studienausgabe, 1981. 880 S.
- Safranski R. Goethe — Kunstwerk des Lebens: Biographie. München: Carl Hanser Verlag, 2013. S. 308—311, 359—363.
- Schmidt J. Die Geschichte des Genie-Gedankens in der deutschen Literatur, Philosophie und Politik 1750—1945. Heidelberg: Winter-Verlag, 2004. Bd. 1: Von der Aufklärung bis zum Idealismus. 491 S.
- Szondi P. Versuch über das Tragische. Frankfurt am Main: Insel, 1961. 117 S.

Статья поступила в редакцию 21.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 21.01.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Вольский Алексей Львович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, volskij@mail.ru

Volskiy Alexey Lvovich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, volskij@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 31—42.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 31—42.

Научная статья

УДК 821.161.1-192

DOI: 10.46726/И.2022.1.3

МИФОЛОГЕМА СТРАШНОГО СУДА В ИДИОЛЕКТЕ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЁВА

Виталий Александрович Гавриков

Брянский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Брянск, Россия, yarosvettt@mail.ru

Аннотация. Поздний Башлачёв эсхатологичен. При этом прямых эсхатологических маркеров у него не так много. Однако анализ с опорой на мифологию, религиозные источники (в первую очередь, христианскую апокалиптику) и художественную литературу свидетельствует, что поэт ожидал скорое вселенское обновление, которое заключено у него во множестве «конечных» поэтических формул. Да и в интервью тема апокалипсиса периодически возникает. Причем система эсхатологических отсылок достаточно упорядочена. В ней соединяются ключевые христианские праздники (Воскресение, Рождество, Благовещение, Крещение...) с современностью. Прошлое, настоящее и будущее сплавлены в единый хронотоп, а мир находится на пороге нового откровения свыше. Эта «весть» будет масштабнее и величественнее всех прежних откровений (Великий пост заменяется у Башлачёва «Вечным постом»). Главным субъектом грядущего апокалипсиса становится Имя Имён, это и религиозный лидер — мессия, и поэт. Однако не он будет судить людей в конце мира и не Бог. По Башлачёву, каждый человек окажется для себя судией. И каждый будет спасен: об этом говорится в песнях и в интервью. Башлачёвский апокатастасис зиждется на идее предуготовительного страдания, которое очищает в жизни, чтобы дать спасение через смерть. Жизнь неотъемлема от всеобщего наказания, которое действует априори — как физический закон. Если Страшный суд — дело частное: каждый «сам себе Балда», то спасение — дело всеобщее. Башлачёв предлагает особую концепцию соборности, где человечество «всей гурьбою» поднимается по Вавилонской башне на Небо, которое прообразует грядущий рай. Башлачёвские чаяния оказываются исторически связанными с «малым апокалипсисом» — Чернобылем, распадом СССР, вторым Крещением Руси (не только календарным в 1988 г.), а также со смертью самого поэта. То есть башлачёвские эсхатологические интуиции во многом оказались пророческими.

Ключевые слова: Александр Башлачев, апокалипсис, эсхатология, Страшный суд, миф

Для цитирования: Гавриков В.А. Мифологема страшного суда в идиолекте Александра Башлачёва // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 31—42.

© Гавриков В.А., 2022

Original article

THE MYTHOLOGEME OF THE LAST JUDGMENT IN THE IDIOLECT OF ALEXANDER BASHLACHEV

Vitaliy A. Gavrikov

Bryansk Branch, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Bryansk, Russian Federation, yarosvettt@mail.ru

Abstract. Bashlachev is the largest Russian rock poet, who died tragically at the age of 27. The key theme in the later poetry of Alexander Bashlachev is eschatology. However, the poet does not have too many explicit eschatological markers. To find the eschatological layer in the late poetry of Bashlachev, it is necessary to turn to mythology, religious sources, literary tradition. At the same time, Bashlachev's eschatology is primarily associated with Christian apocalypticism. The poet expected an imminent universal renewal, which he expressed in many poetic formulas. The theme of the apocalypse also comes up periodically in interviews. Moreover, the system of eschatological references in Bashlachev's poetry is strictly ordered. This system is a combination of the main Christian holidays (Resurrection, Christmas, Annunciation, Epiphany...). These biblical events are taking place here and now, opening the way to a new post-apocalyptic age. That is, the past, present and future are fused into a single chronotope, the world is on the verge of a new revelation from above. This "message" will be larger and more majestic than all previous revelations (Great Lent at Bashlachev is replaced by "Eternal Lent"). The main subject of the coming apocalypse is the Name of Names, who is both the religious leader — the messiah and the greatest poet. However, the Name of Names will not judge people at the end of the world. God is also not a judge in Bashlachev's mythopoetic concept. On the contrary, man judges himself. And every person will eventually be saved. The idea of apocatastasis is found in songs and in Bashlachev's interviews. Universal salvation occurs through preliminary suffering, which purifies each person, prepares him for paradise. Salvation comes through death. And life is a universal punishment that acts a priori — like a physical law. In other words, the Last Judgment is a personal matter: everyone is "his own Balda", that is, a judge. But salvation is a universal matter. Bashlachev believes that at the end of time, humanity ascends through the Tower of Babel to Heaven, which is a metaphor for the future paradise. Bashlachev's insights surprisingly coincided with the history of the USSR. Chernobyl became the messenger of the "minor apocalypse". The collapse of the USSR, the second Baptism of Rus after Soviet atheism, the death of Bashlachev turned out to be fulfilled prophecies predicted in the songs.

Keywords: Alexander Bashlachev, apocalypse, eschatology, Last Judgment, myth

For citation: Gavrikov V.A. The mythologeme of the last judgment in the idiolect of Alexander Bashlachev, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 31—42.

Кризисные эпохи обостряют художественные эсхатологические интуиции. Так, в Серебряном веке апокалипсические мотивы были одними из самых востребованных. Кто-то призывал этот вселенский слом устоев (как Маяковский), кто-то ужасался ему (как Ахматова), кто-то принимал стоически (как Мандельштам или Блок).

Свой апокалипсис ожидал и советскую систему. Невиданный доселе социальный эксперимент оказался провальным, и самые чуткие уловили

начало конца в то время, когда глиняный колосс был еще на ногах. Одним из таких поэтов был Александр Башлачёв, в позднем творчестве которого соединились личные и социальные эсхатологические прозрения. Увы, этим пророчествам суждено было сбыться — конец советской эпохи стал и точкой смерти для, по общему мнению, самого талантливого поэта советского рока.

Правда, в последние два года жизни Башлачёв разочаровался в рок-движении, он нарочито избегал «роковых коннотаций» в своих произведениях. Самый яркий пример здесь — ставшая культовой в рок-среде песня «Время колокольчиков», которая задумывалась как гимн советского рок-движения (и стала таковой). В конце жизни Башлачёв «вычистил» из нее рок-составляющую, заменив «рок-н-ролл» на «свистопляс», тем самым радикально поменяв смысл всего текста.

Не раз в научной литературе указывалось, что поздний Башлачёв эсхатологичен. Например, А.И. Бойков, анализирувавший поэтику Башлачёва через лингвистическую призму, замечает: «Эсхатологический пафос поэзии Башлачёва, на который указывают почти все исследователи его творчества, создаётся иными средствами, нежели нагнетение соответствующей лексики. Башлачёв использует такие образы апокалипсиса, как петух, потоп, Страшный суд, но определяющей является эсхатологичность самого мировоззрения поэта» [Бойков: 74]. В настоящей статье я попытаюсь развить этот тезис А.И. Бойкова, опираясь на особенности башлачёвского идиолекта, который — интенционально — старался оторваться от узуса, в конечном счёте, выработать свою смысловую и лингвистическую вселенную, новый язык, которым можно говорить об апофатическом.

В целом же эсхатологические воззрения Башлачёва, особенно связанные с категорией последнего суда, пока ещё представляют собой исследовательскую лакуну. Единственной профильной работой по интересной нам теме стала статья 1998 года «Мистическая песнь человека: Эсхатология Александра Башлачёва», написанная С.В. Свиридовым [Свиридов].

В эсхатологии Башлачёва важнее всего то, что она напрямую сплавлена с жизнетворчеством и религиозно-мессианскими чаяниями поэта, то есть понять позднюю башлачёвскую поэтику нельзя, не учитывая эмоционально-поведенческих основ квазирелигии, «филологической веры» (С.В. Свиридов), созданной поэтом и названной «Имя Имён». «Такие хрестоматийные элементы религиозной жизни, как религиозные мифологические представления, религиозное чувство и религиозные действия (религиозная практика), следует непременно принять на вооружение, поскольку они представляют не что иное, как формы культурных установок: когнитивную, эмоциональную и поведенческую», — отмечает Д.Г. Курачёв [Курачёв: 84]. При этом подобная религиозно-жизнетворческая установка в случае с Башлачёвым была реализована и на рецепционном уровне: в воспоминаниях звучит мысль о том, что многие окружавшие Башлачёва люди воспринимали его как некоего «пророка», «духовидца», «медиатора».

Вообще тема конца времён в творчестве поэта очень обширна. Поэтому в настоящей статье я коснусь лишь одного из аспектов башлачёвской эсхатологии — мифологемы Страшного суда. Я выбрал соотносённость этого мотива-символа именно с мифопоэтикой потому, что он у Башлачева насквозь мифологичен, причем это не просто неомифологизм — это попытка «встроиться» в древнюю мистическую традицию, реанимировать реликты синкретического мышления.

При этом ключевыми столпами башлачёвской поэтической картины мира стали именно библейские, в первую очередь евангельские основы. Хотя они, конечно, претерпели ряд существенных трансформаций. Да и задумываться о конце времён поэт начал не сразу, а уж стройная эсхатологическая концепция выкристаллизовалась у него только в конце творческого пути. Поэтому говорить об эсхатологии Башлачёва нужно в контексте тех изменений, что претерпела его поэзия с 1978 по 1988 годы.

Работа над уже созданными текстами шла до последних концертов, а эти изменения, как я покажу дальше, нередко корректировали произведение, сообразуя его с башлачёвской эсхатологической концепцией, а также с новыми поэтико-лингвистическими установками. Эсхатология стала неким камертоном, который задавал тональность не только поздним текстам, но и изменял ранние.

Особенно наполнены апокалипсическими мотивами 5 поздних песен: «Имя Имён» (Имя Имён — это и есть некий актант, «делатель» апокалипсиса), «Вечный пост», «Всё будет хорошо», «Когда мы вместе» и «Пляши в огне». Эти композиции написаны преимущественно весной 1986 года.

Каким же видел поэт конец света? По Башлачёву, пришествие мессии будет не таким, каким описано в «Деяниях апостолов»: «И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: “Мужи галилейские! Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознёсшийся от вас на небо, придёт таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо”» (1:10—11). Другая цитата (Матф. 24:27): «как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого». Явление Имени Имён будет связано с глобальным обновлением мира. Люди взойдут на некую новую онтологическую ступень «всей гурьбою»; как поётся в песне «Вишня», «люди станут добрыми». Причём все станут добрыми. Фраза из относительно ранней песни «Время колокольчиков» о том, что «большинство», а не все — «честные, хорошие», появилась ещё до мифопоэтической и эсхатологической концепции, она была адаптирована к новому контексту позже. Поэтому и сохранился этот «реликт» — «большинство», в интервью речь уже идёт о спасении всех: «Но для того, чтобы игра шла, кто-то должен играть белыми, а кто-то — чёрными. Иначе всё перепутается. И поэтому мы виноваты перед тем, кто вынужден быть плохим. Вот я, допустим, хороший. Да, я считаю себя хорошим, “добрым, честным, умным вроде Кука”. Но кто-то ведь должен быть плохим в таком случае. Иначе как, если все будут хорошими? Так будет когда-нибудь, и это довольно страшная вещь» (цит. по: [Наумов: 556]). Почему же страшная? Потому что не осталось выбора? Потому что не будет права на «игру»? А, быть может, страшна та цена (страдание), которую надо заплатить за общее счастье?

Тема общего спасения (апокатастасиса) прослеживается и в поздних текстах Башлачёва. Сравним последние строки «Вечного поста» и «Имени Имён»: «Небо с общину. / Всё небо с общину» — «Шабаш! Всей гурьбою на башню!». По сути, это одно и то же: всё человечество по Вавилонской башне, явно связанной с языком (новым истинным наречием), восходит на небо — к Богу. Об этом же песня «Когда мы вместе». Здесь, быть может, кроется и причина того страха, что испытывает Башлачёв перед всеобщим обновлением: «Когда мы вместе — нам не страшно умирать». Есть масса примеров в башлачёвском наследии, указывающих на то, что у поэта личная смерть

и апокалипсис смыкаются, решены в единой образной огласовке. Поэтому, видимо, апокалипсис и страшит, что означает всеобщую смерть (в том числе, собственную)? Правда, заканчивается песня на том, что «рано умирать» и «очень нужно жить». И тут странное противоречие: ожидание и призывание смерти-апокалипсиса и одновременное отталкивание.

Свиридов отмечает, что постапокалиптические образы — общее место поздних творений поэта: «Почти в каждой песне есть какая-нибудь формула этого царства равенства, где “всё будет хорошо” или где “пребудет всякому по нутру / да воздастся каждому по стыду”, где “Имя Имён вырвет с корнем всё то, что до срока зарыто”» [Свиридов: 95—96].

В этой связи приведу ещё одну любопытную фразу: «Когда мы вместе — все наши вести в том, что есть». В ней очень четко проявляются особенности «двоящегося», «мерцающего» башлачёвского идиолекта, его попытка постоянно создавать полисемические конструкции. Данная фраза ставит перед нами проблему соборной (общей) вести как истины. Башлачёв видит в слове «весть» отголосок слова «есть», таким образом, весть — «то, что есть» на самом деле: «Мне в доброй вести не престало врать» (цитата из той же песни). Получается, что «весть» и «ведать» для поэта этимологически родственные слова (вспомним церковнославянскую форму 3 лица единственного числа от глагола «ведати», сохранившуюся в идиоме «Бог весть» — Бог ведает). К тому же добрая весть — то же, что и благая весть. Здесь подключаются башлачёвские образы, связанные с церковными праздниками: «Листья воскресения да с весточки весны» («Как ветра осенние»). Сплошная эсхатология в этих шести словах! О них можно долго говорить, укажу лишь на столкновение Благовещения («весточка») и Воскресения, оба праздника весенние. Плюс — прозрачна «древесная» семантика микроконтекста: листья (опять же полисемически «двоящиеся») и «весточка»-веточка (паронимическая аттракция).

Итак, спасение — дело общее. Соборность, особенно для позднего Башлачёва, была одной из ключевых категорий, если вообще — не ключевой. Этика всеобщего делания — важная составляющая построения вселенской гармонии:

Я, конечно, спою.
Я, конечно, спою.
Но хотелось бы хором.
Хорошо, если хор в верхней ноте подтянет,
подтянется вместе с тобою.
Кто во что, но душевно и в корень,
и корни поладят с душой...

Показательный фрагмент! Здесь и соборность, и пение-творчество, и корне-слобие (адамов язык?), и душевность. У Башлачёва именно душа есть связующее звено между человеком и Богом, именно душа наделена абсолютным (сакральным) знанием, нужно только уметь её услышать. Эти несколько строк — ещё одна реализация башлачёвской эсхатологической программы, башлачёвского апокатастасиса. Подъём к верхней ноте — это также и подъём на высоту, в общем, то же, что и выше восхождение к Небу, а ещё преодоление через хоровую (соборную) песню вавилонского языкового смешения, ср.: «Так чего ж мы, смешав языки, мутим воду в речах?» («Имя Имён»).

В песне «Всё будет хорошо» также имплицитно дан башлачёвский апокатастасис (см. название). В этой на вид простой композиции есть целый ряд эсхатологических маркеров, возьмём хотя бы концовку:

Поутру споёт трубач
 Песенку твоей души:
 Всё будет хорошо —
 Только ты не плачь.
 Скоро, скоро,
 Ты только не спеши.
 Ты только не спеши.

Окончание вселенского цикла у Башлачёва — это утро или весна, в данном случае — утро. А трубач есть ангел апокалипсиса. «Споёт» — то, что в Библии названо «трубным гласом» (обратим внимание на сцепку: «глас», то есть «голос», и «споёт»). Ну а то, что мы — на пороге (в Евангелии сказано: «близко, при дверях»), это эксплицируется в виде двойного повторения лексемы «скоро».

Отмечу интересный эпизод, который встречается в воспоминаниях: Башлачёв уверял, что в день взрыва Чернобыльской АЭС слышал именно звук архангеловых труб. В это же время (однако до катастрофы!) были написаны его основные эсхатологические тексты. А уж если вспомнить, что «чернобыльщик» есть второе название полыни, то башлачёвские поэтические интуиции и вовсе кажутся удивительными: «в небе синем опять, и опять, и опять запевае звезда» («Имя Имён»). Напомню, что звезда Полынь — важный эсхатологический символ в христианской апокалиптике (см. Откровение Иоанна Богослова).

Но если все спасутся, то в таком случае возникает вопрос: а как же суд? Зачем он? И если всем уготовано высшее благо, почему все страдают? Это было бы неразрешимой апорией, если бы Башлачёв не дал нам подсказку в одной из самых своих поздних записей — речь идёт о концерте в районе Речного вокзала (Москва, 14 января 1988 г.). Единственный раз на моей памяти в «Егоркиной былине» поэт вместо: «Там, где без суда все наказаны» спел другое: «Там, где до суда все наказаны». И это последняя фонограмма — больше Башлачёв «былину» не пел (по крайней мере, мне такие записи не известны). Так вот в чём дело: суд будет не наказывать, а искать возможность для оправдания! А наказание уже происходит — ад вот он, здесь. Ад — это наша Земля. Поэтому не совсем прав С.С. Шаулов: «Современность предстаёт у Башлачёва как возмездие за грех русской истории. Суд уже совершён» [Шаулов: 88]. Но если заменить слово «суд» на «наказание», то всё встанет на свои места.

Далее исследователь продолжил свою мысль: «У Пушкина страдание глубоко этично, оно дается как искупление или испытание. В поэзии Башлачёва страдание — неотъемлемый признак мира. Оно внеэтично, это не искупление, но приговор» [Шаулов: 89]. Я бы сказал — не приговор: наказание имеет силу физического закона, закона природы. Его нельзя отменить, его можно преодолеть через всеобщее делание, через творческое сотрудничество.

Недвусмысленно об этом наказании говорится в песне «Пляши в огне». За полгода до смерти (концерт в Ленинграде, 7 мая 1987 г.) Башлачёв спел не привычное: «Раз уж я с собой не в ладу», а соборное: «Раз уж мы с собой не в ладу». Вот оно — всеобщее наказание! И вместо «раз уж ты в аду» произнесено: «раз уже в аду». Казалось бы мелочь, но знаковая мелочь: «уж» не несёт

особой смысловой нагрузки, а вот «уже» указывает на протекание действия здесь и сейчас. Кроме того, «уже» метроритмически «съедает» местоимение «ты», то есть избавляет контекст от единственного грамматического числа.

Что же получается в итоге? Если Бог не судит, то кто же тогда судия? По Башлачёву, судия — ты сам: «Вместо икон / станут Страшным судом — по себе — нас судить зеркала» («Имя Имён»). И отчёт человек даёт самому себе, вероятно, своей душе. Традиционное представление о Боге — праведном Судье (иудаизм, христианство, ислам) заменяется концепцией суда над собой. Не поэтому ли: «Храни нас, Господи, покуда не грянул гром» («Вечный пост»)? Бог — хранитель, а судья — ты сам себе: «Всякий знает срок — / Всяк себе Балда» («Пляши в огне»). За счёт слова «срок» это заимствование можно атрибутировать как однозначно пушкинское: по сказочному сюжету, Балда дожидался срока расплаты, что не раз обыгрывается в тексте, например: «О расплате думает частенько: / Время идёт, и срок уж близенько». Балда — отнюдь не случайный для Башлачёва образ, где понятие расплаты приобретает эсхатологические коннотации. Получается, перед нами особая теодицея, в которой Всевышний уже не Судья, а Хранитель.

А вот по Библии, будет поставлено 12 престолов, куда сядут судьи-апостолы. Хотя и отзвуки башлачёвской концепции «самосуда» в Библии есть: «каким судом судите, таким будете судимы» (Матф. 7:1). В этой связи обратим внимание, что разделение языков у Башлачева, в отличие от Библии, произошло не по божьему повелению, а по человеческому произволению: «Так чего ж мы, смешав языки, мутим воду в речах?» («Имя Имён»). Кто мешает языки? Мы — а не Бог. Отсюда же фраза: «Не суди ты нас...» («Вечный пост»), адресованная явно к Господу. Правда, немного выше по тексту: «Синяком суди да ряди в ремни». Очень интересный фрагмент! Чтобы понять, о чём здесь идёт речь, приведу его полностью:

Я пойду смотреть, как твою сестру
Кроют сваты в тёмную, в три бревна.
Как венчают в сраме, приняв пинком.
Синяком суди, да ряди в ремни.

Возможно, императив последней строки относится не к Богу, а к обобщённому адресату «ты». Кроме того, здесь многообразно обыгрывается тема брака: с ней связаны и сваты, и венчание, и «суди-ряди». Последнее явно соотносится с выражением «суженый — ряженный», а уж через эту фразу Башлачёв пробрасывает мостик к корпусу литературных текстов о святочном гадании («Светлана» Жуковского, «Поэма без героя» Ахматовой и т. д.). А гадали-то чаще всего на жениха! Обратим внимание, что Святки — дни после Рождества, это ещё одна ниточка, которой «Вечный пост» связуется с «Именем Имён», последний как раз — рождественский текст, где Рождество парадоксально смыкается с апокалипсисом. Если бы не «свадебный контекст», то «суди да ряди», конечно, следовало бы понимать более прямолинейно, то есть «судить да рядить» — это долго и нудно кого-то или что-то обсуждать. Но за счёт этих брачных слов у четвёртой строки приведённого выше фрагмента появляются свадебные потенции. Брак — тоже часто встречающийся в Библии образ, в Новом Завете к тому же он связан с апокалипсисом: Церковь — невеста, а Христос — жених. Вспомним притчу о девах и светильниках: ведь приход жениха в ней прообразует именно конец мира и последний суд. Свадьба оказывается концом времён и общим судом. У поэта свадьба

также знаковый мотив, означающий переход от старого мира к новому (см., например, песню «Петербургская свадьба»).

Однако у Башлачёва есть и ещё один судия: жизнь. Об этом сказано в «Триптихе памяти В.С. Высоцкого»: «Жизнь... Она не простит только тем, кто думал о ней слишком плохо», а также в интервью: «Жизнь своим судом, так или иначе, даст тебе понять, правильно ты делаешь или нет. Но если это не получается, тут нечего плакать. Просто надо понять, что это не твоё место, и найти своё место» (цит. по: [Наумов: 566]). Впрочем, суд жизни не есть суд загробный, так что можно говорить как минимум о двух «судах»: скажем так, бытовом и бытийном.

Самое интересное, что указанные выше примеры из «Имени Имён», «Вечного поста» и «Егоркиной былины» — это всё, что есть у песенного Башлачёва о суде. По крайней мере, это всё, что имеет корень «суд». Но на самом деле, судебных примет у поэта куда больше. И в основном все они — в тех пяти эсхатологических песнях, что были названы выше. Разве что тема жатвы-суда есть и в более ранних произведениях. Тут, конечно, поэт апеллирует к евангельской притче о зёрнах и плевелах, это один из центральных образов поэтики Башлачёва: «Как ветры осенние жали — не жалели рожь», странно только, почему ветра не весенние? Ведь утренне-весенних эсхатологических маркеров у Башлачёва великое множество. А осенних, кажется, больше нет. Тут загадка.

Теперь перейдём к косвенным указаниям на суд. Начну с фразы: «Вроде за мелким ершом отродясь не ловилось ни брюха, ни духа!» («Имя Имён»). Долгое время я не мог понять: что это за ёрш? Почему он здесь? А потом мне попала на глаза «Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» (написана в XVI в. или в XVII). И эта повесть... о суде! Согласно этому произведению, «лихой человек» Ёрш (не отсюда ли фраза: «Лихом глядит битый век...»?), который «загрязнился и зачернился» (не отсюда ли: «мутим воду в речах»?), захватил чужое озеро. По этому поводу Лещ и Головль судятся с ним.

Интересно, что в 1972 г. эту повесть переложил земляк Башлачёва (поэт родом из Череповца) писатель Василий Белов. Последний — знаковая фигура для Вологодчины, в воспоминаниях о Башлачёве он иногда фигурирует, вот что говорит известный рок-критик Артемий Троицкий: «Я помню, что мы как-то разговаривали с ним и с Парфёновым (журналист Леонид Парфёнов. — В. Г.) по поводу этих знаменитых вологодских почвенников-русопятиков — писатель Белов, поэт Рубцов... И надо сказать, что Башлачёв ко всей этой братии относился очень иронично» (цит. по: [Наумов: 283]). Таким образом, в «Имени Имён» мне всё-таки мерещится тень Василия Белова, хотя я, может быть, и не прав. В любом случае, связи с «Повестью о Ерше Ершовиче», на мой взгляд, здесь очевидны.

Песня «Когда мы вместе» также содержит массу судебно-эсхатологических намёков. Наиболее явный среди них: «Все святые пущены с молотка»: здесь смыкаются судебный молоток и аукционный. А в целом речь идёт о поругании (утрате?) веры. Ассоциативно к этим «святым на аукционе» примыкают «стоны краденой иконы» из «Лиха», а также «пропитые кресты» из «Мельницы».

Второй судебный маркер из песни «Когда мы вместе» — русалки «ведут по кругу нашу честь» — намёк прозрачен: к судье принято обращаться «ваша честь». Почему, правда, «нашу честь» ведут русалки? Не из того ли

они «судебного озера», где обитает Ёрш Ершович? Ведь вода потопа («пала роса»), по Башлачёву, это и есть начало суда-апокалипсиса? В начале «Когда мы вместе», как и в «Имени Имён», появляются водные образы, а один — связан с грязной водой: «Я воли не давал ручьям / Да что ты, князь? Да что ты брюхом ищешь грязь?». Показательны и следующие за этими две строки: «Рядил в потёмки белый свет / Блудил в долгу да красил мятежом...». «Рядил» есть, а «судил» — предполагается? Ведь в следующей строке — снова нечто судебное: фраза вышла из фразеологизма «долг платежом красен». А последний суд — это и есть, по Библии, расплата за все долги.

Ещё одна показательная строка из той же песни: «Судя по всему, это всё по мне». Данный перевёртыш построен по зеркальному типу и фонетико-этимологически связан с тем же судом за счёт слова «судя». Эта своеобразная «фраза-зеркало» как будто наводит нас на след ключевого судебно-эсхатологического фрагмента у Башлачёва, который я уже цитировал: «станут Страшным судом — по себе — нас судить зеркала».

В песне «Когда мы вдвоём» (некий «двойник» «Когда мы вместе» — по крайней мере, по названию) тоже есть как будто «зеркальный» образ:

Когда мы вдвоём,
Я не помню, не помню, не помню о том, на каком мы находимся свете.
Всяк на своём. Но я не боюсь измениться в лице,
Измениться в твоём бесконечно прекрасном лице.

Здесь лирический субъект отражается не в зеркале («Имя Имён»), не в мире («Когда мы вместе»), а в лирической героине. А она — это не только конкретный (биографический) адресат, но также и душа, муза, вера, гитара, Родина...

В рассматриваемом тексте есть и другие «конечные» образы: «Хоть смерть меня смерть», «Увидимся утром, тогда ты поймёшь всё сама». В последней фразе эсхатологическое утро несёт в себе высшее знание по типу «и подымет мне веки горячим штыком» («Посошок»), то есть лирическая она «в том, что есть, увидит, что почём» («Вечный пост»).

Этот обновлённый мир, где будет достижимо высшее знание и где «воздастся каждому по стыду», назван Башлачёвым «золотые дни» («Вечный пост»):

Хлебом с болью встретят золотые дни.
Завернут в три шкуры да все ребром.
Не собрать гостей на твои огни.
Храни нас, Господи!
Храни нас, покуда не грянет Гром!

Главные судебные образы даны в песне «Пляши в огне», особенно здесь выделяются строки:

Гадами ползут времена,
Где всяк себе голова.
Нынче Страшный Зуд, на,
Бери меня, голого.
Нынче Скучный день. Горе — горном,
Да смех в меха!
С пеньем на плетень — горлом
Красного петуха.

Прозрачны отсылки к выражениям «Страшный суд» и «Судный день»: Башлачев в своей излюбленной манере работает с паронимической аттракцией фразеологизмов. Также во фрагменте появляются гады-времена, которые ещё и ползут: нельзя не указать на библейскую образность, связанную с грехопадением (змей-искуситель). Интересно и сочетание: «Горе — горном, да смех в мехах». Горн — металлургическая печь, но одновременно и музыкальный инструмент: по сути, та же труба. В первом значении горн соотносится с мехами: огонь в горне раздувают мехами, а труба — понятно: тот же намёк на «трубный глас» как «голос апокалипсиса». Эти два значения сублимируются в четвёртой строке нашего отрывка: здесь и пенье, и двоящийся «петух»: «дать петуха» — неумело спеть, и «пустить красного петуха» — поджечь. Так сплавляются образы печи, огня (песня-то — «Пляши в огне»), пения и последнего суда. Обратим внимание на это «нынче»: песня написана в черномыльском апреле 1986 года. Знал ли уже о катастрофе Башлачёв? Судя по воспоминаниям, не знал, так как сначала в песне, судя по воспоминаниям, не было фразы: «мы облучены».

Далее поётся: «скоро время задуть часы» (это эквивалент библейского «времени больше не будет», Откровение Иоанна Богослова 10:6). Но насколько скоро? В июле 1987 г. в Ленинграде поэт спел: «Я тебя люблю, и сейчас я уйду, раз уж я пришёл». Вот это «сейчас» на более ранних записях не встречается. Это слово свидетельствует, что то будущее, которое выше было обозначено маркером «скоро», вот-вот наступит. Уже наступает. На это указывает соединение настоящего («сейчас») и будущего («уйду»), опять та же мысль, мол, «близко, при дверях».

А ведь поэт не был так уж и не прав: состоялся и суд над советской системой, где «только и подарков — то, что не отняли» («Лихо»), состоялось и эсхатологическое разрушение коммунистической мечты о светлом будущем («мы строили замок, а выстроили сортир» («Чёрные дыры»)), пришло и апокалипсическое чувство при виде распадающегося мира — в 1991 году. А потом было и предсказанное Башлачёвым в песне «Вечный пост» второе крещение Руси — то есть не календарное (1988), а именно «событийное»: после семи десятилетий атеизма началось восстановление тысяч храмов и монастырей, а потом был новый Владимир, правда, не Красное Солнышко (именно его образ дан в «Вечном посте»), но тоже подчёркнуто верующий «князь», который многое сделал — в том числе и личным примером — для христианизации страны...

Интересно на эти же темы рассуждает Л. Дмитриевская: «Если просто, без попыток интерпретации и комментариев, соотнести странный факт биографии с творческим поэтическим откровением, то получится, что поэт в течение месяца пишет “Евангелие” о России, о поэте, наполняя его предчувствиями грядущего апокалипсиса, а затем слышит звук трубы и понимает, что это за труба: “Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки” (Откровение 8:10,11)» [Дмитриевская: 80—81].

Итак, поздний Башлачёв выстроил упорядоченную эсхатологическую систему, где личное смыкается с общественным, а историческое — с мифологией, религией, мистикой. С лингвистической точки зрения эта система есть попытка насытить контекст максимальным числом смыслов, увеличить полисемические

потенции за счет виртуозной «настройки» контекста, в котором слова соединяются и семантически, и фонетически. Можно утверждать, что поэт действительно создал сверхсложный и даже в чём-то таинственный язык для выражения апофатического, сакрального. Смысловым ядром башлачёвской эсхатологии стала христианская апокалиптика, правда, переделанная «на свой лад». В ней, как в эоне, сплавлено прошлое, настоящее и будущее, мир находится на пороге нового откровения свыше, и оно будет масштабней и величественнее всех прежних откровений (ср.: Великий пост — «Вечный пост»). А тут уже угадывается что-то нью-эйджевское, но это — отдельная тема...

Список литературы / References

- Бойков А.И. Языковые особенности поэтического идиолекта А.Н. Башлачёва: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2013. 238 с.
(Boikov A.I. Linguistic features of the poetic idiolect of A.N. Bashlachev: Dissertation Candidate of Sciences (Philology), Yaroslavl, 2013, 238 p. — In Russ.)
- Дмитриевская Л. Время собирать камни: евангельские и фольклорные образы в поэзии Александра Башлачёва // Александр Башлачёв: исследования творчества: сборник научных трудов. М.: Рус. шк., 2010. С. 65—84.
(Dmitrievskaia L. Time to collect stones: gospel and folklore images in the poetry of Alexander Bashlachev, *Alexander Bashlachev: Studies of creativity: A collection of scientific papers*, Moscow, 2010, pp. 65—84. — In Russ.)
- Курачёв Д.Г. Межконфессиональные отношения как формы социокультурного взаимовосприятия: (социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. Уфа, 2005. 424 с.).
(Kurachev D.G. Interconfessional Relations as Forms of Sociocultural Mutual Perception: (Socio-Philosophical Analysis): Dissertation Doctor of Sciences (Philology), Ufa, 2005. 424 p. — In Russ.)
- Наумов Л. Александр Башлачёв: человек поющий. 3-е изд., испр. и доп. М.: Выргород, 2017. 610 с.
(Naumov L. Alexander Bashlachev: a singing man, Moscow, 2017, 610 p. — In Russ.)
- Свиридов С. В. Мистическая песнь человека: эсхатология Александра Башлачёва // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1998. С. 94—107.
(Sviridov S.V. The mystical song of man: Eschatology of Alexander Bashlachev, *Russian rock poetry: text and context: A collection of scientific papers*, Tver, 1998, pp. 94—107. — In Russ.)
- Шаулов С.С. А.С. Пушкин и А.Н. Башлачёв в дискурсе постмодернизма // Пушкин и современность: материалы научно-практической конференции. Уфа: Ред.-изд. центр Башк. ун-та, 1999. С. 83—95.
(Shaulov S.S. A.S. Pushkin and A.N. Bashlachev in the discourse of postmodernism, *Pushkin and modernity: Proceedings of the scientific-practical conference*. Ufa, 1999, pp. 83—95. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.11.2021; одобрена после рецензирования 05.12.2021; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 23.11.2021; approved after reviewing 05.12.2021; accepted for publication 21.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Гавриков Виталий Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Брянск, Россия, yarosvettt@mail.ru

Gavrikov Vitaliy Alexandrovich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of State Administration and Management, Bryansk Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Bryansk, Russian Federation, yarosvettt@mail

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 43—56.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 43—56.

Научная статья

УДК 82.01

DOI: 10.46726/И.2022.1.4

К ТЕОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОГО СТИЛЯ: РЕФЕРЕНЦИАЛ В СИСТЕМЕ СТИЛЕВЫХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ

Дмитрий Леонидович Лакербай

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lakomotion@yandex.ru

Аннотация. В данной статье представлена оригинальная авторская концепция стилевых определителей, базирующаяся на понимании персонального стиля как полноценного воплощения субъектной стороны текста. Процесс создания писателем своего стиля можно интерпретировать как индивидуальный семиозис, а возникающее текстовое пространство — как производную языковую среду с реализованной субъектностью. Персональный стиль — это уникальное органическое единство идейно-конструктивного принципа и «фактуры» произведения, поэтому важнейшей категорией является «глубина стилевой модели» как требование соединять анализ выразительной фактуры с анализом самого способа выразительности. Аналитическим взглядом увидеть весь стиль нельзя, поэтому анализ персонального стиля представляет собой выстраивание композиции стилевых определителей, при этом состав и глубина стилевой модели вариативны.

Для характеристики индивидуального семиозиса и реализованной в произведении вторичной языковой среды требуется специальный термин. В нашем понимании, это авторский референциал. На уровне стилевого принципа референциал означает тенденцию отбирать / изображать что-либо как-либо. На уровне стилевой фактуры референциал обозначает, как именно предметы и явления демонстрируются в тексте. Референциал можно метафорически назвать программной миметической привычкой писателя. Описание референциала художника — это краткая «презентация» наиболее регулярных и наглядных стилевых примет «изображенного мира», указывающих на отношение писателя к миру и языку.

Ключевые слова: персональный стиль, референциал, стилевой определитель, «глубина стилевой модели», когнитивно-прагматическая программа

Для цитирования: Лакербай Д.Л. К теории персонального стиля: референциал в системе стилевых определителей // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 43—56.

Original article

ON THE THEORY OF PERSONAL STYLE: REFERENTIAL MODEL IN THE SYSTEM OF STYLE DETERMINANTS

Dmitry L. Lakerbay

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lakomotion@yandex.ru

Abstract. This article presents the author's original concept of style determinants, based on the understanding of a personal style as a full-fledged embodiment of the subject side of the text. The process of creating a writer's own style can be interpreted as an individual semiosis, and the emerging text space can be interpreted as a derived language environment with realized subjectivity. Personal style is a unique organic unity of the ideological and constructive principle and the "texture" of the work, therefore the most important category is the "depth of the style model" as a requirement to combine the analysis of the expressive texture with the analysis of the method of expression itself. It is impossible to see the whole style with an analytical look, therefore, the analysis of the personal style is the building of a composition of style determinants, while the composition and depth of the style model are variable.

To characterize the individual semiosis and the secondary language environment implemented in the work, a special term is required. In our understanding, this is an "author's referential model". At the level of the stylistic principle, "referential model" means the tendency to select/depict something somehow. At the level of stylistic texture, "referential model" means exactly how objects and phenomena are demonstrated in the text. The "referential model" can be metaphorically called a programmatic mimetic manner of the writer. The description of the artist's "referential model" is a brief "presentation" of the most regular and visual stylistic signs of the "depicted world", indicating the writer's attitude to the world and language.

Keywords: personal style, author's referential model, style determinant, "depth of style model", cognitive-pragmatic program

For citation: Lakerbay D.L. On the theory of personal style: referential model in the system of style determinants, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 43—56.

Для работы в русле авторской теории персонального стиля (см.: [Иванов, Лакербай 2020: 120—162]) необходимо предварительно акцентировать некоторые моменты.

Стала общим местом «хамелеонистость» понятия «стиль» и многовариантность его концепций («стиль как орнамент (украшение)», «стиль как отклонение», «стиль как эстетическая категория», «стиль как выбор (языковых средств)», «стиль как проявление индивидуальности», «стиль функциональный», «стиль как свойство текста», «стиль как коммуникативная деятельность» (см.: [Гайда: 33—36])). Но глобальный культурный смысл стиля генетически — это приведение «сообщения» и «формы» в гармонию согласованно-комплементарного состояния, которое выражается связкой взаимообусловленности «если... — то...»: «Если складки одежды святого на иконе подчинены одному строю и порядку, то у стоящего рядом их ритм, пластика и фактура при всех частных отличиях должны соответствовать тем же

модулям формообразования. В ином случае ломается единство стиля. Если же имеет место контраст, сознательное противопоставление форм и смыслов, то этот “контрапункт” должен был оформлен так, чтобы иметь возможность быть синтетически снятым на другом смысловом уровне...» [Пелипенко: 17—18].

Основы этой взаимообусловленности меняются в историческом измерении¹. Говоря о литературе и искусстве нескольких последних столетий, на наш взгляд, следует, как минимум, разграничивать *стиль-традицию* (наследуемое, усваиваемое) и *стиль персональный* (собственно-авторский, ассоциируемый с конкретной персоной). В художественной литературе персональный стиль — зримая воплощенность конкретного эстетического видения, уникальный художественный принцип и его реализация одновременно (органическое единство идейно-конструктивного принципа и «фактуры»). Это «неопределенная определенность», не охватываемая (целиком) аналитически, но отчетливо различимая читателем как некая авторская уникальность («не инструмент, и не метод, и не выбор слов. Стиль — это еще и многое другое. Он является органическим, неотъемлемым свойством личности автора» [Набоков: 109]). Языковая сторона персонального стиля может быть охарактеризована как «новый» (преображенный) язык с целевым эстетическим назначением, когда «язык со своими прямыми значениями в поэтическом употреблении как бы весь опрокинут в тему и идею художественного замысла» [Винокур: 53] и в процессе реализации этого замысла «обращается в единственно-возможную форму художественного бытия, становится плотью и ликом художественного мира — словотворения, в котором живет творец» [Гиршман: 495].

Сложность перевода восприятия стиля в его определение связана с его «способностью быть рассредоточенным во всех гранях образной формы, свойственной автору, и одновременно — выполнять роль ее центра и фокуса» [Эйдинова: 7]. «Фактура» — «такая поверхность произведения, которая указывает на то, что это же самое, этот же творческий принцип лежит и в самой глубине произведения и был в нем с самого начала <...> каково внутри, таково и снаружи, и наоборот» [Михайлов: 472—473]. Именно поэтому мы можем говорить о *стилевом принципе* как регуляторе стилового единства — но поэтому же мы должны с осторожностью «компонентно» моделировать стиль, внутренне одухотворенный «невербализуемыми принципами, идеалами, идеями, творческими импульсами <...> Если нет этой одухотворенности, стиль исчезает. Остаются только его внешние следы: манера, система приемов» [Бычков: 284].

Из каких бы соображений ни исходил анализ так понимаемого стиля, он должен учитывать *стилевую глубину*, т. е. соединять в своем движении

¹ Что само по себе составляет целую «культурологическую драму»: «Язык стиля, хотя и выражал еще общекультурные и общеконвенциональные смыслы, стал уже неотделим от личности. <...> А дальше нарастающий релятивизм картин мира и соответственно стиливых форм сам подсказал выход из тупика субъективистского мельчания. Стиль-онтология окончательно преобразилась в стиль-состояние, стиль-настроение. <...> Еще Пикассо менял стили последовательно, а современные постмодернисты <...> оперируют стилями так же просто, как иностранными языками. <...> Элементы стиля здесь — это не более чем языковые матрицы, которые <...> подчинены контексту манифестирования ментального состояния субъекта» [Пелипенко: 29].

анализ выразительной фактуры с анализом самого способа выразительности, системно продвигаясь к более общим характеристикам (индуктивный путь)². Стиль — в единстве стилевого принципа и «фактуры» — можно уподобить виртуальной сфере, поверхность которой везде (*на всей* обозримости текста), а центр — *подо всей* обозримостью текста. Вот почему *глубина стилевой модели* мыслится нами как основная характеристика любого конкретного стиля персонального типа. Ее можно осознать как двуединое движение по типу герменевтического круга целого и части. Движение (сепарированное) от поверхности вглубь (к принципу) означает не только (и не столько) прояснение целого, сколько лавинообразное нарастание внутритекстовых связей. Движение (сепарированное) из глубины к поверхности означает *конкретизацию* (в ингарденовском значении этого слова, ведь литературовед выступает как «читатель стиля»), когда явственно проступает *фрагмент* художественной формы. Но мы можем одновременно либо поднести фонарь близко к детали, либо пытаться осветить им «помещение». За внешней, количественно исчисляемой формой, подобно лестничному пролету в темную бесконечность, открывается бездонная глубина упорядоченности; ее архитектоника и есть выражение существа стиля.

Аналитическим взглядом увидеть *весь стиль* нельзя. Он есть *живая выразительность художественной формы*, но не материально понимаемого *ставшего* текста-факта (в категориях лосевской «Диалектики художественной формы»), а *становящегося произведения*, реализуемого читателем как *факт эстетический* — личностное переживание художественной формы одухотворенного содержания. Аналитика персонального стиля — это выстраивание композиции аналитических ракурсов (стилевых определителей), каждый из которых *вырезает* (как «пирамиду» из арбуза) свою область смыслов, при этом *разрезая* целое и условно уничтожая его целостность, давая ее в сильно обедненном и искаженном виде³. Другие ракурсы отчасти компенсируют эти «повреждения», в композиционном единстве создавая модель, эвристическая ценность которой выше нанесенных «повреждений». Но для их уменьшения необходима рефлексия того, *что* может являться *стилевым определителем*.

В рамках «органического» понимания стиля стилевые определители — это такие системные образования в нашем исследовательском опыте, которые характеризуют особенности изображения (выразительность) вместе со способом изображения, т. е. простираются от материальной поверхности текста в родовую тьму его генезиса. Простирание, т. е. пространственное запечатление временного процесса дает возможность не только рассмотреть ритм, референцию, наррацию, национально-культурный колорит, жанр, тезаурус и др. как результат творчества, но и в определенной степени проследить сам процесс, поскольку произведение (вос-произведение) сохраняет живые следы генезиса. Тематику, проблематику, сюжет, образы и образную систему, образную

² Возможен и дедуктивный — если уже есть корпус данных, на основе которых релевантны обобщения, эвристичные в плане дальнейшего движения.

³ Так, для лингвиста естественно мыслить путь к постижению стиля от языковых форм, но это сугубо дисциплинарная перспектива (как и в любом виде искусства). Путь к стилю заставляет, однако, каждую из таких перспектив воспринимать как привилегированный ракурс, причем привилегированность во многом определяется именно дисциплинарными соображениями.

и сюжетную композицию как аспекты *изображенного мира* для анализа персонального стиля лучше привлекать не напрямую, а через систему стилевых определителей (или в ее составе как производный определитель) — иначе мы теряем логику моделирования и уменьшаем его дифференцирующую силу (не забываем про уникальность конкретного стиля). Так, «нервическая скандалёзность» персонажей Достоевского имеет своим основанием, прежде всего, индивидуально-авторский семиозис, связанный с мировоззренческими представлениями, с «незавершимостью» мира и человека, мучительно-диалогичной «нераздельностью-неслиянностью» *я* и *другого* (в том числе и внутри *я*) — и т. п.

Отстроенная пространственная композиция стилевых определителей дает нам глубину стилевой модели, однако главная проблема заключается в том, что — в силу уникальности конкретного произведения как стилевого объекта — мы не можем заранее или механически задать ни состав определителей, ни их композицию: «субъектная матрица» текста не построена априори по схеме исследователя, будь последняя плодом абстрактного теоретизирования («теоретическая» модель) или систематизацией конкретного опыта («историческая» модель). Наличие подобных схем — важное подспорье для анализа, но отношение любой из них к другому стилевому объекту — отдельная проблема. В этом заключается, например, огромный недостаток «советской» (от Соколова [Соколов] до Лейдермана с его «бюрократической» триадой «метод — жанр — стиль»⁴) механистической модели «факторы стиля / носители стиля». По сути, это «теоретическая» модель, которая *находится в неизвестном соотношении с исследуемым объектом*: параметры жестко заданы и подчинены механической системности и причинно-следственной логике. Игнорирование уникальных качественных характеристик персонального стиля каждый раз ставит под вопрос результаты применения такой модели: что мы получаем? насколько это релевантно задачам анализа (именно персональный стиль, а не иная системность)? каковы критерии успешности анализа в дескриптивном, «монографическом», сопоставительном планах? и т. п. Уникальность «субъектной матрицы» текста, динамичность и дискурсивность произведения как стилевого объекта заставляют говорить о непредрешенности стилевой модели относительно конкретного объекта исследования: *состав и глубина стилевой модели вариативны*. Нам неизвестно *заранее*, что более значимо, а что менее, или, предельно огрубляя: где тут «факторы», а где «носители». Всё, что нам «теоретически» известно, — это примерный набор стилевых определителей. Построение конкретной стилевой модели осуществляется в процессе анализа объекта в ракурсе стилевых определителей и направленной теоретической рефлексии.

Неизбежность субъектно-языкового пространства, проистекающая из индивидуальности «языка-места» (см., напр.: [Иванов, Лакербай 2018]) для каждого потенциального автора (мы включаем в это число постфактум лишь тех, кто создал свой стиль), означает, что процесс творчества можно интерпретировать как индивидуальный (стилевой) семиозис, а возникающее текстовое пространство — как вторичную (не в оценочном плане) или производную языковую среду с реализованной субъектностью. Эта тотальная субъектность

⁴ «Взаимодействие “стиль — жанр — метод” образует структуру любой художественной системы как идейно-эстетического целого, начиная с отдельного произведения и кончая литературным направлением» [Лейдерман, Скрипова: 15].

(не субъект, а именно субъектность как свойство преображенного, «другого» языка) и позволяет задавать «глубину стиля» в любом направлении.

Категориальная глубина стиля прекрасно ощущается как возможность эстетического (и вслед за ним аналитического) восстановления сущности стиля из его относительно небольшого фрагмента. Конечно, для такого восстановления нужна определенная «база данных» как точка отсчета (например, мы знаем или предполагаем атрибуцию текста). Но это в любом случае «координатный минимум», дающий возможность «достраивать» стилевое целое эстетически и давать ему аналитический комментарий — именно потому, что фрагмент явственно *отсылает нас* к целому. В этом — для нас здесь — смысл известного замечания Бродского: «Цветаева <...> которой ничего и ни у кого заимствовать не надо, начинает с предельной структурной спрессованности речи и ею же кончает. <...> Вспомним авторскую ремарку к характеристике Казановы в ее пьесе “Конец Казановы”: “Не барственен — царственен”» [Бродский, т. 5: 132]. Точно так же «работает», например, стилистика самого Бродского (фрагмент типа «Вечер обычно отлит // в форму вокзальной площади, со статуей и т. п.» [Бродский, т. 4: 204] воспринимается как целый ансамбль узнаваемых стилем, провоцирующий на комментарий к стилю «зрелого» Бродского как таковому) или, скажем, Блока:

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ — победно и влюбленно —
В снежной мгле поет рожок... [Блок: 51] —

где и мотивы (бездонности, безумия, пустоты, мглы, рока, любви-страсти как мифологических характеристик «падшего» героя и мира, а также песни-музыки и битвы), и пафос («клубящаяся» антиномиями романтико-символистская «предельность» и стихийность, упоение отчаянием), и «оркестровка» (музыкально-театрально-экстатическая) — буквально всё является концентрированной репрезентацией блоковского лирического стиля.

Категориальная глубина стиля отчетливо выступает при соотнесении — не отождествлении! — *разноформатных* участков художественного мира. Так, опытный преподаватель-словесник может комментировать мотивы поступков лермонтовского Печорина, привлекая лирику поэта, и это порой гораздо более глубокая истина, нежели прямой анализ. Дело здесь не только в очевидной «автопсихологичности» героя. Несмотря на всю реалистическую объективацию персонажа и его внешнюю / внутреннюю отделенность от автора (Печорин, в отличие от его автора, только что прямо не назван красавцем; Печорин не поэт, что, казалось бы, должно было лишить его демоническую гордыню и метафизику подлинной мощи), в мироотношение и судьбу Печорина словно вшита вся «стилевая личность» поэта. И нет лучшего ответа на вопрос ученика или студента, почему же все-таки герой ни на чем не может остановиться и успокоиться (стать понятным, до конца определенным, «одним из нас»), а не вечным странником и нарушителем, вечным «между»), чем просто процитировать «И скучно и грустно». Эта «формула» лермонтовского духа и стиля легко раскрывается в подробностях печоринским самоанализом, демонстрируя ту же обреченность на внутреннюю борьбу и «несведенность» личности, невозможность для нее не противоречить самой себе. Внутренне возопить: «...зачем я жил? для какой цели я родился?.. А верно она существовала, и верно было мне назначенье высокое, потому что я чувствую

в душе моей силы необъятные; но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо...» [Лермонтов, т. 4: 289—290] — чтобы многократно «перевернуть» эту холодность, сначала ощутив «камень на сердце» после гибели Грушницкого, затем дав полную волю чувствам после неудачной «погоны за Верой», но вскоре убедив себя, что зря, и уснув «сном Наполеона после Ватерлоо» — а потом «демонически разозлиться» на Вернера: «...но я остался холоден, как камень — и он вышел. Вот люди! все они таковы: знают заранее все дурные стороны поступка, помогают, советуют, даже одобряют его, видя невозможность другого средства, — а потом умывают руки и отворачиваются с негодованием от того, кто имел смелость взять на себя всю тягость ответственности» [там же: 302]. Нетрудно заметить, что смысл мотивов «холодности» и «твердости» (инвариант) «камня» / «железа» (варианты) все время варьируется в конкретике (ускользает от однозначности) — при абсолютной точности и определенности «холода» как «универсалии» художественного мира («холод» как исходная демоническая реакция на «весь мир» и «всех людей»). Итог вселенского «холода» — неисцелимая «скука» («Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями...» [там же: 209]; «к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня...» [там же: 210]; «Ну что? в отставке?.. как?.. что подельвали?.. — Скучал! — отвечал Печорин, улыбаясь» [там же: 222]). «Бытовая» формула такого человека — «сам себе враг», поэтическая — «И скучно и грустно, и некому руку подать / В минуту душевной невзгоды... <...> Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг / Исчезнет при слове рассудка; / И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг — / Такая пустая и глупая шутка...» [Лермонтов, т. 1: 426]. А возвышенная «романная» формула доверена любящей женщине, и, при всей ее очарованности «скучающим демоном», отражает эту же универсальную суть: «...в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно <...> и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном» [Лермонтов, т. 4: 300]. Способы реализации «универсальности» различны, но, как раньше писали, «идейно-стилевая основа» (стиль как органическое единство идеи и формы) — одна. Тот факт, что персональный стиль Лермонтова при этом совокупно предстает как ярчайшая манифестация «романтического стиля» («большого» стиля, стиля-традиции), лишь подчеркивает глубину (или «многослойность») стиля как «внеаходимо-тотальной» субъектно-авторской объективации, могущей быть «считанной» по-разному на разных уровнях «погружения».

И это единство восстанавливается исследователем поэтапно, но считается «эстетически ориентированным» читателем сразу, а значит, *представлено на стилевой поверхности как некая данность*, воплощающая особенную — стилевую — кодировку всего «изображенного мира», т. е. наряду с самим изображением так или иначе демонстрирующая его код. Вот почему индивидуальный семиозис и реализованная вторичная языковая среда со всей определенностью требуют термина, указывающего на их оригинальность и могущего служить одним из исходных стилевых определителей. Таким термином может стать референциальный определитель, или *референциал* —

авторская референциальная модель. По точному определению Е. Фарино, в произведении мир из объекта превращается в «язык» (соответственно «вопрос достоверности или правдоподобия отодвигается тут на задний план, на первый же выдвигается степень когерентности и внутренней непротиворечивости моделирующей системы» [Фарино: 74—75]), и к референциалу это относится в первую очередь — он и есть «индивидуальный язык» самой художественной предметности (включая персонажный ряд, т. е. всего *изображенного мира*), ее «субъектный код», демонстрирующий «мир как язык», системные принципы отбора и демонстрации предметов и явлений. Референциал — буквальная данность «закодированной» стилем картины, такая *поверхность*, которая *чревата глубиной*.

На уровне *стилевого принципа* референциал — тенденция отбирать / изображать что-либо как-либо; на уровне *стилевой «фактуры»* — специфика демонстрации предметов и явлений в тексте. Понятие «референциал» отражает также невозможность выбора между миметичностью или автореференциальностью литературы (она и миметична, и автореференциальна просто потому, что таков язык, тотально воплощающий человеческий опыт) и переносит фокус референции внутрь стилевой перспективы, поскольку и «метод», и «предмет изображения», и «принцип изображения» есть по отношению к ней категории внешние, механически разграничивающие некую исходную (привилегированную) «действительность» и то, что писатель с ней делает.

Референциал есть *реальность субъекта-в-языке*, указывающая на способы своего создания. Если *до-стилевая реальность* есть неопределимая область, откуда черпает художник, а *собственно художественная реальность* принадлежит уже изображенному миру, то референциал есть их *средостение, переход от до-стилевой к художественной реальности*, зафиксированный срез становления (сделанный там, где стиль позволяет увидеть свою глубину).

Самый «наивный» аналог референциала — привычка. В смысле склонности писателя к определенным типам и формам отбора-изображения предметов реальной / виртуальной действительности референциал можно назвать «миметической привычкой». В отличие от поведенческой привычки, которая может быть совершенно неосознанной или автоматизированной, референциал предполагает непосредственное программное участие в реализации авторской стилевой стратегии, а значит, необходимую для ее воплощения степень осознанности отбора-изображения. На когнитивном уровне (модельном уровне субъекта-источника текста как когнитивного субъекта) типы и формы отбора-изображения связаны со всеми видами установок когнитивно-прагматической программы (КПП) автора как субъекта-источника КПП (целевыми, самоидентификационными, инструментальными, оценочно-результативными (см.: [Иванов, Лакербай 2020: 49—105])), которая играет роль своеобразного когнитивно-прагматического фильтра «на входе» (при отборе) и кодирующей стратегии «на выходе» (изображение, воплощенная художественная предметность). Что же касается самой «программируемости» творчества, в нашей модели воплощаемой КПП, то мы имеем полное право довериться подлинному авторитету, равно выдающемуся как писатель и как ученый. У. Эко безапелляционен, но при этом не упрощает: «Пишущий (рисующий, ваяющий, сочиняющий музыку) всегда знает, что он делает и во что это ему обходится. Он знает, что перед ним — задача. Толчок может быть глухим, импульсивным, подсознательным. Ощущение или воспоминание. Но после этого начинается работа за столом <...> Если автор уверяет, что

творил в порыве вдохновения, он лжет. <...> Когда писатель (и вообще художник) говорит, что, работая, не думал о правилах, это означает только, что он не знал, что знает правила» [Эко: 602].

Итак, референциал фундирован субъектно-языковым пространством (стиль как «язык языка») и когнитивно-прагматической программой субъекта-источника⁵ (здесь есть и взаимная обусловленность), репрезентирует индивидуальный семиозис «поверх» и «внутри» системно-языкового. «Другое» языка как воплощение персонального стиля одним из своих аспектов имеет референциал, во многом отвечающий за первичное «узнавание» персонального стиля читателем. Уникальность референциала как индивидуального кода «мироизображения» может проявляться самыми разнообразными способами, поскольку выбор и освещение художественной предметности чрезвычайно многоаспектны.

Конечно, не надо забывать, что референциал, будучи чрезвычайно наглядным свидетельством персонального стиля как непосредственно воспринимаемого единства художественной формы, свидетельствует и о тех *стилях-традициях* («стилях эпохи», отдельных стилевых направлениях и т. п.), на которые опирается персональный стиль, и о тех современных художнику веяниях и тенденциях, в русле которых он себя видит. Эту диалектику персонального и надперсонального в референциале нетрудно прояснить представлением последнего как уникального ансамбля традиционных (большей частью) кодов. Условно говоря, «нервическая взвинченность» или относительная «бестелесность» главных героев романов Достоевского, его склонность изображать скандалы, неловкости, неожиданности имеют уникальный смысл прежде всего в ансамбле множества кодов уже в рамках референциала как *общего способа отбирать / изображать что-либо как-либо*⁶.

Как ансамбль референциал отличен от других ансамблей-определителей своей *незаданностью* в плане состава кодов, и это отсутствие

⁵ Предстающего как биографический и / или имплицитный автор — «наивному» или более квалифицированному читателю, «языковая личность» — лингвисту, «литературная личность» — литературоведу, и т. п. Это «распределение», разумеется, условно, и его смысл — исключительно в указании на несхожесть «облика» субъекта-источника в разных ракурсах. «Внеаходимый автор» Бахтина и «отмененный» автор Барта — также констатации равно существенных аспектов творческой деятельности субъекта-источника, результаты применения разных точек и «инструментов» зрения. В этом смысле теорию КПП, моделирующую деятельность когнитивного субъекта, можно сопоставить с нарратологией, моделирующей повествование и его агентов: теория КПП дает наиболее общий модельный взгляд на проблему, легко конкретизируемый, однако, в рамках любого частного ракурса.

⁶ «В мире Достоевского нет фактов, стоящих на собственных ногах <...> Все явления как бы не завершены <...> всё находится как бы в стадии выяснения и расследования <...> Автор <...> неустанно ставит своих героев в необычные положения <...> Не случайно великий экспериментатор Достоевский так любит скандалы и катастрофы, различные нарушения норм «приличного» поведения, разного рода неловкости и разоблачения. Динамический мир Достоевского как бы развинчен и расхлябан <...> Любовь — на грани ненависти; ненависть — на грани любви. Добро сочетается с подлостью. Подлый человек неожиданно для себя делает добро <...> надо всем главенствует активный познавательный процесс <...> рассказ о том, как шел познавательный процесс условного «рассказчика», его грандиозные «дознания», как бы облава на факты, художественное «следствие» и «расследование»» [Лихачев: 271—274].

предзаданности — один из аргументов в пользу введения референциала как яркого стиливого показателя. Скажем, жанр — даже в случае уникального пушкинского «романа в стихах» — прочитывается прежде всего на фоне определенных жанровых ожиданий, т. е. существует некая предзаданная схема или схемы, от которых мы начинаем отсчет. То же можно сказать, например, о тезаурусе (в традиционной трактовке понятия) — лингвостилистическая традиция исследования собственно-языковой стороны литературного текста говорит о той или иной языковой (системной) норме как точке отсчета. Но у референциала ничего подобного нет — этот ансамбль выстраивается как *общее наглядное отношение писателя к действительности и языку*, его многочисленные «исходные коды» вариативны и спрятаны или диалектически «сняты». Как общий способ изображения референциал, на наш взгляд, является перспективной заменой крайне неудачному термину «художественный метод» — неудачному именно применительно к персональному писательскому стилю! — помогая осознать «методологический» ракурс изображения как «нечастную часть» стиля, а не наоборот.

Разумеется, референциал отображает лишь тенденции, но никак не жесткие правила или схемы. И если «персональная стильность» поэтического, лирического художественного мира тяготеет скорее к более ограниченному выбору и комбинациям референциальных кодов, то, скажем, классическая романная «постройка» как более полный — элементарно и структурно — виртуальный аналог действительности в состоянии широко разомкнуть перечень этих кодов.

Каким же образом исследователю «собрать» референциал — а это именно «сборка», конструкт! — из разномастных примет «художественного мира» (каждая из которых входит в свой ближайший ряд и может быть увидена во множестве других рядов)? Описание референциала художника — это краткая «презентация» наиболее регулярных и наглядных стиливых примет «изображенного мира», указывающих на отношение к миру и языку, своеобразная «визитка» персонального стиля как общего способа изображения. Если несколько квалифицированных исследователей сходным образом обрисовывают «миметические привычки» писателя, то это и есть референциал, и в рамках данного стиливого определителя остается отделить «свое» от «группового» (персонально-стилевое от стиля-традиции или тренда-моды) или интерпретировать «свое» в составе этого «группового». Проблему, однако, нередко составляет не сам референциал (аналитический модуль «стиль как самопрезентация»), а его интерпретация, меняющая смысл описания.

Так, из блестящего комментария А.К. Жолковского к рассказу И.А. Бунина «Визитные карточки» в контексте «Темных аллей» (и не только) [Жолковский] мы легко можем извлечь референциал бунинского стиля. Если отнестись к мнению Е.Р. Пономарева («Невозможно говорить о единой поэтике позднего Бунина») к эволюционной характеристике скорее другого определителя — нарративного (напр.: «Развернутые новеллы начинают уступать место коротким (сжатым) новеллам и рассказам-зарисовкам <...> Рассказ притворяется новеллой, новеллой не будучи»; [Пономарев]), то по сути, весь этот небольшой рассказ можно в аналитическом ракурсе метафорически счесть референциалом (такова в нем концентрация бунинских стилем), причем персонального стиля в его поздней стадии, когда перед нами практически «поэтика предсказуемости». Здесь и обостренная чувственность, развернутая

одновременно в «прозу жизни» и тайну бытия⁷, и роковая природа всего, что связано с любовью и страстью («одна и та же драма»), и пристальный физиологизм как неотъемлемая часть общей художественной «зоркости», и едва ли не «энциклопедическое» варьирование «драмы» во множестве мастерски выписанных социальных декораций, и (при «веере» героев, обстоятельств и исходов) почти постоянная связь «драмы» с описанными или подразумеваемыми негативными последствиями, и «мощный виртуальный план» в виде мечтаний, угроз, воспоминаний — и т. п. Однако для читателя, на наш взгляд, важно всегда «держат связь» с «интегральным эстетическим впечатлением» (плохо уловимым западной эстетикой, но абсолютно внятными для русской и восточной (см.: [Сливицкая: 9])) от творчества писателя, что позволяет, в нашей терминологии, *не подменять в процессе интерпретации авторскую КПП исследовательской*. И вот здесь обнаруживается принципиальная разница между «философско-эстетическим» и «секулярно-филологическим» прочтениями.

Как формулирует О.В. Сливицкая, Бунин «единообразен в многообразии» своих «полярностей» — это «“описатель” (по презрительному слову Мережковского), но страстно устремленный к “последним вопросам”», интегрально соединяющий в своем «повышенном чувстве жизни» и «мажорном трагизме» «Эрос космический» и «Эрос лирический» (индивидуальное влечение): «Поэтому Бунин эротичен и там, где тема сексуальной любви отсутствует» [Сливицкая: 9—10].

В современных исследованиях поэтика «позднего Бунина» порой предстает уже даже не модернистской (что еще недавно было дискуссионным), а «предпостмодерной» — настолько масштабна литературная игра (см.: [Пономарев]). Но зададимся простым вопросом: в чем причина навязчивой, почти маниакальной верности одной и той же варьирующейся коллизии, да еще на закате жизни? Вызывающее такую глубокую рефлексию героя «эротическое событие» (вождевленное, мучительное, щемящее, иронически дистанцируемое и т. п.), конечно, может быть интерпретировано как самостоятельная повествовательная тема и игровые сюжетные вариации на интертекстуальных полях: по Жолковскому, для Бунина важна именно «эротическая динамика молниеносно сымпровизированного романа случайно встретившихся партнеров» [Жолковский] — но Бунин не Жолковский. Бунин — поэт в том самом значении этого слова, которое делает невозможным существование в мире без «высшей метафизики» (А.К. Жолковский имеет полное право иронически оценить «непонимание» Ф. Степуном «эротического момента» в данном рассказе⁸ — но и мы имеем право зафиксировать принципиальную «глухоту»

⁷ К сожалению, А.К. Жолковский «профессионально секуляризует» самого Бунина, во второй части внешне точной характеристики подменяя «метафизический план» (без которого нет большого, тем более великого художника) самодостаточным гедонистическим эстетизмом: «Любовную прозу Бунина отличает сочетание пристального до дерзости сосредоточения на сексуальной стороне бытия, с ее физиологическими реалиями и исключительными всплесками любви, вожделения, насилия, бесстыдства, гибели, с проецированием соответствующих сюжетов на широчайший спектр житейских и литературных ситуаций и утонченной выделкой повествовательной ткани, позволяющей возвести материал на грани легкого порно в перл творения» [Жолковский] — но это обычная «демифологизирующая» манера самого Жолковского.

⁸ «Если бы уважаемый философ на время чтения художественной прозы отключал космическую музыку и вникал в написанное, он мог бы заметить, что...» [Жолковский].

выдающегося филолога к некоторым весьма важным вещам). «Божественным» для Бунина всегда была чувственная красота бытия; его писательская зоркость и изощренность целиком ею обусловлены; как Антей, он должен припадать к этой земной красоте. Но от красоты всё больше остается уже не элегический трупик «золотого сухого шмеля» [Бунин, т. 2: 88] и даже не выжженная веками «тень птицы», а сухой ужас обыденно-безысходного мира (см., например, рассказ «Красавица»). Поэтому внешне объективный «гедонистический эстетизм» самой своей безысходностью опрокинут в тайну бытия и его красоты — ту самую, откуда приходит «легкое дыхание» в одноименном более раннем рассказе (где, кстати, «пешками» оказываются все герои) и которая приковывает нас к «сонету любви на старом мавзолее» и образу умершей девушки-невесты («Эпитафия» [Бунин, т. 1: 104]); ту самую, которая делает неизбежной трагедию гимназиста Мити («Митина любовь») и переворачивает мир героя в «Солнечном ударе». В «Визитных карточках» таинственный мир, где «я вижу, слышу, счастлив. Всё во мне» [там же: 241], по сути, «мгновенье рая на земле», больше невозможен — а если и возможен, то только таким способом.

Иными словами, «квалификация», казалось бы, «наглядного» референциала вполне может стать проблемой, если мы пытаемся не «аппроксимативно» разглядеть за «видимым» «коммуникативные намерения» автора («первичную информативность» [Дридзе: 86]), а установить соответствие его «меседжа» нашим интерпретативным установкам (например, демонстрируя их как «филологический объективизм»), что чревато заменой КПП субъекта источника на КПП субъекта-интерпретатора. Если перед нами не «игровая» словесность (а не просто «интертекст»), где «открытость интерпретаций» запрограммирована, это ведет к дополнительным искажениям.

Несмотря на эту проблемность, есть все основания говорить о теоретической значимости референциала как такой «видимости», которая представляет собой *развернутый содержательный сигнал стилового целого*. Референциал можно понимать как *самопрезентацию стиля читателю*. Пофантазируем: если бы стиль (который, как известно, «есть сам человек») захотел устроить свою презентацию... получился бы референциал («смотри-те, это вот что ... и вот так выглядит ... и вот так я это делаю»).

Список литературы / References

- Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 3: Стихотворения, кн. 3: (1907—1916). 94 с.
(Blok A.A. Complete works and letters: in 20 vols, vol. 3: Poems, b. 3: (1907—1916), Moscow, 1997, 994 p. — In Russ.)
- Бродский И.А. Сочинения: в 7 т. СПб.: Пушкин. фонд, 1997—2001.
(Brodsky I.A. Works: in 7 vols, St. Petersburg, 1997—2001. — In Russ.)
- Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006—2007.
(Bunin I.A. Complete works: in 13 vols, Moscow, 2006—2007. — In Russ.)
- Бычков В.В. Эстетика: учебник. М.: Гардарики, 2004. 556 с.
(Bychkov V.V. Aesthetics: Textbook, Moscow, 2004, 556 p. — In Russ.)
- Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М.: Высш. шк., 1991. 445 с.
(Vinokur G.O. About the language of fiction, Moscow, 1991, 445 p. — In Russ.)

- Гиршман М.М. Литературное произведение: теория художественной целостности. Изд. 2, доп. М.: Языки славян. культур, 2007. 560 с.
(Girshman M.M. Literary work: Theory of artistic integrity. 2nd ed., Moscow, 2007, 560 p. — In Russ.)
- Гайда С. Что такое стиль? // Медиалингвистика. 2013. № 1. С. 33—45.
(Gaida S. What is style? *Media Linguistics*, 2013, no. 1, pp. 33—45. — In Russ.)
- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука: АН СССР: Ин-т социол. исслед., 1984. 268 с.
(Dridze T.M. Textual activity in the structure of social communication: Problems of Semiosociopsychology, Moscow, 1984, 268 p. — In Russ.)
- Жолковский А.К. Место «Визитных карточек» в эротической картотеке Бунина // Новое литературное обозрение. 2018. № 2 (150). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/150_nlo_2_2018/article/19576/ (дата обращения: 25.12.2021).
(Zholkovsky A.K. The place of “Business cards” in Bunin’s erotic card file, *New Literary review*, 2018, no. 2 (150). — In Russ.)
- Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Проблема стиля и методологические стратегии М.М. Бахтина и А.Ф. Лосева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 194—206.
(Ivanov D.I., Lakerbai D.L. The problem of style and methodological strategies of M.M. Bakhtin and A.F. Losev, *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2018, no. 53, pp. 194—206. — In Russ.)
- Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Когнитивная гуманитарная семиотика: в 2 кн. Иваново: ПресСто, 2020. Кн. 2: Терминология. Аналитические портреты. 256 с.
(Ivanov D.I., Lakerbai D.L. Cognitive humanitarian semiotics: in 2 books, b. 2: Terminology. Analytical portraits, Ivanovo, 2020. — In Russ.)
- Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Л.: Наука, 1979—1981.
(Lermontov M.Yu. Collected works: in 4 vols, Leningrad, 1979—1981. — In Russ.)
- Лихачев Д.С. «Небрежение словом» у Достоевского // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 271—289.
(Likhachev D.S. “Neglect the word” Dostoevsky, *Likhachev D.S. Selected works: in 3 vols*, vol. 3, Leningrad, 1987, pp. 271—289. — In Russ.)
- Михайлов А.В. Проблема стиля и этапы развития литературы Нового времени // Михайлов А.В. Языки культуры: учебное пособие по культурологии. М.: Языки рус. культуры, 1997. С. 472—506.
(Mikhailov A.V. The problem of style and stages of development of the literature of the New time, *Mikhailov A.V. Languages of culture: A training manual for cultural research*, Moscow, 1997, pp. 472—506. — In Russ.)
- Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука-классика, 2010. 512 с.
(Nabokov V. Lectures on foreign literature, transl. by S. Antonov, I. Bernstein, G. Dashevsky et al. St. Petersburg, 2010, 512 p. — In Russ.)
- Пелипенко А.А. Художественный стиль как язык культуры // Пелипенко А.А. Искусство в зеркале культурологии. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 9—33.
(Pelipenko A.A. Art style as a language of culture, *Pelipenko A.A. Art in the mirror of cultural studies*, St. Petersburg, 2009, pp. 9—33. — In Russ.)
- Пономарев Е. Интертекст «Темных аллея»: растворение новеллы в позднем творчестве И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2018. № 2 (150). URL:

https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/150_nlo_2_2018/article/19577/ (дата обращения: 25.12.2021).

(Ponomarev E. The intertext of “Dark Alleys”: The Dissolution of the novella in the late work of I.A. Bunin, *New Literary Review*, 2018, no. 2 (150). — In Russ.)

Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. 272 с.

(Slivitskaya O.V. “Heightened sense of life”: The World of Ivan Bunin, Moscow, 2004, 272 p. — In Russ.)

Соколов А.Н. Теория стиля. М.: Искусство, 1968. 224 с.

(Sokolov A.N. Theory of style, Moscow, 1968, 224 p. — In Russ.)

Лейдерман Н.Л., Скрипова О.А. и др. Стиль литературного произведения: теория. Практикум: учебное пособие. Екатеринбург: АМБ, 2004. 184 с.

(Leiderman N.L., Skripova O.A. et al. The style of a literary work: Theory. Workshop: Textbook, Yekaterinburg, 2004, 184 p. — In Russ.)

Фарино Е. Введение в литературоведение: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.

(Farino E. Introduction to Literary Studies: A textbook, St. Petersburg, 2004, 639 p. — In Russ.)

Эйдинова В. Стиль художника: концепции стиля в литературной критике 20-х годов. М.: Худож. лит., 1991. 285 с.

(Eidinova V. Artist’s style: Concepts of style in literary criticism of the 20s, Moscow, 1991, 285 p. — In Russ.)

Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Эко У. Имя розы. М.: Симпозиум, 1998. С. 596—644.

(Eco U. Notes on the margins of the “Name of the rose”, *Eco U. The name of the rose*, transl. by E. Kostyukovich, Moscow, 1998, pp. 596—644. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.01.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 11.01.2022; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Лакербай Дмитрий Леонидович — кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lakomotion@yandex.ru

Lakerbay Dmitriy Leonidovich — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lakomotion@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 57—65.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 57—65.

Научная статья

УДК 821.111(73)-4

DOI: 10.46726/И.2022.1.5

РАСОВЫЙ ВОПРОС В ЭССЕИСТИКЕ З.Н. ХЕРСТОН

Ирина Васильевна Морозова

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия, irinamog@gmail.com

Аннотация. Творчество Зоры Нил Херстон сыграло неоценимую роль в формировании современной афроамериканской литературы. Она была и ярким писателем, и антропологом, и собирательницей фольклора, звездой Гарлемского ренессанса. Ее отношение к расовому вопросу отличается своеобразием и во многом расходится со взглядами своих современников. В статье впервые в отечественном литературоведении анализируются эссе писательницы, в которых она касается расового состояния в США с точки зрения социально-политической, поднимает важные вопросы литературной рецепции черного человека. Изложенный материал позволяет определить то, что важной особенностью концепции самоидентификации афроамериканца Зоры Херстон является категория самобытности, оригинальности, основанная на идее культурной диффузии Ф. Боаса. В эссе мы находим подтверждение идеи Ф. Боаса о том, что каждая культура является уникальной системой ценностей, а раса — это искусственная категория, конструкция, разработанная обществом. Материалом исследования стал сборник «Вы не знаете нас, негров» и другие эссе, в котором собраны практически все публиковавшиеся ранее и недавно открытые эссе писательницы, демонстрирующие ее талант и право называться основательницей «черной эстетики».

Ключевые слова: Зора Нил Херстон, раса, Франц Боас, афроамериканцы, эссе, «черная эстетика»

Для цитирования: Морозова И.В. Расовый вопрос в эссеистике З.Н. Херстон // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 57—65.

Original article

THE RACIAL QUESTION IN Z.N. HURSTON'S ESSAYS

Irina V. Morozova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
irinamoro@gmail.com

Abstract. The creative work of Zora Neale Hurston has played an invaluable role in shaping contemporary African American literature. She was a brilliant writer, an anthropologist, and a collector of folklore, a star of the Harlem Renaissance. Her attitude to the racial issue is distinctive and in many ways at odds with the views of her contemporaries. For the first time in Russian literary criticism, the article analyzes the essays of the writer, in which she touches upon the racial condition in the United States from a socio-political point of view, and raises important questions about the literary perception of a black person. The material presented allows us to determine that an important feature of Zora Hurston's concept of self-identification of an African American is the category of originality, based on the idea of cultural diffusion by F. Boas. In her essays we find confirmation of the idea of F. Boas that each culture is a unique system of values, whereas race is an artificial category, a construction developed by society. The material of the study was the collection "You Don't Know Us Negroes' and Other Essays", which contains almost all previously published and recently opened essays by the writer, demonstrating her talent and the right to be called the founder of the "black aesthetics".

Keywords: Zora Neale Hurston, race, Franz Boas, African Americans, essay, "Black aesthetic"

For citation: Morozova I.V. The racial question in Z.N. Hurston's essays, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 57—65.

В настоящее время Зора Нил Херстон (Zora Neale Hurston, 1891—1960) является одной из самых важных фигур в становлении и развитии афроамериканской литературы. Ее взгляд на характер и культуру черной Америки, ее собственные творческие искания сформировали писательскую оптику таких видных представителей афроамериканской литературы, как Т. Моррисон, Э. Уокер, Г. Нейлор, Г. Джонс, Т.К. Бамбара и др. В ее романах, рассказах и собраниях фольклорного материала современные афрофутуристы черпают свое вдохновение.

Творческое наследие З.Н. Херстон, несмотря на его небольшой объем, находится в центре постоянного внимания литературоведов, социологов, историков, антропологов, поскольку грани ее таланта весьма многочисленны: она была и ярким писателем, и антропологом, и увлеченной собирательницей фольклора, исследовательницей нравов, традиций и обычаев черного населения американского Юга, заставляющих читателя ее произведений почувствовать себя частью черного мира.

Творчество Зоры Нил Херстон, безусловно, связано с расцветом афроамериканской культуры периода Гарлемского ренессанса, когда были предложены различные способы поисков афроамериканской идентичности. Однако если для большинства представителей Гарлемского ренессанса характерны резко оформленные требования социального протеста и призыв к равенству рас, то отношение Зоры Херстон к пониманию расовой проблемы

заметно от этого отличалось, что навлекло на нее сокрушительную критику со стороны лидеров афроамериканских радикалов: «Восхищенные, разнообразные, исполненные энтузиазма сегодняшние отклики на работы Херстон не разделяли ее влиятельные черные современники-мужчины» [Davis: 5].

Так, рецензия Ричарда Райта на роман З.Н. Херстон «Их глаза видели Бога» (*Their Eyes Were Watching God*, 1937) больше напоминает гневную инвективу, чем отклик собрата по перу: «Мисс Херстон умеет писать, но ее проза скрыта в той легковесной чувственности, определившей негритянскую выразительность еще со времени Филлис Уитли. Ее диалоги справляются только с передачей психологии простого негритянского народа в ее абсолютной простоте, не более того <...> Мисс Херстон по собственной воле продолжает в своем романе традицию, навязанную негру в театре, это техника минстрел-шоу, которая заставляет «белых ребят» смеяться. Ее характеры едят, и смеются, и плачут, и работают, и убивают, и так они бесконечно раскачиваются, как маятник, по этой безопасной и узкой орбите, где Америка предпочитает видеть жизнь негра — между смехом и слезами <...> В целом, роман адресован не негритянской, а белой аудитории, чьи шовинистические вкусы она знает, как удовлетворить» [Wright].

Сама Зора Херстон на эти и подобные им нападки отвечала совершенно определенно, например, в письме к обвинявшему ее в невнимании к расе журналисту Д. Гилберту: «Ненавижу рассуждать о расовой проблеме. Я писатель и оставляю социологические проблемы социологам, которые знают об этом больше меня» [Hurstons 2003a: 475]. Она неизменно придерживалась этого принципа — не смешивать социально-политический дискурс с дискурсом художественным — и четко указывала на то, что являлось основной интенцией ее творчества, и о чем писала еще в начале 1930-х гг.: «Я не посягаю на решение ни одной проблемы. Я знаю, что я не могу исправить несколькими строчками то, что Бог и люди привели в беспорядок в течение столетий. Поэтому я всегда пыталась иметь дело с жизнью, которую мы действительно проживаем, а не с той, которую воображают социологи» [Hurstons 2003c: 286].

Однако несмотря на эти заявления не только в ее романах, но и в многочисленных эссе присутствует имплицитно и эксплицитно выраженный взгляд и на социальную, и на политическую, и на гендерную проблему расы. Расовый вопрос является основным в ее творчестве, только задачу художника она видела не в провозглашении лозунгов о равенстве рас, а в том, чтобы показать истинную, глубинную сущность афроамериканца, который и отчетливо самобытен, и одновременно ничем не отличается в своих эмоциях и чувствованиях от белого человека. Именно поэтому в своих художественных произведениях она не поднимала вопрос о различиях в существовании и социальном статусе черного человека в американском обществе, излюбленной теме своих современников, а показывала в сочных и тщательно выписанных деталях уникальность черной культуры и быта, сосредоточивала свое внимание на внутренних переживаниях и эмоциональной жизни своих персонажей.

Совсем другое дело — ее эссе, в которых она неприкрыто говорила о расовой дискриминации, о непонимании или неправильной трактовке образа афроамериканца, укоренившемся в общественном сознании США и литературе. Для сегодняшнего читателя оригинальность ее отношения к расовому вопросу становится очевидной, поскольку только теперь он приобрел возможность ознакомления практически со всеми эссе Зоры Херстон (известными и открытыми недавно) в одном томе: в январе 2022 г. издательством

«Амхерст» была выпущена четырехсотстраничная книга «Вы не знаете нас, негров» и другие эссе» (*You Don't Know Us Negroes and Other Essays*).

Как справедливо отметила в своей рецензии в «Нью-Йорк Таймс» Т. Харрис, этот сборник «масштабно углубляет наше понимание Херстон, которая была неутомимым крестоносцем во всех своих произведениях, опередив свое время. Хотя ее часто неправильно понимали, иногда клеветали, а подчас и отвергали, ее слова не позволяют читателям считать ее кем-либо, кроме как одним из интеллектуальных гигантов XX в. <...> Читатели, знакомые с творчеством Херстон, заметят характерные черты ее голоса в этих эссе: дерзость, смелость бросить вызов <...> Здесь особенно поразительна широта интеллекта Херстон. Она снабжает свои эссе такими исчерпывающими литературными, историческими, биографическими, политическими, художественными, общепросветительскими, религиозными ссылками, что, если бы читатели просто следовали одним только сноскам (составленным Уэстом и Гейтсом), они получили бы весьма ценное образование» [Harris].

Действительно, в своих эссе, охватывающих четыре десятилетия важнейших этапов социокультурной жизни афроамериканцев — от Гарлемского ренессанса до начала черного движения за гражданские права 1950-х годов — Херстон касается практически всех проблем различных сфер жизни афроамериканца. Музыка, литература, живопись, политика, фольклор, образование, работа, торговля, жаргон чернокожих, хулу и расовые отношения на Юге во время и после законов Джима Кроу — такова палитра вопросов, которые живо интересуют писательницу и находят отклик в ее эссе, часто написанных как реакция на события современной Зоре Херстон жизни, а часто представляющих размышления над неизменно существующими вопросам расы.

Прежде всего, необходимо отметить, что важной особенностью концепции идентификации афроамериканца Зоры Херстон является категория самобытности, оригинальности, которая весьма далека как от идеи У. Дюбуа о «раздвоенности» души черного человека, так и от афроцентристской: «То, что мы действительно подразумеваем под самобытностью — это модификация идей <...> негр очень самобытен. Живя и действуя в окружении белой цивилизации, все, с чем он соприкасается, переосмысливается им ради собственного использования. Он модифицирует язык, способ приготовления пищи, медицину, и, без сомнения, религию своей новой страны, точно так же, как он приспособил стрижку «Шейх», ставшую модной благодаря Рудольфу Валентино» [Hurstson 2022: 61]. По мнению Зоры Херстон афроамериканец своей оригинальностью обязан не только Африканскому континенту, но и в такой же степени белой цивилизации Америки: «Соединенные Штаты — замечательное место <...> африканский материал получил новые черты, которые обусловили его жизнь и обогатили его» [Hurstson 2003b: 645].

В таком понимании специфики черного человека и его культуры явственно проступают идеи Франца Боаса, чьей последовательной ученицей была Зора Херстон, о диффузии в процессе формирования культур: «Изучение материальной культуры, обрядов, искусства и мифологии Америки, различных форм африканской культуры и доисторической Европы с такой убедительностью раскрыли роль диффузии, что мы не вправе отрицать ее присутствия в формировании любого локального культурного типа» [Боас: 343]. Таким локальным типом и был афроамериканец, по мнению Херстон, впитавший в себя множество различных культурных традиций.

Во всех ее высказываниях ощущается влияние антропологической школы Боаса с утверждением того, что каждая культура является уникальной системой ценностей, а раса — это искусственная категория, конструкция, разработанная обществом. Поэтому она часто в своих эссе обращается к исследованию социальных конструкторов, в которые заключена жизнь современного ей черного человека.

Так, например, в эссе «Система “домашнего негра”» (The “Pet Negro” system, 1943) она рассуждает о ситуации, в которой оказалось черное население во время сегрегации на Юге. С одной стороны, она находит безнравственным то, что черное население там тоже делится на страты, среди которых выделяется, как она это называет по ассоциации с домашним животным, «домашний негр». Черный человек, достигший определенного уровня образования, всегда получает хорошую работу и будет опекаем белым патроном. Он лоялен ко всему происходящему и не стремится к общению с низшим классом большинства черного населения. У них, подчеркивает Херстон, также «есть, так сказать, любимые белые. Это работает в обе стороны» [Hurstun 2022: 235].

Описывая подобным образом состояние расовых отношений на Юге, она признается, что не ее дело судить, хорошо это или плохо, но она убеждена, что такая система «домашнего негра» сглаживает самые острые углы на Юге, предотвращает социальный взрыв, с одной стороны, а с другой — «может быть доказательством того, что расовая ситуация в Америке не совсем безнадежна и, возможно, в конце концов даже разрешится» [Hurstun 2022: 236].

Для Зоры Херстон предпочтительнее такая система, нежели насильственное сближение рас, о чем она откровенно заявляет в письме к редактору газеты «Орlando Сентенел» «Судебные постановления не могут смешивать расы» (Court Order Can't Make the Races Mix, 1955). Письмо было создано по поводу решения суда по делу «Оливер Браун и др. против Совета по образованию Топики», состоявшегося в 1954 году. Дело было возбуждено по иску Оливера Брауна, чьей дочери отказали в посещении школы для белых. Браун настаивал на том, что его дочь имеет право посещать именно ее, поскольку школа для белых располагается намного ближе к дому. Процесс закончился решением Верховного суда США, признавшего противоречащим конституции раздельное обучение чернокожих и белых школьников. Конечно, решение было важным шагом в борьбе против расовой сегрегации. Однако Зора Херстон увидела в этом решении унижение черной расы, поскольку граница между расами стиралась не естественным путем, а насильственно, и она негативно оценила представление о том, что десегрегация в школах приведет к сплочению рас.

То, что большинство афроамериканцев считало спасительной благодарностью, меньшинство во главе с Зорой Херстон почло оскорбительным для той самой расы, которую это решение должно было защищать: «Если во Флориде нет подходящих негритянских школ, а в белых школах есть какое-то базовое, неотъемлемое и неизменное качество, которое невозможно воспроизвести где-либо еще, тогда я первая настаиваю на том, чтобы негритянским детям Флориды было позволено разделить это благо. Но если есть адекватные негритянские школы и подготовленные инструкторы и обучение, то они ничем они не отличаются, кроме отсутствия там белых людей. По этой причине я считаю решение Верховного суда США скорее оскорбительным, чем предоставляющим честь моей расе» [Hurstun 2022: 296].

В доказательство того, что стремление к насильственной десегрегации унижает афроамериканца, она ссылается на историю индейцев. Индеец, по мнению Херстон, «сражался — и доблестно — за свои земли, и это было справедливо, и для индейца было немыслимо стремиться к насильственному союзу с кем-либо. Его хорошо известная гордость и самоуважение спасли его от этого. Я придерживаюсь индейской позиции» [Hurstons 2022: 298]. Тем самым она отмежевывалась от своих современников, прежде всего, У. Дюбуа, которые постоянно требуют апелляции в защиту прав чернокожего как к белой, так и черной аудитории: «Моя природная честность и самоуважение восстают против всех этих особых прошений, а Дюбуа — самый особый проситель среди всех просителей» [Hurstons 2003: 533].

Кроме того, в ее восприятии данного решения видится обеспокоенность тем, что оно чревато не сглаживанием расовых проблем, а напротив, их усилением. Она боялась, что насильственная десегрегация может привести к увеличению агрессии белого населения, и выступала за медленное, поступательное понимание самой сути равенства всех рас.

Ни в коем случае нельзя думать, что Зора Херстон смирялась с существованием сегрегации, поскольку это не коснулось ее лично. Напротив, несмотря на то, что в ее кругу было очень много белых друзей и спонсоров, таких как Ш.О. Мейсон или К. Ван Вехтен, она постоянно чувствовала расовую неприязнь, о которой писала в своих эссе. Например, в эссе «Мой самый унижительный опыт законов Джима Кроу» (*My Most Humiliating Jim Crow Experience*, 1944) Зора Херстон рассказывает о том, как она по рекомендации Ш.О. Мейсон отправилась на визит к врачу в дорогую клинику Нью-Йорка. Ее приняли не во врачебном кабинете, а в комнатке, напоминавшей больше кладовку для белья: «Медсестра провела меня туда, быстро закрыла дверь и исчезла. Тут же вошел доктор и стал путано спрашивать меня о симптомах. Было очевидно, что он намеревался вывести меня из помещения как можно быстрее <...> Он сделал несколько движений, воткнул мне глубоко в горло трубку, чтобы извлечь немного желчи из желчного пузыря, выписал рецепт и попросил двадцать долларов в качестве гонорара. Я встала, нахлобучила шляпу и вышла, пообещав выслать чек, чего так никогда и не сделала. Я ушла, ощущая всю полноту печали англо-саксонской цивилизации. И я все еще ощущаю эту печаль, потому что я знаю, что ничего с таким фальшивым фундаментом не может долго продолжаться. Кого боги хотят уничтожить, они сначала сводят того с ума» [Hurstons 2022: 206].

С такой же горечью и иронией она вспоминает в самом, пожалуй, известном и раннем своем эссе «Каково это — чувствовать себя цветной?» (*How It Feels To Be Colored Me*, 1928) тот момент, когда осознала свою инаковость. Она выросла в городке Итонвилл с абсолютно черным населением, где она была «просто Зора». Но на учебе в Джексонвилле, пишет Херстон: «Я уже больше не была Зорой из графства Орендж, я теперь стала маленькой цветной девочкой. Я обнаруживала это разными способами. В душе, как и в отражении в зеркале, я становилась устойчивого коричневого цвета, с гарантией, что он не сотрется и не потечет» [Hurstons 2022: 188].

В этом эссе она акцентирует внимание не на расовом различии, а на культурном, и восстает против любых посягательств на то, чтобы в аргументации требований равенства использовалось рабское прошлое черного населения Америки: «Кто-то рядом обязательно напомнит мне о том, что я внучка рабов. Но это не заставляет меня впадать в уныние. Рабство уже шестьдесят

лет как в прошлом. Операция прошла успешно, пациент чувствует себя хорошо, спасибо. Ужасная битва, которая превратила меня в американку из потенциальной рабыни, скомандовала “На старт!”, Реконструкция сказала “Внимание!”, а следующее поколение выкрикнуло “Марш!”. Я уже взяла высокий старт, и посреди дистанции мне нельзя остановиться, чтобы посмотреть назад и всплакнуть. Рабство — цена, которую я заплатила за цивилизацию, и выбор был сделан не мной. Это рискованное приключение, за которое я заплатила всем прошлым своих предков. Никто на земле не имел такого шанса для торжества» [Hurstон 2022: 189].

Таким образом, позиция Зоры Херстон, как мы видим, заметно отличалась не только от ее современников, но и от афроамериканских политических требований дня сегодняшнего, стоит лишь вспомнить «Проект 1619», направленный на переосмысление истории страны, где рабство и вклад черных американцев перемещены в центр общенационального нарратива.

Несомненным новаторством отличаются и взгляды Зоры Нил Херстон о современной ей литературе, где центральными персонажами являются афроамериканцы. Она отстаивает необходимость не клишированного, а правдивого изображения жизни современного афроамериканца. Так, например, в эссе «Об искусстве и подобных вещах» (Art and Such, 1938) она пишет, что для писателей не существует черного человека как индивидуума, он существует только как некий обобщенный трагический тип своей расы. Здесь же она определяет сущность афроамериканского романа: это должна быть история о черном человеке, но одновременно и любом человеке. Безо всяких «выпрашиваний» в духе У. Дюбуа.

Настойчивое требование создания индивидуального характера черного человека является центральным и в более позднем эссе «Чего не напечатают белые издатели» (What White Publishers Won't Print, 1950). Она отмечает, что никто не говорит о «состоятельных, хорошо образованных и имеющих собственное дело неграх», коих достаточно большое количество на Юге, а в пропагандистских целях изображают только «женщин легкого поведения и им подобных».

Херстон здесь утверждает, что белые авторы художественной литературы прискорбно невежественны в отношении истинной жизни чернокожих и что вместо того, чтобы стремиться учиться, они опираются в своих историях на мифы, стереотипы и искажения. Причем, что очень важно, она идет дальше критики изображения афроамериканца, поднимая вопрос о литературной рецепции Другого в целом, таким образом предвосхитив центральный вектор постколониального дискурса. Так, она пишет: «Предполагается, что все не англо-саксы — это несложные стереотипы, всем все известно. Это выставленные в музее наряженные манекены, узнаваемые с первого взгляда. Они сделаны из проволочного каркаса и полые внутри. Кому же вздумается писать книги о том, чего не существует? <...> публика с готовностью принимает нетипичное в представителях нордической расы, но чувствует себя обманутой, если нетипичное изображается у других» [Hurstон 2022: 147].

Эссе Зоры Нил Херстон представляют интерес не только с точки зрения выдвинутых ею идей относительно расового вопроса. Справедливо утверждение Г.Л. Гейтса, использовавшего выражение У. Дюбуа о черном человеке, «скрытом вуалью», о том, что Херстон видела задачу черного писателя не только в «открытии скрытого за вуалью», но и в том, чтобы позволить говорить о своем уникальном опыте своим собственным голосом. В предисловии к сборнику эссе Зоры Херстон он справедливо пишет: «Читать размышления

Херстон о внутренней логике черных культурных форм, социальных институтов, поведения — это все равно, что подслушивать внутренний монолог — подобно тому, как воспринимаются монологи героев Шекспира. Это одно из новшеств, которые она привнесла в историю афроамериканского жанра эссе. И посредством этих эссе она утверждает, что обширное богатство афроамериканского опыта может быть реализовано в печатной форме, только если писатели позволят самой традиции говорить за себя, раскрывая таким образом “каплю уникальности негритянской (*Negroness*)” — так, как это в светской сфере делают исполнители блюза и джаза, а черные проповедники и “известные барды” в своих проповедях, спиричуэл, песнях госпел» [Gates: 2—3].

Действительно, эссе Зоры Нил Херстон — это важная часть ее творческого наследия, показывающая не только глубину и самобытность ее собственных воззрений, значимость культурной антропологии в их формировании, но и дающая представление о том, в каком русле развивается современная афроамериканская эстетическая мысль, поскольку именно Зора Херстон, как считают теперь, является основательницей «черной эстетики».

Список литературы / References

- Боас Ф. Эволюция или диффузия? // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1. С. 343—347.
- (Boas F. Evolution or diffusion? *Anthology of Cultural Studies*. St. Petersburg, 1997, vol. 1, pp. 343—347. — In Russ.)
- Davis Ch. Rereading Zora Neale Hurston Through the Lens of “What White Publishers Won’t Print”: Thesis abstract: (Degree of Master of Arts). 2012. 89 p. URL: https://baylor-ir.tdl.org/bitstream/handle/2104/8570/Christy_Davis_masters.pdf?sequence=1&isAllowed=y (access: 15.12.2021).
- Gates H.L. Introduction // Harris T. *You Don’t Know Us Negroes and Other Essays*. New York, 2022. P. 1—24.
- Harris T. “You Don’t Know Us Negroes”: Zora Neale Hurston, in *Her Own Words* // *The New York Times*. 2022. Jan. 14. URL: <http://www.nytimes.com/2022/01/14/books/review/you-dont-know-us-negroes-zora-neale-hurston.html> (access: 16.01.2022).
- Hurston Z.N. *You Don’t Know Us Negroes and Other Essays*. New York, 2022. 451 p.
- Hurston to Douglas Gilbert, February 4, 1943 // *Zora Neale Hurston: A life in letters*, ed. by C. Kaplan. New York, 2003a. P. 475—478.
- Hurston to Jean Parker Waterbury, February 26, 1951 // *Zora Neale Hurston: A life in letters*, ed. by C. Kaplan. New York, 2003b. P. 645—649.
- Hurston to Fannie Hurst, December, 1933 // *Zora Neale Hurston: A life in letters*, ed. by C. Kaplan. New York, 2003c. P. 285—286.
- Hurston to Katherine Tracy L’Engle, October 24, 1945 // *Zora Neale Hurston: A life in letters*, ed. by C. Kaplan. New York, 2003d. P. 533—534.
- Wright R. “Between Laughter and Tears,” a review of two novels about African American life // *The New Masses*. 1937. October 5. P. 22—24. URL: <http://chdr.cah.ucf.edu/hurstonarchive/?p=contemporary-reviews> (access: 20.01.2022).

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 04.02.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 04.02.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Морозова Ирина Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры сравнительной истории литератур, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, irinamoro@gmail.com

Morozova Irina Vasilyevna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Comparative Literature Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, irinamoro@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 66—74.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 66—74.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"-1

DOI: 10.46726/И.2022.1.6

ПРИЕМЫ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ В ПОЭМЕ Н.А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Ольга Алексеевна Павловская

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
pavlovskaya32@yandex.ru

Аннотация. Исследование приемов интермедальности в поэзии Н.А. Некрасова позволяет проследить уникальный опыт освоения и художественной трансформации принципов театрального искусства в поэтическом тексте. Опора на принципы интермедальности, заложенные в сценическом народном творчестве, в театральном действии, способствовала обновлению поэтической традиции, которое Некрасов предпринимает в середине 19 века. Одновременно с погружением в интермедальные сферы Некрасов как художник испытывает импульсы творческого саморазвития. В статье рассматриваются приемы интермедальности, которые наиболее рельефно отражают линии активных творческих исканий Некрасова при работе над поэмой «Кому на Руси жить хорошо», в частности способы сценического оформления эпизода за счет насыщения художественного пространства игровыми фольклорными элементами («Пролог»); приемы профанно-игрового раскрытия героев-странников с целью подчеркивания русской ментальности; механизмы музыкально-образного плана для создания сферически объемного звучания поэтических мотивов. Синтезная природа этих приемов отражает масштабный авторский замысел и определяет мистериальную модуляцию формообразования. Благодаря выходу в интермедальную творческую сферу Некрасов достигает эффекта объемного художественного пространства, наполненного знаками живого проявления русского мира пореформенной поры.

Ключевые слова: мистерия, интермедальность, сакральное пространство, визуальные образы, звуковые образы

Для цитирования: Павловская О.А. Приемы интермедальности в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 66—74.

Original article

TECHNIQUES OF INTERMEDIALITY IN N.A. NEKRASOV'S POEM "WHO LIVES WELL IN RUSSIA"

Olga A. Pavlovskaya

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pavlovskaya32@yandex.ru

Abstract. The study of the techniques of intermediality in the poetry of N.A. Nekrasov allows us to trace the unique experience of mastering and artistic transformation of the principles of theatrical art in a poetic text. Reliance on the principles of intermediality laid down in stage folk art, in theatrical action, contributed to the renewal of the poetic tradition, which Nekrasov undertook in the middle of the 19th century. Simultaneously with immersion in the intermediate spheres, Nekrasov, as an artist, experiences impulses of creative self-development. The article discusses the techniques of intermediality, which most clearly reflect the lines of active creative searches of Nekrasov when working on the poem "Who lives well in Russia", in particular, the methods of scenic design of the episode due to saturation of the artistic space with game folklore elements ("Prologue"), the techniques of profane-game disclosure of the heroes of wanderers in order to emphasize the Russian mentality, the mechanisms of a musical-figurative plan to create spherical-surround sound of poetic motifs. The synthesized nature of these techniques reflects the author's large-scale plan and determines the mysterious modulation of shaping. Thanks to the entry into the intermediate creative sphere, Nekrasov achieves the effect of a voluminous artistic space filled with signs of the living manifestation of the Russian world of the post-reform period.

Keywords: mystery, intermediality, sacred space, visual images, sound images

For citation: Pavlovskaya O.A. Techniques of intermediality in N.A. Nekrasov's poem "Who lives well in Russia", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 66—74.

Известное суждение Н.А. Некрасова, прозвучавшее в 1853 году в рецензии на повесть в стихах Н.Д. Хвоцинской «Деревенский случай»: «дело прозы — анализ, дело поэзии — синтезис. Прозаик целым рядом черт, — разумеется, не рабски подмеченных, а художественно схваченных, — воспроизводит физиономию жизни; поэт одним образом, одним словом, иногда одним счастливым звуком достигает той же цели, как бы улавливая жизнь в самых ее внутренних движениях...» [Некрасов 1950: 670], со всей очевидностью можно распространить и на поиски такой поэтической формы, которая приобретет универсальный характер и позволит автору выйти на новый уровень художественных обобщений, показать многообразие народных характеров и образов, укрупнить смысловые акценты в понимании пореформенной эпохи и судьбы русского народа. Думается, что магистральные пути движения Некрасова к такой форме определялись и явлением циклизации, и с опытами создания поэм разного типа (крестьянская, народная). Не менее значимыми в этом направлении стали драматургические опыты Некрасова, и в частности открытые им приемы драматизации лирики. Благодаря последним автор достигает особой глубины и психологической точности в поэтическом представлении образа, художественной выразительности типов. Интерес Некрасова к театру и театральным приемам разработки характеров позволяет говорить о принципах интермедальности как значимом механизме обновления

поэтической традиции. Под интермедийностью мы понимаем использование творческих приемов смежных с литературой видов искусств для создания художественного текста.

В работе над поэмой *о народе и для народа* поэтическая интуиция Некрасова была обращена и к тем традициям народной культуры, которые кристаллизовали формы коммуникации в народной среде и, следовательно, могли стать способами воздействия на читателя в один из напряженнейших для русского мира периодов — пореформенную эпоху. Народная культура как отражение и сосредоточие универсалий мира, хранит и опыт их постижения, а значит, и форму воплощения. При этом синкретизм народного искусства, неизбежно проступающий во всех формах народной культуры, обеспечивает их универсальность и синтетический характер. Думается, что синкретичность народного искусства, обретающая свое завершенное воплощение в синтетических формах, становится основой для разработки принципов интермедийности в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Важен и коммуникативный замысел художественного произведения. Так, собирательный образ «семи мужиков, семи странников» обретает русскую узорчатость, прежде всего, в словесной характеристике. Социальная детерминированность образа, зафиксированная в названиях деревень, смягчается разбивкой на ритмические пары слов:

Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож... [Некрасов 1982: 5]

Парная рифма является не только междустрочной, но и внутривстрочной, что создает дополнительные скрепы собирательного образа. Авторское указание на «смежность деревень» «Уезда Терпигорева, / Пустопорожней волости...» также задает ориентир для читательского восприятия образа в целостности. Но не только социальные тяготы объединяют крестьян: мужики отправляются в русский путь, словно заряженные духовно:

По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое... [Некрасов 1982: 6]

Настроенность персонажей на духовное деяние становится той центростремительной силой, которая обеспечивает единство собирательного образа и определяет его смысловую динамику («Они рядком идут! / Идут, как будто гонятся / За ними волки серые, / Что дале — то скорей»). Однако игровая поэтика образа строится не на согласии, не на гармонизации народных характеров, а за счет inferнальной стихии. Спор оборачивается конфликтными проявлениями характеров — «перебором», криками, потасовками. Ключевой для игрового раскрытия персонажей становится смена времени суток. Ночная стихия, персонафицированная в образе Дурандихи — ведьмы, останавливает бессознательное движение мужиков и открывает границы сакрального пространства. Обновление собирательного образа начинается с пробуждения сознания:

«Куда?...» — Переглянулись
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились... [Некрасов 1982: 7]

Картина ночной природы с акцентированием образа черных теней является знаком потерянности, смятенности мужиков [Филипповский: 363]. Однако мифологичность народного сознания способствует преодолению драматической ситуации («Свалив беду на лешего, / Под лесом при дороженьке / Уселись мужики»), сакральное же пространство высвобождает энергию народного образа и тем самым обнажает глубинные свойства национального характера — стихию праздника и драки. Используя такой акустический прием, как отражение звуковой волны («Проснулось эхо гулкое, / Пошло гулять-погуливать...»), Некрасов подчеркивает со-природность стихийных проявлений характера. При этом эхо выполняет важную обрамляющую функцию: способствует сценическому выделению мистерии в структуре Пролога [Пенская: 91]. Крики мужиков порождают объемное и устрашающе инфернальное звуковое поле, которое нарушает естественную гармонию природной жизни. Первые сигналы неблагополучия, беды исходят из детского мира — самого незащищенного, особо чуткого:

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил как встрепанный,
И наутек пошел! [Некрасов 1982: 8]

Братья меньшие оказываются у ворот сакрально-мистического мира, и своими действиями в сочетании со звуками они словно возвещают миру о вхождении гостей. Инфернальная стихия, порожденная мужиками, угрожает миропорядку, мужики-заступники вызывают страх и панику у малых птах. Животный мир включается в мистериальное пространство не только как свидетель происходящего, но и как его активный участник. Драка мужиков воспринимается как чудо, притягивает к себе земных и воздушных обитателей, вызывает у них непроизвольный страх, любопытство, удивление и разочарование... В обрисовке животных Некрасов использует зеркальный принцип: они подобны людям, там есть свои «Замоскворецкая княгиня» (сова) и «хитрая баба» (лиса), но есть и вечная труженица («корова глупая»). В структурном оформлении мистериальной сцены Некрасов сохраняет такой ключевой прием как богослужение, а в сценографии востребованными оказываются элементы храмового интерьера. В этой связи особой значимостью наделяется дуплетный образ семи филинов. По удвоенной сосредоточенности инфернальной стихии этот образ превосходит мужицкий разгул, однако его центральное положение определяется скорее световой установкой:

А их глазища желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей! [Некрасов 1982: 9]

В этом сравнении угадывается паникадило — главный храмовый светильник, который зажигается в самый торжественный момент богослужения.

В природном мире Некрасов выделяет живые объекты мистериального плана, создающие, по народным поверьям, особую обстановку для прозрения человека. Такова, на наш взгляд, и функция ворона («птица умная, / Приспел, сидит на дереве / У самого костра, / Сидит да черту молится, / Чтоб до смерти ухлопали / Которого-нибудь!»). Для сохранения звукового строя мистерии

Некрасов обращается к образу «коровы с колокольчиком», чье звуковое соучастие также разворачивается по принципу отражения:

Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать! [Некрасов 1982: 9]

Думается, в повторяемости звукового проявления образа заложена его мистериальная символика — уподобление колокольному звону.

Разноплановость звуковой реакции животных на земное действие носит оркестровый характер и регулируется, объединяется эхом («А эхо вторит всем!»). Именно эхо своим отражением фокусирует звуки мира, пронизывает, скрепляет все уровни мистериального пространства, символизирует их связь и взаимонаправленность: «Ему одна заботушка — / Честных людей поддразнивать, / Пугать ребят и баб!» [Некрасов 1982: 9].

Вторая часть мистериального сюжета лишена мистической карнавализации, профанное пространство обнажает душевные свойства мужиков, их стремление к душевной гармонии и к единству, чему способствуют существенные мистериальные персонажи — пеночка и ее птенец. Подготовкой и переходом к этой сцене становится глубоко символическое действие, которое совершают мужики после освобождения от inferнальной стихийности:

Из лужицы напились,
Умылись, освежились... [Некрасов 1982: 10]

Обряд омовения и подготавливает мужиков к духовной метаморфозе. Их прозрение начинается с «пичуги малой», духовные очи Пахомушки сосредоточены на крылышках птенца, олицетворяющих природную силу птахи и народную тоску о свободе («Отдай нам крылышки, / Все царство облетим...»). В сакральном пространстве желаемое становится действительным: мужицкие чаяния, прозвучавшие в репликах-высказываниях, обретают сакральную полноту, целостность взамен на сострадательное соучастие в судьбе пеночки. Реплики персонажей дополняют друг друга, структурируют обобщенную картину народного миропонимания, что является знаком однонаправленности народных устремлений и служит сигналом восстанавливающегося единства образа странников. История с пеночкой проявляет духовный потенциал представителей народного мира — способность мужиков к восприятию чужого страдания, к деятельной любви, их настрой на понимание другого существа. Думается, именно эти качества стали залогом состоявшегося договора мужиков с пеночкой и между собой. Важно и другое. В странниках восстанавливается способность к духовному мировосприятию, они обретают готовность к особенному видению и слушанию окружающего мира и его обитателей.

В главе «Сельская ярмонка» способность мужиков к объемному мировосприятию реализуется с использованием принципов визуализации:

Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд... [Некрасов 1982: 28]

Обозначенные самим автором принципы рамочного обрамления и зеркальности в отражении мира работают как приемы фокусирования, благодаря чему мирообраз получает особую объемность и значимость. Неслучайно в фокусе оказываются мельчайшие представители природного мира — ласточки, комарики. Но в художественной картине они равновелики, в том числе с человеком.

Визуально увеличивая природные образы, Некрасов не только творчески приспособливает их под человека, но и человека визуально «встраивает» в картину, меняя фокус на противоположный:

На длинном, шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный... [Некрасов 1982: 28]

Художественный миробраз отражает гармонию природного и человеческого, их взаимонаправленность и взаимопроникновение. Однако принцип зеркальности с его театральной основой позволяет автору развернуть увиденную картину и в мистериальном плане. Установка на идиллию сменяется ироническим изображением («Какие-то комарики, / Проворные и тощие, / Вприпрыжку, словно посуху, / Гуляют по воде...»), но именно этот художественный аспект и придает картине ту занимательную сценичность, которая удерживает внимание странников. Ключевой здесь становится сцена вылавливания коня, как выражение тех глубинных чаяний, которыми был охвачен народный мир в пореформенную эпоху. Художественную выразительность и динамичность сценическое действие приобретает за счет цветовой контрастности. Включение этого приема в игровое пространство происходит благодаря солнышку («мигало солнышко на белой той серьге»), что усиливает централизацию сцены, придает ей особый событийный смысл. Динамика игры направлена на раскрытие народного характера, в нем проступают завидные для странствующих крестьян сила, воля, целеустремленность. Неслучайно, что героем действия становится цыган, именно его природная ловкость берется в качестве актерского амплуа. При этом художественная динамичность сцены также определяется природными законами — это состязание сильнейших, выплеск природной энергии человека и животного, что в свою очередь подкрепляется и звуковым строем:

Мужик заржал — и конь заржал.
Плывут, орут! [Некрасов 1982: 28]

Представленную сцену, свидетелями которой невольно стали некрасовские странники, можно рассматривать как прелюдию к ярмарочному действию, в частности к такой обязательной его части, как балаганное представление. Сюжет развернувшейся интермедийной сцены напрямую отсылает к фольклорному театру Петрушки, но для автора важно показать и народную приобщенность к театральной культуре, его живую заинтересованность этим и неподдельную любовь к таким представлениям. Неслучайно экспозицией комедийного действия становится каламбур:

«И рад бы в рай, да дверь-то где?» —
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.
— Тебе какую дверь? —
«Да в балаган. Чу! музыка!...»
— Пойдем, я укажу! [Некрасов 1982: 35]

Комедия с Петрушкой является живым продолжением ярмарочной программы, а странствующие мужики — не только зрители, но и участники действия. В народном восприятии эта сфера искусства подобна душе народа, распахнута миру, а потому и обожествляется до райских высот, и прежде всего благодаря ее синергичности — органическому взаимодействию разных

творческих импульсов: словесного, музыкального, актерского... Некрасов подчеркивает ту легкость, с которой мужики включаются в площадное действие, незаметно преодолевают грань между искусством и жизнью, становятся участниками комедии и ее подлинными творцами:

И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо! [Некрасов 1982: 36]

В главе «Пьяная ночь» мистериальная сценография сохраняет двуплановость. Мир сакральный представлен знаками Божественного присутствия и творческого проявления. При этом визуализация мирообраза выполнена и с опорой на фольклорную поэтику, в частности пейзажно-образные элементы взаимодействуют с иконографической традицией:

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату... [Некрасов 1982: 38]

Семантика синего, спроецированная в мир дольний («Дорога стоголосая / Гудит! Что море синее, / Смолкает, подымается / Народная молва»), служит художественной скрепой мироздания: в народном понимании еще живет надежда на заступничество, помощь. Но мир дольний раскрывается сквозь профанное сознание (как профанное пространство), в обрывистых речах пьяных мужиков мечта о справедливых правителях — «начальнике губернии», «царской грамоте», питерских чиновниках — десакрализуется. В этом перевернутом мире божественные заповеди лишены цельности и целомудренности, в частности любовь звучит отголосками в народных заигрышах, соседствует с грехом, а жизнь обрывается смертью.

Профанное поведение охватывает значимые сферы народной жизни, включая погребальный сюжет. Однако абсурдность происходящего наиболее рельефно проступает в игровых сценках с условным обозначением «А ну, давай потянемся». Сценическое действие по состязанию мужиков практически лишено речевого проявления: действующие персонажи единообразны в принятии абсурдных правил, игра разворачивается без психологической подоплеку, что придает первой части сценки механистичность и напоминает народный кукольный (марионеточный) театр. Вторая часть игровой сценки выполнена с использованием традиционного речевого приема — словесной перепалки баб, однако в профанном пространстве логосная ситуация также доведена до абсурда.

В «Прологе» главы «Крестьянка» с помощью приемов интермедальности разворачивается сценическое представление усадебной жизни пореформенной поры. Театральная доминанта представления обозначена уже в сценографии:

Над домом башня висится,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит... [Некрасов 1982: 121]

Ориентация на традиции западно-европейского театра подтверждается и выбором персонажа («В воротах с ними встретился / Лакей, какой-то буркою / Прикрытый...»), именно он в условиях отсутствия управляющего

и барина, подобно карнавальному шуту, становится распорядителем жизни. Некрасовские странники вновь оказываются свидетелями карнавального действия, где привычное, традиционное не просто смещено, а перевернуто, по сути, опрокинуто. Но именно эти героям — хранителям народного космоса — открываются в пореформенной жизни комедийное и трагедийное начала, причем активными персонажами разворачивающейся мистерии выступают представители низших сословий. Тема разорения и оскудения усадебного мира раскрывается в деструктивных проявлениях челяди:

Один дворовый мучился
У двери; ручки медные
Отвинчивал; другой
Нес изразцы какие-то... [Некрасов 1982: 123]

Поругание усадебной красоты трактуется странниками как следствие абсурдности сознания, духовного невежества и непросвещенности мужиков. Мистериальное пространство позволяет удерживать двуплановость народного миропонимания: в картинах разрушения странники фокусируют свое драматическое переживание утраты высокого эстетического идеала дворянской культуры как воплощения гармонии и красоты. Универсальность народного миропонимания отражает глубокую спаянность материального и духовного, утрата красоты интерпретируется как следствие духовного распада.

Мистериальная двуплановость изображения позволяет не только соединять высокое и низкое, трагическое и смешное, но и преодолевать драматизм ситуации возможностями самого же искусства. Сцена дуэтного пения прежде всего снимает минорность настроения странников и убеждает их в силе искусства, его возвышающем воздействии на человека:

Гудел громовый бас...
Гудел — и прямо за сердце
Хватал он наших странников... [Некрасов 1982: 125]

Именно пение рассматривается как сфера искусства, где рождается гармония, где восстанавливаются утраченные связи, преодолевается расстояние. Сценическое действие с участием Ново-Архангельского певца и дьякона построено на приемах исполнительского искусства: фиксируется тип мужского голоса (бас), его свойства (сила, полетность), голосовые переключки, созвучия, но этим и ограничено. Бытийная полнота песенного творчества достигается соединением формы и содержания. Отсутствие последнего, доведенное до абсурда, превращает эпизод в комическую сценку. Одновременно эта сцена звучит аккордом в теме оскудения дворянских усадеб: исполнительское искусство, лишенное духовных основ, превращается в пародию, подобно тому, как и усадебная культура теряет свою жизнеспособность без подлинных носителей.

Проведенные наблюдения над поэтикой «Кому на Руси жить хорошо» свидетельствуют о широком спектре творческих установок Некрасова в отборе приемов интермедальности для создания особой — синтезной — формы произведения: способы визуализации образа взаимодействуют с акустическими механизмами, разработка линии игрового поведения героя включает мистериальную двуплановость, событийную динамику, риторические элементы. Отбор приемов интермедальности был обусловлен в том числе коммуникативным замыслом Некрасова: создание книги о народе и для народа в пореформенную эпоху.

Список литературы / References

- Некрасов Н.А. Деревенский случай. Повесть в стихах Н.Д. Хвошинской. СПб., 1853 // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. М.: ГИХЛ, 1950. Т. 9: Критика и публицистика, 1841—1869. 840 с.
(Nekrasov N.A. The village case. A story in verse by N.D. Khvoshchinskaya. St. Petersburg, 1853, *Nekrasov N.A. Complete collection of works and letters: in 12 vols*, vol. 9: Criticism and journalism, 1841—1869, Moscow, 1950, 840 p. — In Russ.)
- Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. Т. 5. 687 с.
(Nekrasov N.A. Who lives well in Russia, *Nekrasov N.A. The complete collection of works and letters: in 15 vols*, vol. 5, St. Petersburg, 1982, 687 p. — In Russ.)
- Пенская Е.Н. Н.А. Некрасов на сцене и за сценой в первой трети XX века // Карабиха: историко-литературный сборник. Ярославль: Гос. лит.-мемор. музей-заповедник Н.А. Некрасова «Карабиха», 2020. Вып. 11. С. 63—94.
(Penskaya E.N. N.A. Nekrasov on stage and behind the stage in the first third of the XX century, *Karabikha: historical and literary collection*, iss. 11, Yaroslavl, 2020, pp. 63—94. — In Russ.)
- Филипповский Г.Ю. Динамическая поэтика русской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 420 с.
(Filiphovskiy G.U. Dynamic poetics of Russian literature. St. Petersburg, 2008, 420 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 07.02.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Павловская Ольга Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, pavlovskaya32@yandex.ru

Pavlovskaya Olga Alekseevna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pavlovskaya32@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 75—84.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 75—84.

Научная статья

УДК 821.111(73)-192

DOI: 10.46726/И.2022.1.7

«ОТ СТАНЦИИ К СТАНЦИИ»: ХУДОЖНИК И ПЕРСОНА В ТВОРЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Д. БОУИ

Дмитрий Александрович Тюлин

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия, ringosartre@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются отношения между автором, персонажем, персоной в концептуальном альбоме Д. Боуи «От станции к станции» (1976). Альбом рассматривается в контексте работы Боуи над созданием новаторского поэтического текста, где обращение к мультимедийности означает расширение пространства поэтического слова. Поэзия Боуи 1970-х гг. концентрируется вокруг образа «персоны» как особого вида лирического субъекта, неотделимого от автора, персона является рупором концептуальных и эстетических замыслов. Поэтическая «персона» находится в центре альбома «От станции к станции», который может интерпретироваться как новаторский поэтический цикл, обладающий уникальной художественной связностью. Нарратив этого концептуального альбома организован вокруг конфликта между героем-художником и его персоной-допльгангером Тонким Белым Герцогом. Боуи использует новизну и экспериментальность своего поэтического высказывания для того, чтобы размыть границы между двумя героями, придавая особое напряжение драматической составляющей альбома. В статье анализируются многочисленные культурные, литературные и философские отсылки, конструирующие образ Герцога и заостряющие проблематику альбома.

Ключевые слова: Дэвид Боуи, «От станции к станции», рок-поэзия, персона, звуковая поэзия, смешанные медиа

Для цитирования: Тюлин Д.А. «От станции к станции»: художник и персона в творческой системе Д. Боуи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 75—84.

Original article

“STATION TO STATION”: ARTIST AND PERSONA IN D. BOWIE’S POETIC SYSTEM

Dmitry A. Tyulin

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation, ringosartre@gmail.com

Abstract. The article examines the relationship between the author, a character, and a persona in D. Bowie’s concept album “Station to Station” (1976). The album is viewed in the context of Bowie’s work on the creation of an innovative poetic text, where turning to multimedia means expanding the space of the poetic word. Bowie’s poetry of the 70s is concentrated around the image of a “persona” as a special kind of lyrical subject, inseparable from the author, which is a mouthpiece for conceptual and aesthetic intentions. The poetic “persona” is found in the center of the album “Station to Station”, which can be interpreted as an innovative poetic cycle with a unique artistic cohesion. The narrative of this concept album is organized around the conflict between the artist hero and his doppelgänger persona, the Thin White Duke. Bowie uses the novelty and experimentation of his poetic expression to blur the lines between the two characters projected through his own figure, adding a special tension to the dramatic component of the album. The article analyzes numerous cultural, literary and philosophical references that construct the image of the Duke and accentuates the problematics of the album.

Keywords: David Bowie, Station to Station, rock poetry, persona, sound poetry, mixed media

For citation: Tyulin D.A. “Station to Station”: artist and persona in D. Bowie’s poetic system, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 75—84.

Культурный статус творчества британского певца и поэта Дэвида Боуи претерпел существенные изменения в последние несколько лет. С возвращением Боуи на сцену в 2013 году и особенно после его смерти в 2016-м стало явным существование целой школы по изучению его наследия. Сегодня не вызывает сомнений значимость его фигуры для развития разных аспектов современной культуры. Музыкальный критик А. Петридис ещё в 2013 году описывал его творчество как «одно из самых анализируемых во всей истории рок-музыки» [Petridis]. Можно с уверенностью говорить о том, что анализ творчества Боуи не ограничивается исследованиями его вклада в музыку, оно рассматривается как важное для истории современной культуры в целом. В частности, внимание исследователей привлекает широкий литературный контекст, а также литературные достоинства его творчества. Боуи рассматривается как поэт в книге Дж. Пероуна «Слова и музыка Дэвида Боуи». Американский исследователь описывает текстуальную связность его концептуальных альбомов, рассматривая их как аналоги поэтических циклов [Perone: 55—60]. Многие литературные отсылки в творчестве Боуи выявляются и комментируются в энциклопедии «Весь Дэвид Боуи» [Pegg], посвящённой исследованию и истолкованию полного корпуса песен артиста.

В отечественной науке работы такого рода связаны почти исключительно с исследованиями русскоязычных рок-текстов и авторской песни, англоязычная рок-поэзия затрагивается только по аналогии. С 1998-го результаты

исследований рок-поэзии публикуются в журнале «Русская рок-поэзия: текст и контекст». Принципы анализа синтетической природы песенных произведений достаточно подробно разработаны Ю. Доманским, Д. Ивановым, В. Гавриковым, О. Розенблюм. Однако, исследование рок-поэзии в этих трудах все же ориентировано преимущественно на изучение текстов. Хотя творчество Дэвида Боуи — явление по своей природе поэтическое, все же речь идет о поэзии в широком смысле, поэтическое начало в альбомах Боуи не сводимо к песенному тексту и должно рассматриваться как итог соединения разных медиа.

В 1960—1970-е, когда поэзия стала важнейшей частью мультимедийных проектов, метаморфозы Боуи, театральность его творчества расширяли возможности поэтического текста, а дополнительные (по отношению к поэзии) медийные пласты предоставляли новые формы для художественной реализации персоны. Это поэзия, предназначенная быть услышанной, а не прочитанной, она выражает новые и более тесные отношения между музыкой и словом. В Британии эта тенденция, как и стремление к расширению пространства поэзии через обращение к аудиовизуальным медиа, прослеживается в творчестве поэтов Британского поэтического возрождения [Virtanen]. В Америке аналогичную роль сыграла уличная поэзия, бит-поэзия и чёрная поэзия, положенная на музыку, перформанс, хэппенинг. Рок-поэзию и в частности поэзию Боуи необходимо рассматривать в контексте попыток создания новаторского поэтического текста, где обращение к мультимедийности означает расширение пространства поэтического слова в ситуации, когда поэзия становится все более ориентированной на коллективное сознание и выходит за пределы написанного текста.

Рок-музыка в большинстве случаев полагается на представление об «аутентичности». Аутентичность рокера подчёркивает отрицание им корпоративной модели создания поп-музыки, или эстрадной музыки. На эстраде есть автор музыки, автор стихов песни, оркестр профессиональных музыкантов-исполнителей и, наконец, певец или поющая группа. Совершенно иначе выглядит традиция рок-музыкальная, выражающая новую, обозначившуюся с формированием молодежной культуры эстетику, ориентированную на непосредственный контакт с воспринимающим сознанием. Рок-поэт в духе, скажем, Джима Моррисона или Боба Дилана должен создавать ощущение подлинности, акцентированного присутствия, пусть и в несколько преувеличенном виде — будь то политический активизм в текстах или же буйное поведение на сцене. Авторство аутентичной рок-песни должно оставаться за исполнителем песни, между артистом, его музыкой и словами в глазах воспринимающего ставится знак равенства, таким образом рок-поэт обретает органичность, естественность, подлинность. Однако почти синхронно с таким внешне и внутренне единым представлением о рок-музыканте выстраивается и новый тип артиста, вносящий в рок-музыку элемент театра и игры [Shelton].

Особенная черта рок-театра по версии Боуи состоит в том, что, начиная с 1970-х, он был на сцене одновременно и кем-то другим, вымышленной личностью и собой-автором, создавая неопределённость и загадку вокруг себя как личности и как артистического целого. Эстетическое переизобретение себя характерно для всего творчества Боуи. Сценические перевоплощения Боуи в фантастических героев, пророков и аутсайдеров рассматриваются в научной литературе в культурологическом аспекте, нередко через семиотическую призму [Redmond, Moore, Cinque]. Его творчество интерпретируется

через структурную оппозицию «своё/чужое», так как темы песенных текстов и способы самовыражения артиста очень часто функционируют именно по этому принципу; бинарность, двойственность фундаментальна для поэтики Боуи. Его персонажи не могут восприниматься в отрыве от образа художника-создателя, они лишены самостоятельности внутри произведения. Поэтому в статье в качестве основного рабочего термина используется термин «персона». Каждый раз, когда Боуи менял карьерную траекторию, это подразумевало смерть персоны/персонажа, но вместе с этим и смерть его автора, также модифицировавшегося в новую усовершенствованную версию себя, новую «персону».

Понятие «персоны» в актуальном для нас значении было впервые введено К.Г. Юнгом в рамках описания архетипа как структурной формы выражения коллективного бессознательного. Персона («Die Persona») рассматривается Юнгом как всего «лишь маска коллективного психического, <...> маска, которая подделывается под индивидуальность и пытается заставить других и своего носителя думать, будто он индивидуален, в то время как здесь он всего лишь разыгрывает роль, придуманную коллективным психическим» [Юнг: 183]. Фактически, это роль, которую человек отыгрывает в обществе, выполняя предполагаемые им ожидания того или иного социального круга, «вторичная действительность, продукт компромисса, в создании которого другие часто принимают большее участие, чем он сам» [там же]. По Юнгу, персона может выполнять разные функции и через неё могут реализовываться другие архетипы, у человека в принципе может быть несколько социальных масок. Основная же функция персоны в том, что она скрывает наиболее уязвимые стороны личности, создавая защитную прослойку между индивидуальной психикой и социальным коллективом. Юнг позаимствовал название архетипа из античного театра, где «персоной» называлась маска, прикладываемая актёром к лицу во время выступления для выражения различных эмоциональных состояний героя [Стайн: 118]. «Персона» в разнообразных смыслах этого термина — это одна из ключевых единиц художественной системы Боуи, в творчестве которого границы между персонажем и персоной намеренно размыты. Аура загадки и мистики, некоторой искусственности и недоговоренности — это чрезвычайно важный эффект, который Боуи создавал в творчестве своего так называемого «классического» периода.

В этот период Боуи была создана целая плеяда персон рок-театра, обеспечивших ему особое место в мире музыки — художника, меняющегося стремительно и радикально. Резкая смена «масок» у Боуи и при этом его исключительная продуктивность — минимум один альбом в год, в центре которого новая персона, новая «двумерная личность» — обеспечили ему репутацию, которая отделяла его от других звёзд того времени. До Боуи в британской рок-музыке культивировался тип театральности, связанный с возможностями нарратива. Рок-театр в концептуальной музыке 1970-х — это театр в более буквальном смысле: тяготеющий к сюжетности, менее абстрактный, более сюрреалистический [Ross].

Начиная с 1972-го и заканчивая 1976 годом, тексты песен у Боуи выстраиваются в концептуальные поэтические циклы, доносящие до слушателя и «канву» нового персонажа, и траекторию, по которой движется лирический герой на протяжении альбома. Персонажи Боуи и его безымянные герои, как правило, трагически одиноки, параноидальный страх перед социальными контактами, душевная изоляция, тревога являются основными темами лирики Боуи.

В начале 1970-х обозначаются сложные и многоуровневые взаимоотношения между автором и его творением, которые затем проблематизируются в альбоме «От станции к станции» («Station to Station», 1976). Первый и заглавный трек альбома — десятиминутная двухчастная сюита, задача которой не только представить нам героя, но и погрузить нас в загадочный и сложный мир его переживаний. Первая часть трека, текст которой знакомит нас с персоной Тонкого Белого Герцога, звучит как похоронный марш, исполненный на рок-инструментах и сопровождаемый монотонным гитарным завыванием и различными механическими звуками, в частности, искажённой фонограммой отбывающего локомотива, что даёт звуковую аналогию присутствующему в заглавии песни образу станции.

Текст песни затемнён и изобилует оккультными отсылками. Первые строки, которые затем оказываются рефреном, вводят метафизическую тему альбома и представляют персону Тонкого Белого Герцога:

The Return of the Thin White Duke
Throwing darts in lovers eyes.

В подстрочном переводе: «Возвращение Тонкого Белого Герцога, / Бросающего дротики в глаза любовников». Герцог описывается Боуи как «певец нео-романтики» («neo-romance») [Doggett: 241], под этим «обновлением» любовной темы имеется в виду осмеяние романтических идеалов, в то время как апеллирующая к анатомии метафора вписывается в образный ряд, связанный с болезненным эстетизмом. Глаза влюблённых традиционно ассоциируются с внешним проявлением внутренней жизни, души, а потому, так сказать, являются местом наибольшей эмоциональной уязвимости — и именно туда целится Герцог. Образ дротиков обладает символическим подтекстом, поскольку дротики должны попасть в центр круга, в зрачок человеческого глаза. Образ круга с первых строк становится основополагающим для поэтики альбома.

Романтическая тема как будто продолжается в первом куплете:

Here are we, one magical moment, such is the stuff
From where dreams are woven.

В подстрочном переводе: «Вот и мы, одно магическое мгновение, таково вещество / Из которого сотканы сны». Хотя эти строки, будучи отделёнными от музыкального сопровождения, могут показаться выражающими песенный романтический настрой, в совмещении с музыкой их смысл цинически инверсируется, особенно в сопоставлении с открывающим альбом рефреном о дротиках в глазах. «Мы» должно восприниматься как мрачный призыв к объединению, автоматически заключающий слушателя или адресата в некоторые насильственные отношения с персонажем, в уста которого вложены строки.

Вместе с тем, в этих стихах намечается взаимодействие между двумя героями, объединёнными и противоборствующими: Тонким Белым Герцогом и его творцом, к которому тот может обращаться. Вторая строка куплета — это отсылка к «Буре» Шекспира (акт 4, сцена 1): «We are such stuff as dreams are made on, and our little life is rounded with a sleep» [Shakespeare]. В пьесе эта фраза произносится могущественным магом Просперо, который некогда был герцогом Милана. В своём монологе он размышляет об иллюзорной природе вещей и неизбежности смерти. В переводе М. Кузмина:

Из того же
Мы матерьяла созданы, как сны.
Жизнь сном окружена [Шекспир 7: 421].

Боуи помещает магию в контекст, который осложнен оккультным пластом: это метод предельного познания, трансформация реальности в стремлении к власти, которая оказывается иллюзорной. У Боуи не люди «сотканы» из той же материи, что и сны, а сны сплетены из «вещества». Очевидно, слово «вещество» («stuff»), бытовавшее как эвфемизм наркотического вещества, означает кокаин, прямо упомянутый в дальнейших строках. Отсылка к Шекспиру здесь является указанием на «ясновидение» и магическое повеление материей, сближающее ситуацию лирического субъекта с поэтическими описаниями наркотических видений Т. Де Квинси, С. Колриджем, А. Рембо.

В 1970-е кокаин был наиболее распространённым наркотиком среди рок-звёзд, и Боуи употреблял его в больших количествах по нескольким причинам: чрезвычайная активность и трудоспособность, которую давал наркотик, жизнь в Сан-Франциско в окружении менеджеров и наркоторговцев, и, конечно, зависимость. Этот биографический контекст, на наш взгляд, важен для понимания того, почему в текстах песен кокаин возводится до уровня символа. Само именование героя «Тонкий Белый Герцог» указывает на кокаиновую дорожку.

Таким образом, у нас есть уже довольно определенные тематические указатели для понимания персоны Герцога и его функции во вселенной альбома. Одно из определяющих его понятий — власть, безраздельная, аристократическая, но при этом сверхъестественная, которую может иметь над человеком политический лидер, рок-звезда, глава религиозного культа или наркотическая зависимость. Весь этот ассоциативный ряд находит свою реализацию в песне «Station to Station» и в образной системе альбома в целом по мере того, как в тексте раскрывается могущество Герцога, его мистическая власть над лирическим героем.

Here am I, Flashing no color
Tall in this room overlooking the ocean.

В подстрочном переводе: «Вот он я, не отражающий цвета, / Возвышен в этой комнате, окидывая взглядом океан». В этих строках герой предстаёт повелителем океана как мифологического прародителя бытия. Герцог находится на возвышении в некотором пространстве, в башне или на маяке, башня дополняет образ правителя, наблюдающего за внешним миром. В образе можно усмотреть отсылку к «башне из слоновой кости» и даже к «Башне из черного дерева». Боуи был поклонником Дж. Фаулза, и в интервью 1970-х гг. проводил параллели между своими художественными поисками и романом «Коллекционер» [Taysom]. Вместе с тем, «tall» с неопределенным значением высоты может восприниматься как эвфемистическое замещение слова «high», сленгового наименования состояния опьянения, а акцентированное отсутствие цвета отсылает к ослепительной белизне кокаина.

Куплет завершается строками:

Here are we, one magical movement
From Kether to Malkuth
There are you, drive like a demon
From station to station.

В подстрочном переводе: «Вот и мы, одно магическое движение / От Кетера к Малкуту / Вот и ты, езжай, подобно демону / От станции к станции». «Магическое движение», вариация выражения «магическое мгновение», предваряет прямую отсылку к каббалистическому учению. Кетер и Малкут — это так называемые «станции» или точки в Древе Жизни Каббалы, те узловые моменты, где бесконечное выражает себя [Leiberman]. Важно, что Кетер и Малкут это верхняя и нижняя точки реализации человеческого духа, королевство и бездна соответственно, что подчёркивает кажущуюся безграничность эзотерического познания и экстремальность переживания, через которое Герцог проводит своего создателя. Боуи впоследствии утверждал, что название песни и альбому отсылает не столько к железнодорожным путям, сколько к Станциям Креста (Stations of the Cross или Via Crucis) [Light]. Это общее название для серии изображений пути Христа на Голгофу. Выражение используется и для описания Богослужения Крестного пути, паломничества, призванного напомнить об основных этапах восхождения на Голгофу. Если Боуи считал нужным это сказать, значит, лирического субъекта альбома можно воспринимать как мученика, хотя от станции к станции он «несется, как демон». Упоминание демона, многократно встречающееся в текстах альбома, важно с точки зрения оккультного пласта лирики Боуи [Crowley]. Молодёжные культурные революции 1960-х гг. широко апеллировали ко всякого рода альтернативной (нехристианской) спиритуальности. Общим для британской рок-н-роллной культуры было увлечение эзотерическим учением А. Кроули, сосредоточенным на том, чтобы вызывать любыми способами видения ангелов или демонов [Lachman].

Далее первые строки альбома повторяются, но с вариацией:

The Return of the Thin White Duke
making sure white stains.

В подстрочном переводе: «Возвращение Белого Герцога, / Оставляющего стойкие белые пятна». «Белые пятна» — это название сборника обценной поэзии Кроули [Crowley], опубликованного им в Амстердаме под псевдонимом Арчибалд Бишоп в 1898 г., и первая прямая отсылка к его творчеству. Учение Кроули, связанное с приёмом наркотиков (о чем говорится в его дневниках), представляло собой смесь Каббалы, восточных и западных религиозных традиций, йоги, буддизма, карт Таро, нумерологии, алхимии, розенкрейцерства, астрологии и декадентства. Все это Кроули именовал «магией» («magick»). Через Кроули следует читать отсылку к Просперо и «магические движения» по древу Каббалы. Бытует легенда, что именно Кроули однажды бросил дротик во влюблённую парочку [O'Leary].

Когда песня «От станции к станции» выходит в свою вторую и заключительную фазу, темп ускоряется, звучание становится энергичным, особенно по контрасту с первой частью. Меняется и лирическая перспектива — с «мы/я/ты» на «я», величественно-мрачную позу Герцога сменяют печаль и утрата, ассоциированные с лирическим субъектом:

Once there were mountains on mountains
And once there were sun birds to soar with
And once I could never be down.

В подстрочном переводе: «Когда-то горы громоздились на горы, / Можно было парить с нектарницами, / Когда-то я никогда не унывал». Здесь

лирический субъект уязвим и эмоционален, он ностальгирует по некоему идиллическому прошлому. Различия героя-художника и персонажа-Герцога передаются и в музыкальной структуре трека. В то время как цель Герцога покорить, захватить абсолютно всё внутри своего мира, герой-художник мечтает вернуть себе возможность чувствовать, прекратить своё бесконечное одиночество:

Got to keep searching and searching
And oh, what will I be believing
And who will connect me with love?

В подстрочном переводе: «Должен искать и искать, / О, во что я уверю, / И кто укажет мне путь к любви?». Метафора круга с ускорением темпа песни обретает ещё большую силу, как и образ демонического передвижения по неким спиритуальным (ин)станциям.

Следующие строки усиливают паранойю:

It's not the side-effects of the cocaine
I'm thinking that it must be love.

В подстрочном переводе: «Это не побочный эффект кокаина, / Думаю, это, должно быть, любовь». Кокаин и любовь противопоставлены друг другу. Герой-художник пытается убедить себя в том, что испытывает подлинное чувство, несмотря на то что для всего этого, как подчеркивает рефрен, слишком поздно. Герой думает, что полюбил, но он только думает, подозревает, а не чувствует это.

Внутреннюю борьбу лирического субъекта помогает понять обращение к Ницше, чья философия была важна для Боуи. По Ницше, на пути к сверхчеловеку человек должен наложить оковы на сердце: любовь, гнев, сострадание [Ницше: 273]. Чувства героя вступают в конфликт с рациональностью и холодностью мысли, в сущности, они уже побеждены этой «сверхчеловеческой» категорией.

Основным доказательством фальсификации философами и обществом понятия «мораль» для Ницше является объяснение всякого внутреннего побуждения через представление о власти: человек одерживает победу над самим собой внутри себя. Ницше требует от читателя испытать себя на волю к власти: «Всякому надо самому испытать себя в том, насколько предназначен он к независимости и повелеванию — и сделать это своевременно» [там же].

Песня «От станции к станции» может прочитываться как попытка преодолеть выпущенную наружу тёмную силу. Эта сила обретает над ним власть, которая выносится вовне, в фигуру Герцога, которая постепенно вытесняет художника. Альбом может прочитываться как описание процесса превращения в сверхчеловека при утрате себя. Так работает весь спектр противоречивых аллюзий: герой уподоблен христианскому мученику, ницшеанскому сверхчеловеку, при этом он застревает в буддистском круге и движется по каббалистической карте. Ни одно из этих воплощений не удовлетворяет героя как чувствующего человека, поскольку происходит не эволюция, но замещение персонажа. Художника замещает сверхчеловек, которому эмоции в принципе чужды.

Тексты альбома сконцентрированы вокруг Герцога как некоей сущности, цель которой — поглотить рассудок своего создателя. Боуи использует привычную для песни недосказанность и абстрактную нарративность таким

образом, что не всегда получается понять, есть ли в этом альбоме художник-протагонист вообще, или же всё это — театр одного актёра, Белого Герцога. Вероятное поглощение персоной лирического субъекта усиливает драматизм, при этом заставляет реконструировать сюжет альбома и атрибутировать лирическое высказывание. Персона Тонкого Белого Герцога, отыгрываемая Боуи на концертах и в медиа, в текстах альбома парадоксальным образом оказывается персонажем-двойником, но в центре внимания фактически находится лирический герой, теряющий над собой власть.

Список литературы / References

- Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 238—405.
(Nietzsche F. Beyond good and evil, *Nietzsche F. Works: in 2 vols*, Moscow, 1990, vol. 2, pp. 238—405. — In Russ.)
- Стайн М. Юнговская карта души: введение в аналитическую психологию. М.: Когито-Центр, 2010. 256 с.
(Stein M. Jung's map of the soul: An introduction to analytical psychology, Moscow, 2010, 256 p. — In Russ.)
- Шекспир У. Буря // Шекспир У. Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Интербук, 1997. С. 355—439.
(Shakespeare W. The tempest, *Shakespeare W. Complete works: in 8 vols*, Moscow, 1997, pp. 355—439. — In Russ.)
- Юнг К. Очерки по психологии бессознательного. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.
(Jung K. Essays on the psychology of the unconscious. Moscow, 2010, 352 p. — In Russ.)
- Virtanen J. Poetry and performance during the British Poetry Revival 1960—1980: Event and effect. London: Palgrave Macmillan, 2017. 212 p.
- Doggett P. The man who sold the world: David Bowie and The 1970s. London: Bodley Head, 2011. 424 p.
- Koenig P.E. The laughing gnostic — David Bowie and the occult, 1996. URL: <https://www.parareligion.ch/bowie.htm> (access: 05.11.2021).
- Crowley A. White Stains & The Nameless Novel: Flowers of Eros and Evil. London: Wet Angel Books, 2008. 184 p.
- Light A. How David Bowie brought Thin White Duke to life on “Station to Station” // Rolling Stone. 2017. January 17. URL: <https://www.rollingstone.com/music/music-features/how-david-bowie-brought-thin-white-duke-to-life-on-station-to-station-125797/> (access: 05.11.2021).
- Lachman G. Aleister Crowley: Magick, Rock and Roll, and the wickedest Man in the World. New York: Tarcher Perigree, 2014. 394 p.
- Leiberman S. Malchut: The Kingdom Within. URL: <https://www.aish.com/sp/k/48971776.html> (access: 05.11.2021).
- O'Leary C. Station to Station // Pushing Ahead of the Dame: David Bowie, song by song. URL: <https://bowiesongs.wordpress.com/2010/12/23/station-to-station/> (access: 05.11.2021).
- Pegg N. The complete David Bowie (Revised and updated 2016 Edition). London: Titan Books, 2016. 800 p.

- Perone J.E. The words and music of David Bowie. Westport: Praeger, 2007. 224 p.
- Petridis A. “David Bowie Is...” becomes the Victoria and Albert’s fastest-selling event ever // The Guardian. 2013. March 17. URL: <https://www.theguardian.com/music/2013/mar/17/david-bowie-is-exhibition-review> (access: 05.11.2021).
- Redmond S., Moore C., Cinque T. Enchanting Bowie: Space/Time/Body/Memory. New York, London: Bloomsbury Academic, 2015. 368 p.
- Ross R. Genesis: The Future of Rock Theatre // Phonograph Record Magazine. 1975. URL: <http://www.genesisforum.it/viewtopic.php?f=18&t=2298> (access: 05.11.2021).
- Shakespeare W. The Tempest // Folger Shakespeare Library. URL: <https://shakespeare.folger.edu/shakespeares-works/the-tempest/> (access: 05.11.2021).
- Shelton W. Future Nostalgia: Performing David Bowie. New York, London: Bloomsbury Academic, 2015. 240 p.
- Taysom J. David Bowie opens up about “being David Bowie” in a classic interview from 1973 // Far Out Magazine. 2020. July 21. URL: <https://faroutmagazine.co.uk/david-bowie-discusses-being-david-bowie-classic-interview/> (access: 05.11.2021).

Статья поступила в редакцию 06.11.2021; одобрена после рецензирования 18.11.2021; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Тюлин Дмитрий Александрович — аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, ringosartre@gmail.com

Tyulin Dmitry Aleksandrovich — Postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, ringosartre@gmail.com

ИСТОРИЯ

HISTORY

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 85—94.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 85—94.

Научная статья

УДК 94(44).012

DOI: 10.46726/И.2022.1.8

ЧУДЕСА КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕЛИ СВЯТОГО-ПАТРОНА В ГАЛЛЬСКОЙ АГИОГРАФИИ IV—V ВВ.

Александра Аркадьевна Бабина

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
alex.babina@mai.ru

Аннотация. В статье анализируется использование рассказов о чудесах как инструмента для создания модели святого-патрона в галльской агиографии IV—V вв. Анализ групп чудес, представленных в текстах житий, помогает понять, на каких элементах святости авторы агиографической литературы акцентировали внимание читателей. В рассмотренный период можно проследить две тенденции в формировании образа святого-чудотворца. В рамках первой, идущей от «Жития Мартина Турского», авторы стремятся представить святого, выполняющего социальные функции посредством чудотворения. В рамках второй, связанной с южногалльской традицией и находящейся, должно быть, под влиянием восточной агиографии, внимание агиографа сосредоточено в основном на внутренней религиозности святого. Применение такого средства, как рассказ о чуде, в данном случае довольно ограничено и скорее играет вспомогательную роль. К концу V в. именно первая тенденция получает дальнейшее оформление в агиографической литературе. Чудеса становятся практически обязательным условием для успешного завершения мирских дел святого.

Ключевые слова: модель святого-патрона, образ святого, культ святых, чудо, Церковь, галльская агиографическая литература, поздняя Античность

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю, доктору исторических наук, профессору В.М. Тюленеву, а также сотрудникам кафедры всеобщей истории и международных отношений.

Для цитирования: Бабина А.А. Чудеса как элемент модели святого-патрона в галльской агиографии IV—V вв. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 85—94.

© Бабина А.А., 2022

2022. Вып. 1 •

Original article

MIRACLES AS AN ELEMENT OF THE PATRON-SAINT MODEL IN THE GALLIC HAGIOGRAPHY OF THE IV—V CENTURIES

Alexandra A. Babina

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
alex.babina@mai.ru

Abstract. The article analyzes the use of miracles as a means for creating a patron saint model in the Gallic hagiography of the IV—V centuries. The analysis of groups of miracles used by hagiographers in this context helps to understand on which topos of holiness the authors of the hagiography focused their attention. During the period under review, two trends in the formation of this model can be traced. The first is connected with the creation of the Latin features of the saint in the “Life of Martin of Tours” and focuses mainly on the fulfillment of social functions by the saint with the help of miraculous powers. The second, connected with the Southern Gallic tradition, focuses on the asceticism of the saint. The use of miracles here is limited and rather indirect. By the end of the fifth century, the first trend was further formalized in hagiographic literature. Miracles help the saint to successfully complete the work he has begun, placing the saint’s authority under divine protection.

Keywords: patron-saint model, Saint image, cult of Saints, miracle, Church, Gallic hagiographic literature, late Antiquity

Acknowledgments: the author expresses gratitude to the scientific supervisor, Doctor of History, Professor V.M. Tyulenev, as well as to the staff of the Department of General History and International Relations.

For citation: Babina A.A. Miracles as an element of the patron-saint model in the Gallic hagiography of the IV—V centuries, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 85—94.

Хорошо известно, что в средиземноморском мире IV—V вв. формируется культ святых, под влиянием которого в агиографической литературе вырабатывается особое понимание святости, формируемое событиями начала IV в. Благодаря так называемому перевороту Константина, гонения на христиан уходят в прошлое, и фокус внимания агиографов неизбежно перемещается с мученичества на образцовую религиозную жизнь святого [Арнаутова 2004: 102], в том числе на его пасторское служение, если героем жития оказывается епископ [Парамонова: 24].

Вместе с тем кризис периода поздней Римской империи привел к тому, что на смену «классическому патрону», который перестал быть ключевой фигурой в отношениях местного населения с внешним миром [Redfield: 36—38], пришел святой. Поскольку отношения между святым и обществом стали воспроизводить привычную для поздней античности модель социального патронажа [Браун: 75], то и в житиях на первый план выходит модель святого-покровителя.

Главным элементом патронажа была сила [Harmand: 123], помогающая изменять обстоятельства, которые на первый взгляд казались непреодолимыми. Для святого такой силой стала его способность к чудотворению [Brown: 87]. Рассказы о чудесах, в которых святой традиционно проявляет заботу

о прихожанах, сближали его с большинством верующих. Признавая особую связь святых с высшими силами, паства часто обращалась к ним за заступничеством перед Богом [Rapp: 71]. Как отмечает Д.М. Омельченко, модель святости в латинской агиографии поздней античности строилась таким образом, что от ведущего «апостольскую жизнь» пастыря ожидалось проявление дарованной Богом способности творить чудеса [Омельченко: 388]. Так возникала своеобразная двусторонняя связь. С одной стороны, святой мог опираться на свой авторитет чудотворца, чтобы успешно исполнять роль духовного и светского лидера общины, с другой — выполнение им своих пасторских обязанностей зачастую предполагало наличие чудотворных сил, необходимых пастве.

Латинская агиография нередко демонстрирует божественное вмешательство в мирские дела святого, обусловленные его положением в обществе. Агиографы IV—V вв. изображают чудеса как часть функций епископа. Многие светские дела улаживаются только с помощью божественной силы святого. Чудо, таким образом, становится важным элементом модели святого-патрона в латинской агиографии IV—V вв.

В данной статье мы попытаемся проанализировать, какие виды чудес используются для построения данной модели. Интересно также проследить, как меняются акценты в рассказах о чудесах святых в контексте их социальной деятельности на примере галльской агиографии, которая во многом стала жанровым образцом для агиографии латинской. Данные вопросы мало изучены в историографии. Кратко касались проблемы П. Браун (на материале восточных житий [Brown]) и Н.Ю. Бикеева (на материале латинских житий VI в. [Бикеева]). В позднеантичных латинских агиографиях исследователи в большей степени интересуются функциями некоторых групп «чудес» [Арнаутова 1995; Wittmer-Butsch, Rendtel; Grey].

В Галлии основу агиографического образа святого закладывает Сульпиций Север в «Житии св. Мартина Турского» [Омельченко: 388], созданном около 397 г. Чудеса здесь сгруппированы не в хронологическом порядке, а тематически: отдельно повествуется о чудесах воскрешения, экзорцизма и исцеления. Данная тематика находится в рамках литературной традиции Священного Писания. Этот комплекс чудес условно можно назвать «телесными чудесами», поскольку все они направлены на оказание людям физической помощи. Посредством изображения в первую очередь «телесных чудес» агиограф стремился сформировать у читателей образ святого-патрона, заступника своей общины.

Так, например, Мартин Турский изгоняет демона из раба Тетрадия, «мужа проконсульского звания», и тем самым обращает в христианскую веру самого раба (*Vita Mart.* 17, 1—4). Одного лишь письма, написанного Мартином Турским, достаточно для исцеления девушки, больной лихорадкой. Чудесное событие производит на отца девушки столь сильное впечатление, что он посвящает свою дочь Богу (*Vita Mart.* 19, 1—2). Воскрешение святым некоего оглашенного, не успевшего принять крещение, дает ему возможность принять христианство и обрести спасение (*Vita Mart.* VII, 2—7).

Именно темам обращения язычников и укрепления христианской веры Сульпиций Север уделяет наибольшее внимание в житии. При этом многочисленные рассказы о чудесах часто способствуют достижению поставленных задач [Klaniczay: 241]. Помимо «телесных чудес», для формирования образа Мартина как борца с язычеством и проповедника христианского учения агиограф использует чудеса, не нарушающие законы природы, но трактуемые как

чудесные в силу специфики религиозного взгляда на окружающий мир. Для читателя поздней античности, скорее всего, сверхъестественная сторона данных событий была очевидна, современный же читатель понимает это благодаря авторским комментариям.

Так, Мартин хотел срубить священную сосну в одной из деревень, однако жители воспротивились этому и выставили залог: они сами срубят дерево, но Мартин будет положен на место, куда должна упасть сосна. Епископ Тура согласился, однако срубленное дерево не коснулось святого, упав в противоположную сторону. «Язычники, обратившись к небу, издали крик и застыли, [пораженные] этим чудом. Монахи же плакали от радости: имя Христа радостно всеми возглашалось» (*Vita Mart.* XIII, 9; пер. А.И. Донченко). Сульпиций Север абсолютно уверен во вмешательстве божественной воли в произошедшее. Рождаемое чудом изумление, по средневековым понятиям, — уже определяющий признак чудесного [Жарова: 50].

В данном эпизоде примечательным также является подчинение обоже- ствляемой язычниками природы божественным силам, к которым обращается святой Мартин. Природа в средневековом понимании несамостоятельна, она сотворена Богом, а потому подчиняется ему и прославляет его [Гуревич: 58]. Более того, человек также подчиняется божественному повелению. Так, Мартин желает разрушить языческий храм в деревне Лепроза, но толпы язычников прогоняют святого. После видения двух ангелов, которые посланы для защиты Мартина Турского, он возвращается в деревню: «в присутствии безмолвной толпы язычников Мартин до основания разрушил нечестивое строение, а все алтари и идолов обратил в прах. Увидев в этом веление Бога не противодействовать епископу, пораженные и напуганные обитатели деревни почти все уверовали во Христа» (*Vita Mart.* XIV, 3—7; пер. А.И. Донченко).

Божественное вмешательство не позволяет язычникам, разозленным из-за разрушения капища, убить Мартина. Один, подняв меч на епископа, оказывается повержен на землю, другой, пытаясь ударить святого, роняет из рук нож (*Vita Mart.* XV, 1—3).

Несмотря на то, что значительная часть текста *Vita Martini* посвящена деятельности святого по устройению монашеской жизни в Галлии, которое может быть рассмотрено как составная часть патронажа святого над паствой, использование чудес в этом мотиве невелико. Сохраняется только тематика искушения святого дьяволом, которая никак не связана с деятельностью Мартина по организации и обустройству монастыря. В житии мы не встречаем распространенных в восточной агиографии сюжетов о приручении диких животных или добыче пресной воды. Обуздание природы через чудеса, совершенных по молитве святого, подчеркивает его борьбу с язычеством, а не помощь в распространении монашества. По всей видимости, для Сульпиция Севера чудо — это в первую очередь инструмент дальнейшего развития идеи социальной ответственности святого для выполнения им таких папских обязанностей, как распространение и укрепление веры [Парамонова: 24—25].

Восточные мотивы чудес появляются в галльской агиографии позже в «Похвальном слове о жизни св. Гонората» Илария Арелатского, созданном до 432 г. Иларий посвящает большую часть текста не свидетельству о чудотворениях Гонората Арелатского, а созданию образца доброго пастыря, проявлявшего духовную заботу о пастве. Сюжет и композиция «Похвального слова» в большей степени сосредоточены на основании святым Леринского монастыря и его пребывании в нем. Немногочисленные упоминания о чудесах

святого вплетены в рассказ об устройении монастырской жизни. Главной группой чудес, которые описывает или упоминает агиограф, оказываются чудеса, воздействующие на природу. Так, Гонорат изгоняет с острова змей, чтобы обезопасить жизнь монахов (*Vita Honor.* 15, 4); кроме того, благодаря его силе, на острове появляется пресная вода (*Vita Honor.* 17, 1).

Такое построение сюжета жития, а также близость некоторых ораторских приемов Илария к греческим агиографическим текстам наводит исследователей на мысль о том, что данный труд создавался под прямым воздействием восточного риторического искусства [Певницкий: 44] и в большей степени ориентировался на восточные образцы концепта святости.

Социальная деятельность Гонората Арелатского как епископа раскрывается не так полно, хотя один важный аспект образа святого как защитника общины находит в тексте свое отражение. «Похвальное слово» — одно из первых житий, описывающее практику выкупа пленных святым, что позже станет важной составляющей образа святого-патрона [Тюленев: 86]. Однако чудеса в данном контексте не используются.

В «Житии святого Илария, епископа Арелатского», составленном в конце V века Гоноратом Массилийским, в целом воспроизводится тот аскетический идеал, который сам Иларий заложил в своей речи о святом Гонорате. Так же как и Иларий, Гонорат Массилийский приводит не так много рассказов о чудесах, совершенных святым. Но в отличие от «Похвального слова о жизни св. Гонората», житие Илария повествует в основном о выполнении епископом социально-административных функций. Тем не менее немногочисленные рассказы о сотворенных епископом чудесах также служат формированию образа святого патрона.

Так, в тексте жития описывается несчастный случай, произошедший во время строительства базилики с дьяконом Кириллом, которому упавший кусок мрамора повредил ногу. Рана служителя вызывает боль у самого Илария, поэтому он, не раздумывая, соглашается на предложение ангела, явившегося в видении, забрать боль Кирилла себе (*Vita Hilar.* 5, 20). Очевидный мотив милосердия святого к своим священникам переплетается с сюжетом заботы о городе. Как и большинство патронов того времени, Иларий активно занимался строительством в Арелате. Используя семантику чудес исцеления, агиограф добавляет в рассказ идею о принятии боли святым за другого человека. По всей видимости, истоки данной фабулы можно отыскать в вере в то, что святой может нести на себе тяжесть чужого греха [Rapp: 81].

Интересно также применение Гоноратом Массилийским наказания для формирования рассматриваемой модели. Эпизод краткий, однако хорошо дополняет созданный в житии образ святого как строгого до суровости пастыря: «Ибо, когда попусту возбужденная толпа народа в безрассудном обольщении ринулась к нему, взволновав его душу, большая часть города сгорела от ниспосланного с неба огня, так что также и те, кто понес значительный ущерб, крича громким голосом, что за него постигла их эта кара, с рыданием требовали милосердия, бросившись к его коленям» (*Vita Hilar.* 5, 18; пер. Д. Зайцева). Автор не останавливается на причине конфликта паствы со своим епископом (по всей вероятности, агиографу очевидна правота последнего в силу его святости). Более важным оказывается изображение божественного вмешательства во взаимоотношения горожан и Илария, который не намерен уступить человеческим слабостям.

Таким образом, в житии Илария чудеса в большинстве своем используются для построения обобщенного образа святого, заботящегося о своем городе и пастве. Стоит отметить, что рассказы о чудесах не несут основной нагрузки в создании модели святого-патрона, скорее отображая такие добродетели Илария, как смирение и милосердие [Wiśniewski: 840]. Используя более рационалистический подход в повествовании об арелатском епископе, Гонорат Массилийский почти не обращается к чудесам святого.

Иначе выстраивается модель патронажа святого над своим городом в «Житии Германа Осерского» Констанция Лионского, написанном около 480 г. Значительную часть текста занимает описание чудес, совершаемых святым. Вслед за Сульпицием Севером Констанций Лионский широко применяет рассказы о чудесах в качестве средства построения модели святого-патрона. Зачастую именно чудеса так или иначе помогают Герману успешно завершить начатое им дело и выполнить социальные обязанности епископа. Герман представляется читателю защитником своей общины, постоянно беспокоящемся о ее благе. Наиболее наглядно взаимодействие епископа и горожан Осера демонстрируется в эпизоде возвращения Германа из путешествия в Британию. За время отсутствия епископа подати выросли и стали непосильны для жителей города. «И вот, [еще недавно] покинутые, [горожане] вновь обретают защиту, [Герман] узнает о положении дел, горько сетует и <...> принимается за труды по устройению земных дел с намерением отыскать средства для города» (*Vita Germ.* 19). Как видно из дальнейшего рассказа, снижения налогов для горожан Осера Герман добивается чудесным возвращением здоровья жене префекта Галлии (*Vita Germ.* 24).

Помимо чудес, ставших к V в. традиционными для латинской агиографии, для описания взаимоотношений святого-патрона и прихожан автором используются и более приземленные, более доступные обыденному сознанию чудеса. К примеру, один из эпизодов жития св. Германа повествует о возвращении епископом голоса петухам: «И когда он провел ночь, проявляя обычное усердие в божественном труде, наступил рассвет без каких бы то ни было предваряющих криков петухов, хотя в тех домах не было недостатка в этих птицах. [Герман] спросил о причине этой странности и узнал, что прошло немало времени с тех пор, как вместо естественного крика петухов наступило жуткое молчание. По просьбе всех он дал [особую] плату за ночлег. В самом деле, он, взяв пшеницу, благословил ее так, что накормленные ею птицы утруждали слух жителей своим частым пением вплоть до отвращения» (*Vita Germ.* 11).

Автор дает оценку такому «бытовому» чуду своего героя: «Так божественная добродетель и в делах малых большие превосходила» (*Vita Germ.* 11). Незначительные на первый взгляд чудеса, связанные с повседневной жизнью, были более понятны простым людям. Рассказ строится в привычных для сельского населения Галлии формах и категориях мышления. Поскольку роль епископа, активно участвующего в повседневной жизни своей паствы, растет, можно предположить, что такие чудеса демонстрировали помощь святого в удовлетворении нужд людей. С их помощью агиограф усложняет модель святого-патрона, изображает его как человека неравнодушного к повседневным проблемам прихожан и способного проявить божественную помощь даже в мелочах.

В то же время этот рассказ об обыденной истории наполняется дополнительным теологическим смыслом. Вполне вероятно, что пшеница должна была стать для читателей аллюзией на евхаристический хлеб, который приносит верующим единение с Господом. Возможно также, что в условиях продолжающегося конфликта между никейцами и арианами игра слов *galli* —

Galli («петухи» — «галлы») и постоянное упоминание Троицы в тексте жития должны были натолкнуть читателя на мысль о том, что вновь обрели голос не птицы, а галлы. Таким образом, Герман, исповедующий Троицу, возвращая голос птицам, как бы наставляет еретиков обратно на праведный путь [Бабина, Тюленев: 42—43].

Эти скрытые теологические смыслы, по всей видимости, способствуют созданию образа святого как миссионера и борца с ересями. Последняя тема занимает значительное место в *Vita Germani* и вытесняет, по мере распространения христианства, тему борьбы с язычеством, отмеченную нами как одну из ключевых в житии Мартина Турского. Герман, изображенный защитником ортодоксальной веры, совершает две миссии в Британию для борьбы с пелагианством. Обе завершаются благополучно благодаря совершению епископом чудес.

Чудо исцеления слепой девочки помогает Герману окончательно одержать верх над пелагианской ересью, распространившейся на Британском острове, и укрепить в вере людей, введенных в заблуждение (*Vita Germ.* 15). То же происходит и во время второго посещения Британии епископом, когда на глазах у людей он исцеляет расслабленного сына Элафия (*Vita Germ.* 26). По всей видимости, вслед за житием Мартина Турского в *Vita Germani* для формирования рассматриваемой модели святости используются в первую очередь «телесные чудеса».

Помимо этого, одной из ключевых в произведении является тема дипломатических миссий и посредничества святого. Констанций сосредотачивает внимание читателей на путешествиях Германа, формируя новый для галльской агиографии образ святого-посла. В своих миссиях Герман публично совершает «дипломатические» чудеса, которые не только демонстрируют его святость, но и помогают воплощать задуманное в жизнь. Кроме «телесных чудес» для этой цели в тексте жития используются также чудеса, не нарушающие законы природы.

Так, Аэций потребовал от Гохара, свирепого короля племени аланов, подавить восстание багаудов. Герман, пытаясь предотвратить кровопролитие, сперва стал умолять короля. Когда же Гохар захотел оттолкнуть епископа, тот схватил поводья, остановив его и все следовавшее за ним войско. И, как пишет Констанций Лионский, «в ответ на это свирепейший король вместо гнева, по побуждению Божьему, выразил удивление, восхитился его твердостью, проявил уважение и уступил перед непоколебимостью его силы» (*Vita Germ.* 28). Как видно, агиограф уверен во вмешательстве божественной воли в произошедшее. Хотя события не носят необъяснимого характера, они представляются читателю удивительными и чудесными.

Интересно, что чудеса в *Vita Germani* также способствуют формированию единого сюжета. Каждый рассказ о чудесах мог бы быть рассмотрен в отдельности, и тем самым его дидактическая ценность, возможно, была бы даже выше. Констанций же, напротив, включает отдельные эпизоды чудес в единый сюжет, который отличается четкой последовательностью повествования. Таким образом, рассказы о чудесах способствуют созданию образа святого-посла, не только завершая эпизод о каком-либо посольстве, но и позволяя агиографу выстроить единую повествовательную последовательность [Gillett: 119—120]. С развитием повествования репутация святителя укрепляется благодаря чудесам, которые оказываются тесно вплетены в главную сюжетную линию жития — дипломатические миссии святого.

Заметим, что сюжет посредничества Германа в конфликтных ситуациях способствует нарастанию силы и влияния фигуры святого. Констанций показывает, как божественная сила посредством чудес помогает Герману справиться с задачами епископа и проповедника, укрепить веру в сердцах людей. Герман превращается в патрона не только Осера, но и Галлии в целом.

Обобщая вышесказанное, отметим, что для формирования образа святого-патрона агиографы используют традиционные для агиографии чудеса, призванные продемонстрировать божественное могущество, укрепить авторитет святого как в духовных, так и в светских делах. По мере роста значения епископа в регионе появляются «бытовые» чудеса, показывающие божественную заботу о людях в их повседневной жизни.

Чудеса, таким образом, оказываются встроены в новую систему моделей святости в агиографии раннего Средневековья. В целом можно выделить две тенденции в формировании модели святого-патрона в Галлии: южногалльскую, тяготеющую к аскетическо-монашеским традициям восточного христианства и центральногалльскую, описывающую активное взаимодействие святого с паствой. Именно вторая модель была воспринята латинской агиографией, что во многом определило принципы построения концепции святости в средневековой Европе.

Список источников

- Hilarius Arelatensis. Sermo de vita sancti Honorati episcopi Arelatensis // PL. T. 50. Col. 1249—1272. (*Vita Honor.*)
- Sulpicius Severus. Vita Martini / ed. K. Halm // CSEL Vol. 1. Wien, 1882. S. 109—137. (*Vita Mart.*)
- Vita Germani Episcopi Autissiodorensis Auctore Constantio / ed. W. Levison // MGH SS. rer. Merov. Bd. 7. Hannover and Leipzig, 1920. S. 247—283. (*Vita Germ.*)
- Vita Hilarii Arelatensis // PL. T. 50. Col. 1219—1246. (*Vita Hilar.*)

Список литературы / References

- Арнаутова Ю.Е. Чудесные исцеления святыми и народная «религиозность» в средние века // Одиссей: человек в истории. М.: Наука, 1995. С. 151—169.
(Arnautova Yu.E. Miraculous Healings by Saints and “Folk Religiosity” in the Middle Ages, *Odissei: Chelovek v istorii. Predstavleniia o vlasti*, Moscow, 1995, pp. 151—169. — In Russ.)
- Арнаутова Ю.Е. Imitatio Christi: Теологема и литературная модель в бенедиктинской агиографии // Одиссей: человек в истории. М.: Наука. 2014. № 1 (25). С. 99—139.
(Arnautova Yu.E. Imitatio Christi: Theologeme and Literary Model in Benedictine Angiography, *Odissei: Chelovek v istorii*. Moscow, 1995, no. 1 (25), pp. 99—139. — In Russ.)
- Бабина А.А., Тюленев В.М. Констанций Лионский и «Житие Германа Осерского» // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. № 8. С. 41—45.
(Babina A.A., Tyulenev V.M. Constantius of Lyon and the Vita Germani, *Cursor Mundi: A Man of Antiquity, the Middle Ages and the Renaissance*, Ivanovo, 2016, no. 8, pp. 41—45. — In Russ.)

- Бикеева Н.Ю. Чудеса св. Радегунды: о некоторых функциях *mirabilia* в раннем Средневековье // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Кн. 1. Казань: Казан. гос. ун-т, 2008. Т. 150, кн. 1. С. 195—202.
- (Bikeeva N.Y. St. Radegund's Wonders: Some Functions of *Mirabilia* in Early Middle Ages, *Scientific notes of Kazan State University, Humanities series*, vol. 150, b. 1, Kazan, 2008, pp. 195—202. — In Russ.)
- Браун П. Культ святых: его становление и роль в латинском христианстве: пер. с англ. / под ред. С.В. Месяц. М.: РОССПЭН, 2004. 207 с.
- (Brown P. The Cult of the Saints. Its formation and role in Latin Christianity, transl. from English; ed. by S.V. Mesyac. Moscow, 2004. 207 p. — In Russ.)
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с.
- (Gurevich A.Ya. Categories of medieval culture. 2nd ed., corr. and add. Moscow, 1984. 350 p. — In Russ.)
- Жарова И.Ю. Функциональное назначение чудес в «Проскинитарии» Арсения Суханова и «Житии» протопопы Аввакума // Вестник славянских культур. 2012. № 3. С. 50—57.
- (Zharova I.Y. The functional purpose of miracles in Arseniy Sukhanov's "Proskinitarium" and the "Life" of Archpriest Avvakum, *Bulletin of Slavic Cultures*, 2012, no. 3, pp. 50—57. — In Russ.)
- Омельченко Д.М. Цезарий Арелатский — епископ и пастырь. М.; СПб: Центр гуманитар. инициатив: Петроглиф, 2021. 472 с.
- (Omelchenko D.M. Caesarius of Arles — bishop and pastor. Moscow, St. Petersburg, 2021. 472 p. — In Russ.)
- Парамонова М. Ю. Агиография // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 22—29.
- (Paramonova M.Yu. Hagiography, in *Dictionary of Medieval Culture*, ed. by A.Y. Gurevich. Moscow, 2003, pp. 22—29. — In Russ.)
- Певницкий В. Арелатские проповедники V—VI вв. <Св. Гонорат и Иларий Арелатские> // Арелатские проповедники V—VI вв.: сб. исслед. и пер. / под ред. А.Р. Фокина. М.: Империиум Пресс, 2004. С. 7—58.
- (Pevnitskii V. Arelatsky preachers of the V—VI centuries. Honoratus and Hilary of Arelat, *Arelat preachers of the V—VI centuries, collection of research and translations*, ed. by A.R. Fokin, Moscow, 2004, pp. 7—58. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Выкуп пленных в контексте становления христианского общества в Западной Европе V — начала VI в. // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 1. С. 84—91.
- (Tyulenev V.M. Redemption of captives in the context of the establishment of the Christian community in Western Europe in V — early VI century, *History Journal: Researches*, 2012, no. 1, pp. 84—91. — In Russ.)
- Brown P. The Rise and Function of the Holy Man in Late Antiquity. *Roman Studies*, 1971, vol. 61, pp. 80—101.
- Gillett A. Envoys and Political Communication in the Late Antique West. New York: Cambridge University Press, 2003. 335 p.
- Grey C. Demoniacs, Dissent, and Disempowerment in the Late Roman West: Some Case Studies from the Hagiographical Literature. *Journal of Early Christian Studies*, 2005, vol. 13, pp. 39—69.

- Harmand L. Libanius, Discours sur les patronages: Texte traduit, annoté et commenté. Paris: Presses universitaires de France, 1955, 216 p.
- Klaniczay G. Healing with Certain Conditions: The Pedagogy of Medieval Miracles. *Cahiers de Recherches Médiévales et Humanistes: A Journal of Medieval and Humanistic Studies*, 2010, vol. 19, pp. 235—248.
- Rapp C. Holy Bishops in Late Antiquity: the Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2005. 356 p.
- Redfield R. The Little Community and Peasant Society and Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1960, 288 p.
- Wiśniewski R. Spreading belief in miracles in the late antique West. *Mélanges Bernard Flusin (= Travaux et Mémoires 23/1)*. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2019, pp. 833—848.
- Wittmer-Butsch M., Rendtel C. Miracula. Wunderheilungen im Mittelalter. Köln-Wien, Böhlau, 2003, 387 p.

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 01.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Бабина Александра Аркадьевна — аспирантка кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, alex.babina@mail.ru

Babina Alexandra Arkadievna — Postgraduate student of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, alex.babina@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 95—101.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 95—101.

Научная статья

УДК 94(470.315)''1933/1935''

DOI: 10.46726/И.2022.1.9

ТОРГОВО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИНЕШЕМСКОЙ МЕЖРАЙОННОЙ БАЗЫ ИВАНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОНТОРЫ ТОРГСИН В 1933—1935 гг.

Юрий Александрович Ильин¹, Олег Юрьевич Орешкин²

¹ Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilyin37@mail.ru

² Школа имени дважды Героя Советского Союза И.С. Полбина,
г. Москва, Россия, vicit1945@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы формирования торговых точек Кинешемской межрайонной базы Ивановской областной конторы Торгсин. Отмечены причины создания Торгсина и особенности его работы, представлены аспекты кадровой политики. Подробно рассмотрен вопрос о видах валютных ценностей, полученных базой (золотые и серебряные монеты, бытовое золото и серебро, иностранная валюта и драгоценные камни). Приведены расчеты весового значения отдельных валютных ценностей, полученных торговой сетью межрайонной базы, проанализирована доля различных видов ценностей от общего объема. Выделены страны, откуда наиболее активно направлялись иностранные переводы на счета торговых точек Кинешемской межрайонной базы. Указаны магазины и универмаги, являющиеся лидерами по объемам привлечения валютных ценностей по линии межрайонной базы. Исследован вклад Кинешемской межрайонной базы в работу Ивановской областной конторы. Приведено сравнение финансовых показателей Кинешемской межрайонной базы с показателями других межрайонных баз Ивановской областной конторы. Рассмотрен потенциальный экономический эффект от деятельности Кинешемской межрайонной базы Торгсин. Сопоставлены валютные доходы межрайонной базы с расходами государства на строительство крупнейших промышленных объектов периода первого и второго пятилетнего планов в СССР.

Ключевые слова: Ивановская областная контора Торгсин, Кинешемская межрайонная база Торгсин, торговая точка, валютные ценности, индустриализация, торговля с иностранцами

Для цитирования: Ильин Ю.А., Орешкин О.Ю. Торгово-хозяйственная деятельность Кинешемской межрайонной базы Ивановской областной конторы Торгсин в 1933—1935 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 95—101.

© Ильин Ю.А., Орешкин О.Ю., 2022

Original article

TRADE AND ECONOMIC ACTIVITY OF THE KINESHMA INTERDISTRICT BASE OF IVANOVO REGIONAL OFFICE OF THE TORGSIN (TRADE WITH FOREIGNERS) IN 1933—1935

Yuri A. Ilyin¹, Oleg Yu. Oreshkin²

¹ Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilyin37@mail.ru

² School named after twice Hero of the Soviet Union I.S. Polbin, Moscow, Russian Federation, vicit1945@mail.ru

Abstract. The article discusses the main stages of the formation of retail outlets of the Kineshma interdistrict base of the Ivanovo regional office of Torgsin. The question of the types of currency values received by the base (gold and silver coins, household gold and silver, foreign currency and precious stones) is considered in detail. Calculations of the weight value of individual currency values obtained by the inter-district trading network are given. The countries from which foreign transfers were most actively sent to the accounts of retail outlets of the Kineshma interdistrict base are marked. The shops and department stores are the leaders in terms of attracting currency values through the interdistrict base. The contribution of the Kineshma interdistrict base to the work of the Ivanovo regional office is investigated. The comparison of financial indicators of the Kineshma interdistrict base with the work of other interdistrict bases of the Ivanovo regional office is given. The potential economic effect of the activities of the Kineshma interdistrict base of Torgsin is considered. The foreign exchange income of the interdistrict base is compared with the state's expenditures on the construction of the largest industrial facilities.

Keywords: Ivanovo regional office Torgsin, Kineshemsкая inter-district base, trade point, currency values, industrialization, trade with foreigners

For citation: Ilyin Yu.A., Oreshkin O.Yu. Trade and economic activity of the Kineshma interdistrict base of Ivanovo regional office of the Torgsin (trade with foreigners) in 1933—1935, *Bulletin of the Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2022, iss. 1. pp. 95—101.

Индустриализация СССР в 1930-е гг. проходила в сложных условиях. Одной из главных ее проблем была зависимость страны от импортной техники и оборудования. На их приобретение требовались ресурсы в виде валютных ценностей.

Потребность в их накоплении удовлетворялась различными способами. Одним из таких резервов становится Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами в СССР), созданный в 1931 г. Первоначально его отделения были сосредоточены в столичных и портовых городах, в которых отмечалось присутствие большого числа иностранцев. Им предлагались эксклюзивные и дефицитные товары в обмен на валюту. С июня 1931 г. Торгсин стал реализовывать товары в обмен на царский золотой чекан и в счет переводов валюты из-за границы советским гражданам. С конца 1931 г. в этот список добавилось право обмена на бытовое золото. Со временем Торгсин стал принимать от населения серебро, платину, бриллианты и др. драгоценные камни и произведения художественного искусства [Осокина: 11—12].

В дальнейшем накопленные валютные ценности отправлялись за границу для их обмена на оборудование необходимое для проведения индустриализации.

Успешность операций Торгсина в столичных городах СССР позволила руководству страны расширить географию представительства объединения. Целью статьи является исследование опыта работы Торгсина в периферийных регионах на примере Кинешемской межрайонной базы Ивановской областной конторы Торгсин и изучение их финансового вклада в работу данной системы.

В 1929 г. была образована Ивановская промышленная область (ИПО), в ее состав вошли территории бывших Ивановской, Ярославской, Костромской и Владимирской губерний. Постановлением Президиума ВЦИК от 10 июня 1929 г. «О составе округов и районов Ивановской промышленной области и их центров» была введена окружная система административно-территориального деления ИПО. Документ определил создание 7 округов: Александровского, Владимирского, Кинешемского, Костромского, Шуйского, Ярославского, Рыбинского) [Околотин: 223]. В 1930 г. решением ЦИК и СНК СССР окружная система была ликвидирована [там же: 227].

Торгсин расширяет свое представительство на периферийных территориях. Одним из таких отделений в 1933 г. становится Ивановская областная контора Торгсин (далее ИВОК) и действовавшие на ее территории подразделения — межрайонные базы (МРБ). Межрайонной базой являлся головной универмаг, расположенный в районном центре, объединявший торговые предприятия в радиусе 200—300 км. Первоначально торговая сеть будущей Кинешемской МРБ входила в состав Ивановской МРБ [ГАИО: ф. 2, оп. 2, л. 65].

Однако магазины и универмаги, в дальнейшем вошедшие в состав базы, открывались на протяжении 1932—1933 г. Кинешемский универмаг появился в декабре 1932 г. [ГАИО: ф. 1485, оп. 2, д. 1, л. 86] и стал первой торговой точкой будущей МРБ. В мае 1933 г. появилось сезонное отделение универмага в Юрьевце [ГАИО: ф. 1485, оп. 2, (там же) д. 19, л. 117], в июне — в Пучеже [ЦГАМО: ф. 3811, оп. 1, д. 6, л. 46]. К сентябрю 1933 г. стали действовать торговые точки на территориях Семеновского-Лапотного и Порздней. В декабре 1933 г. была образована Кинешемская МРБ, включившая в свой состав 5 торговых точек [ГАИО: ф. 1485, оп. 2, д. 3, л. 7]. Данная база была самой скромной в структуре ИВОК по территориальному охвату.

В 1934 г. начинается обратный процесс — сокращение торговой сети Торгсин и передача ее магазинов в систему Государственного объединения розничной торговли (ГОРТ). На заседании сектора Валюты и Внешней торговли от 3 февраля 1934 г. № 075/2с «О сокращении сети Торгсин и равномерном распределении точками издержек обращения» были установлены критерии сокращения сети. Ключевыми стали два требования: уровень реализации товаров должен составлять не менее 500 рублей золотом в месяц, объем расходов 200 % к сумме реализации. Таким образом, точка, делавшая обороты ниже 500 рублей в месяц или осуществлявшая расходы, превышавшие 200 % от оборота, подлежала сокращению [РГАЭ: ф. 4433, оп. 1, д. 97, л. 9].

К 1 июля 1934 г. прекратили деятельность отделения МРБ в Семеновском-Лапотном и Порзднях [ГАИО: ф. 1485, оп. 2, д. 3, л. 106], а во второй половине 1934 г. был закрыт магазин в Пучеже [РГАЭ: ф. 4433, оп. 1, д. 103, л. 12]. Ликвидация торговых точек привела к реорганизации Кинешемской МРБ в октябре 1934 г. в головной универмаг. Таким образом, на начало 1935 г. в подчинении Кинешемского универмага оставалась торговая точка в Юрьевце, которая была закрыта в мае этого же года [ГАВО: ф. 890, оп. 1, д. 17, л. 101].

Наконец, в ноябре 1935 г. был закрыт универмаг в Кинешме и передан в подчинение ГОРТУ [ГАИО: ф. 1485, оп. 1, д. 17, л. 108]. Закрытие торговых точек Торгсина на территории области можно объяснить и улучшением снабжения населения продуктами питания. Протоколом Политбюро ЦК ВКП(б) № 4 от 29 марта 1934 г. п. 91/67 «О торговле хлебом в Ивановской области», была разрешена торговля хлебом в следующих пунктах Ивановской области: Лежнево, Родники, Кохма, Южа, Кольчугино [РГАСПИ: ф. 17, оп. 3, д. 942, л. 23]. Другим протоколом Политбюро ЦК ВКП(б) № 5 от 15 апреля 1934 г. п. 89/71 в этот список были включены Тейково, Александров, и Середка [РГАСПИ: ф. 17, оп. 3, д. 943, л. 18].

За время функционирования Кинешемской МРБ и головного универмага руководство сменялось дважды. Первым руководителем Кинешемского универмага с момента его организации в декабре 1932 г. до декабря 1933 г. был П.И. Скотников, а первым директором Кинешемской МРБ с декабря 1933 г. стал Купцов (инициалы мы не обнаружили), он сменил П.И. Скотникова [ГАИО: ф. 1485, оп. 2, д. 3, л. 7].

Вопреки названию объединения основными его покупателями в магазинах ИПО были не иностранцы, а советские граждане, которые приобретали в обмен на валютные ценности в основном товары первой необходимости, а не антиквариат и предметы роскоши.

Несмотря на статус периферийной территории, в Торгсинах ИПО и, в частности, торговой сети Кинешемской МРБ, действовали все виды валютных операций, разрешенных на общесоюзном уровне. Региональная контора и МРБ осуществляли скупку бытового золота и серебра, золотой и серебряной монеты, бриллиантов. Осуществлялся также прием иностранной валюты наличным способом и через заграничные переводы.

Какими же были результаты скупочной деятельности? Рассмотрим итоги этой работы подробнее.

Таблица 1

**Выполнение валютного плана торговой сетью
будущей Кинешемской МРБ Торгсин за 1933 г., золотые рубли**
[ГАИО: ф. 1485, оп. 2, д. 18, л. 249; д. 19, л. 17 об. — 18, 115 об. — 116, 301]

Кинешма	Юрьевец	Пучеж	Семеновское- Лапотное	Порздни
156272,54	27155,24	16675,90	2700,60	н/д

В первый год работы торговая сеть будущей МРБ осуществила скупку ценностей на сумму не менее 202 804,28 рубля. К сожалению, мы не обнаруживаем данных по с. Порздни, однако можем предположить, что оборот этой торговой точки ввиду ее незначительного территориального охвата составлял не более нескольких тысяч рублей. Таким образом, отсутствие данных по ней принципиально не меняет картину. Также напомним, что Кинешемская МРБ в качестве самостоятельной структуры начала работать только с конца 1933 г., поэтому показатели торговых точек в 1933 г. были включены в отчет Ивановской МРБ. Однако изучение финансовых результатов данных торговых точек позволяет оценить их потенциал и сравнить с показателями следующего года.

Таблица 2

**Выполнение плана по привлечению валютных ценностей
будущей торговой сетью Кинешемской МРБ Торгсин за 1933 г., золотые рубли¹**
[ГАИО: ф. 1485, оп. 2, д. 18, л. 249; д. 19, л. 17 об. — 18, 115 об. — 116, 301]

Кинешемская МРБ					
Золото-монета	Золото-лом	Серебро-монета	Серебро-лом	Инвалюта	Переводы из других стран
48732,50	90960,50	12571,17	46336,49	288,38	1214,64

Отдельно рассмотрим потенциал изучаемых торговых точек с точки зрения скупки различных видов валютных ценностей. Отсутствие данных по двух территориям также не имеет решающего значения, так как общая скупка там составляла не более нескольких тысяч рублей. Наибольший доход торговые точки получили от скупки золота, а наиболее скромной оказалась работа по привлечению наличной иностранной валюты. На примере Кинешемского универмага мы видим, что переводы поступали из 7 стран. Наибольшие поступления были из США, Германии и Франции [ГАИО: ф. 1485, оп. 2, д. 19, л. 17 об. — 18].

В следующем 1934 г. происходит значительное сокращение поступлений валютных ценностей.

Таблица 3

**Выполнение плана по привлечению валютных ценностей
торговой сетью Кинешемской МРБ Торгсин за 1934 г., золотые рубли**
[ГАИО: ф. 1485, оп. 2, д. 92, л. 335 об.]

Кинешемская МРБ						
Золото-монета	Золото-лом	Серебро-монета	Серебро-лом	Инвалюта	Переводы из других стран	Бриллианты
26002,50	24379,59	4527,89	16247,61	189,34	1311,90	1122,50
Итого: 73863,10 — официальная сумма. 73 781,33 — фактическая сумма.						

Самыми высоким были показатели скупки золотых монет, а не бытового золота, как это происходило в других МРБ. Однако их доля составила всего треть от общего объема скупленных ценностей. В изучаемых документах мы не находим указаний на весовое значение полученного драгоценного металла. Однако можем произвести собственные примерные расчеты по золоту и серебру, чтобы представить ориентировочные цифры. Так, самое дорогое золото 96-й пробы стоило 1,29 рубля за 1 грамм [РГАЭ: ф. 2324, оп. 20, д. 576, л. 234]. Серебро на апрель 1933 г. в зависимости от пробы оценивалось от 8 рублей (48-я проба) до 14 рублей (84-я проба) за кг [ГАВО: ф. 1950, оп. 1, д. 6, л. 5].

Согласно нашим расчетам, в 1934 г. бытового золота было скуплено на 18,9 кг, а объем серебра варьировался от 1 т 160 кг до 2 т 30 кг. Конечно, приводимые объемы скупки являются очень условными, их динамика зависела не только от проб скупаемых ценностей, но и от периодического повышения цен на них.

¹ В приведенных данных отсутствуют сведения о результатах скупки по Порздням и Семеновскому-Лапотному.

Результаты Кинешемской МРБ были самыми скромными среди других баз. Это объясняется тем, что торговая сеть МРБ была меньше остальных и составляла всего 5 торговых точек. В 1934 г. ИВОК Торгсин получила ценностей на сумму 1 047 209 золотых рубля [Орешкин: 63]. Таким образом, доля МРБ составила 7,05 %.

К сожалению, в исследуемых нами документах мы не обнаруживаем данные по скупочным операциям за 1935 г. Это касается данных в целом по области. Вместе с тем анализ данных даже за 1933—1934 гг. показывает, что только за два года торговая сеть, входившая в обслуживание Кинешемской МРБ, приобрела различных валютных ценностей на сумму не менее 276 667,38 золотых рублей.

Накопленные валютные ценности в дальнейшем не аккумулировались исключительно внутри региона и могли быть направлены на финансирование любого предприятия страны. Оценить потенциальный вклад валютных накоплений ИВОК Торгсин мы можем, сопоставив их с расходами на оснащение предприятий тяжелой промышленности внутри области в этот период.

Примером такого сопоставления в региональном масштабе являются данные по заводу «Автоприбор» в г. Владимире ИПО. В 1933 г. завод «Автоприбор» был полностью укомплектован импортным оборудованием на 123 единицы стоимостью 272 692 рубля золотом [Завод «Автоприбор»: 2]. Таким образом, объем валютных ценностей, накопленных торговой сетью Кинешемской МРБ Торгсин за 1933—1934 гг., позволил бы почти полностью оснастить 1 такой завод тяжелой промышленности.

Из 5 торговых точек МРБ две располагались в сельской местности. Полноценно база проработала менее одного года. Однако даже такой не продолжительный опыт работы Кинешемской МРБ показывает, что небольшая торговая сеть могла дать значительный результат в деле привлечения валютных ценностей.

В целом Торгсин на территории Ивановской промышленной области получил ценностей за период с 1933 по 1935 гг. на сумму 3 857 742,6 золотых рублей [Орешкин: 63]. Для сравнения отметим, что в масштабе СССР расходы на строительство гигантов социалистической промышленности составили: для Горьковского автозавода — 43,2 млн руб., Сталинградского тракторного завода (СТЗ) — 35 млн руб., Автозавода им. Сталина — 27,9 млн руб., Днепростро — 31 млн руб., Господшипника — 22,5 млн руб., Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) — 23 млн руб., Харьковского тракторного завода (ХТЗ) — 15,3 млн руб., Магнитогорского металлургического комбината — 44 млн руб., Кузнецкого металлургического комбината — 25,9 млн руб. и Уралмаша — 15 млн руб. [Осокина: 312].

Сопоставляя затраты на ХТЗ и Уралмаш, мы видим, что ценностями, полученными ИВОК, можно было покрыть расходы предприятий на сумму свыше 25 %. А доходами Кинешемской МРБ можно было обеспечить оснащение каждого предприятий на сумму свыше 1,84 % от общей потребности. Вторая цифра, конечно, намного скромнее, но напомним, что речь идет о крупнейших промышленных стройках того времени, а Кинешемская МРБ и ее головной универмаг являлись лишь одним из подразделений ИВОК.

На общесоюзном уровне Торгсин получил ценностей на сумму более 287 млн рублей (по цене скупки), что было эквивалентом 220 т чистого золота. В критический момент золотовалютного банкротства государства Торгсин обеспечил валюту для индустриализации. В финальном отчете Торгсина отмечалось, что скупленные им ценности покрыли более пятой части затрат на импортные закупки 1932—1935 гг. [Осокина: 310—311].

Список источников

ГАВО (Государственный архив Владимирской области).
ГАИО (Государственный архив Ивановской области).
Завод «Автоприбор» // Призыв. 1933. № 28. С. 2.
ГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).
РГАЭ (Российский государственный архив экономики).
ЦГАМО (Центральный государственный архив Московской области).

Список литературы / References

- Околотин В.С. Ивановская промышленная область (1929—1936 гг.): уроки экономической истории. Иваново: Иван. гос. текстил. акад., 2009. 528 с.
(Okolotin V.S. Ivanovo Industrial Region (1929—1936): Lessons in Economic History. Ivanovo, 2009, 528 p. — In Russ.)
- Орешкин О.Ю. Дополнительные источники финансирования индустриализации СССР: (на примере деятельности Торгсина в Ивановской промышленной области в 1933—1935 годы) // Преподавание истории в школе. 2020. № 7. С. 62—65.
(Oreshkin O.Yu. Additional sources of financing the industrialization of the USSR: (On the example of Torgsin's activities in the Ivanovo industrial region in 1933—1935), *The teaching of history in schools*, 2020, no. 7, pp. 62—65. — In Russ.)
- Осокина Е.А. Алхимия советской индустриализации. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 344 с.
(Osokina E.A. Alchemy of Soviet industrialization. Moscow, 2019, 344 p. — In Russ.)
- Осокина Е.А. Золото для индустриализации: Торгсин. М.: РОССПЭН, 2009. 592 с.
(Osokina E.A. Gold for industrialization: Torgsin. Moscow, 2009, 592 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.12.2021; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 28.12.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 01.02.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Ильин Юрий Александрович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilyin37@mail.ru

Ilyin Yury Aleksandrovich — Doctor of Sciences (History), Head of the Department of History of Russia, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilyin37@mail.ru

Орешкин Олег Юрьевич — учитель истории, Школа имени дважды Героя Советского Союза И.С. Полбина, г. Москва, Россия, vicit1945@mail.ru

Oreshkin Oleg Yurievich — Teacher of History, School named after twice Hero of the Soviet Union I.S. Polbin, Moscow, Russian Federation, vicit1945@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 102—112.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 102—112.

Научная статья

УДК 929.6(470.341)

DOI: 10.46726/И.2022.1.10

ГЕРАЛЬДИКА НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СИМВОЛОВ К ГЕРБАМ СОВРЕМЕННЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Аркадий Андрианович Корников

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, histgerb@mail.ru

Аннотация. Объектом исследования данной работы является геральдика Нижегородского края от Средневековья до современности. Впервые в историографии российской геральдики рассматривается история и развитие гербов данного региона, дается комплексный анализ современного состояния гербов муниципальных образований. Показывается, что формирование нижегородской геральдики в XVII—XIX вв. было связано с развитием административно-территориального деления сначала Русского государства, а затем и Российской империи, необходимостью создания эмблем, символизирующих территории данного края. Возрождение геральдики Нижегородской области в начале 1990-х было обусловлено принятием конституции 1993 г., а также законов о местном самоуправлении 1995 и 2003 гг.

Выделяются основные группы современных гербов муниципальных районов, городских округов, городских и сельских поселений. Рассматривается преемственность в развитии дореволюционных и современных гербов. Анализируется происхождение и символика отдельных гербов, даются оценки перспектив дальнейшего развития геральдического пространства региона. Отмечаются особенности нижегородской геральдики, отличающей её от геральдики других регионов Российской Федерации.

Ключевые слова: Нижегородская область, гербы, геральдика, символика эмблем, муниципальные образования

Для цитирования: Корников А.А. Геральдика Нижегородского края: от средневековых символов к гербам современных муниципальных образований // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 102—112.

Original article

HERALDRY OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION: FROM MEDIEVAL SYMBOLS TO THE COATS OF ARMS OF MODERN MUNICIPALITIES

Arcady A. Kornikov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, histgerb@mail.ru

Abstract. The object of research of this work is the heraldry of the Nizhny Novgorod region from the Middle Ages to the present. For the first time in the historiography of Russian heraldry, the history and development of the coats of arms of this region are considered, a comprehensive analysis of the current state of the coats of arms of municipalities is given. It is shown that the formation of Nizhny Novgorod heraldry in the XVII—XIX centuries was associated with the development of the administrative-territorial division of the first Russian state, and then the Russian Empire, the need to create emblems symbolizing the territory of this region. The revival of the heraldry of the Nizhny Novgorod region in the early 1990s was due to the adoption of the Constitution of 1993, as well as the laws on local self-government of 1995 and 2003. The main groups of modern coats of arms of municipal districts, urban districts, urban and rural settlements are distinguished. The continuity in the development of pre-revolutionary and modern coats of arms is considered. Based on the analysis of the origin and symbolism of individual coats of arms, estimates of the prospects for further development of the heraldic space of the region are given. The features of Nizhny Novgorod heraldry that distinguish it from the heraldry of other regions of the Russian Federation are noted.

Keywords: Nizhny Novgorod region, coats of arms, heraldry, symbolism of emblems, municipalities

For citation: Kornikov A.A. Heraldry of the Nizhny Novgorod region: from medieval symbols to the coats of arms of modern municipalities, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*. 2022, iss. 1, pp. 102—112.

Территория современной Нижегородской области относится к числу исконных территорий Русского государства. Её история отражена в многочисленных источниках. К ним необходимо отнести и гербы — эмблематические изображения, составленные по определённым правилам и утверждённые верховной властью. Губернские, областные, городские гербы рассказывают об истории территорий, их достопримечательностях, промыслах, географическом положении, происхождении названий.

Целью данной статьи является анализ развития геральдики Нижегородского края от момента зарождения отечественной геральдики в конце XVII в. до настоящего времени. В частности, будут поставлены следующие задачи. Во-первых, показать истоки нижегородской геральдики. Во-вторых, дать оценку её развития в дореволюционный период. В-третьих, показать развитие в новейшей отечественной истории. И, в-четвертых, подвести итоги современного состояния геральдики региона. Научная актуальность поставленной проблемы обуславливается отсутствием обобщающих и глубоких исследований по данной теме. Имеется лишь небольшое количество работ, которые рассказывают об истории отдельных гербов региона, происхождении некоторых эмблем [Гербы регионов России...; Рево; Символика Нижегородской области...; Шипунов].

Формирование Нижегородской геральдики связано с развитием государственной символики в конце XVI в., появлением знамен русских полков в середине XVII в., созданием «Царского Титулярника» («Большая государева книга, или Корень российских государей»). Впервые изображение нижегородской эмблемы (олень, идущий вправо) встречается на Государственной печати Ивана IV 1577 г. («Печать Новагорода Низокскія землі»). Выбор этой эмблемы не совсем понятен, возможно, в неё вкладывалось какое-то религиозно-символическое значение [Соболева 1981: 159, 164]. Следующим памятником, зафиксировавшим новгородскую эмблему, является покровец (завеса задней спинки трона) царя Михаила Федоровича (после 1626 г.), где 12 территориальных эмблем России вышиты вокруг государственного герба. Среди них — идущий олень, влево, с надписью «печать нижегородская» [Древности... 1851а: 113—114; Древности... 1851б, рис. 82]. Ещё одно изображение нижегородской эмблемы находим на большом знамени царя Алексея Михайловича (время появления — 1666—1678 гг.) и на золотой царской тарелке 1675 г. [Яковлев, рис. VIII; Древности... 1851в: 63]. В описании «гербовного знамени» царя Алексея Михайловича 1666—1678 гг. нижегородская эмблема предстает следующим образом: «Печать нижегородская, на ней Лось ступает» [Яковлев: 34].

Такое же изображение дается и в «Титулярнике» 1672 г.: «Стоящий лось влево» [Портреты...: 91]. На золотой царской тарелке 1675 г. дается несколько иное описание эмблемы: «Идущий олень влево». В публикации дневника И. Корба 1698 г. нижегородская эмблема вновь называется «оленем» [Корб: 1].

Описание и изображение нижегородского герба встречается в знаменном «Гербовнике Миниха» 1729—1730 гг.: «Олень красный, рога и копыта черные, поле белое» [Гербовник...: 2 об., 24]. Несколько иное описание герба дается в учебнике по географии Х. Чеботарева 1776 г.: «Герб Нижегородской губернии на серебряном щите под княжеской короной представляет бегущего красного оленя, у которого рога и копыта черные» [Чеботарев: 222].

Другие гербы региона появились в связи с реформой местного управления конца XVIII в., в ходе которой началось массовое создание символов для российских городов. В 1781 г. Екатерина II утвердила 13 гербов Нижегородского наместничества. В соответствии с принятой на тот момент моделью гербов щит большинства из них (кроме «старых», т. е. составленных ранее) делился горизонтально на две равные части. В верхней части помещался герб наместничества, а в нижней — индивидуальные эмблемы, которые отражали природные, экономические, исторические и иные особенности уездов.

Нижегородский герб имел следующее описание: «В белом поле красный олень, рога и копыта черные» [Полное собрание... 1830: 220—221]. Нижегородский герб занимал верхнюю часть поля всех уездных гербов (за исключением Арзамасского), в нижних частях были: у Ардатова — два железных молота в зеленом поле; Балахны — две коры (нижняя часть ствола, комель) в серебряном поле; Васильева — основание корабельной кормы в золотом поле; Горбатова — яблоня с плодами в золотом поле; Княгинино — золотые отрезки в зеленом поле; Лукоянова — два золотых лемеха в зеленом поле; Макарьева — три связки товара; Перевоза — плот на реке в зеленом поле; Починков — золотой конь в зеленом поле; Семенова — пирамида, сложенная из бревен; Сергача — черный медведь в золотом поле [там же: 220—221].

Для геральдики Нижегородской губернии было характерно доминирование эмблем, связанных с экономической деятельностью уездных городов (Ардатов, Балахна, Васильев, Горбатов, Княгинино, Лукоянов, Макарьев, Починков, Семенов); имеется один герб с символами животного мира (Сергач); был также один «гласный» герб, в котором эмблема прямо указывала на название города (Перевоз).

В 1850—1880-е в России проводилась масштабная реформа, изменившая внешний вид многих территориальных гербов. В 1856 г. 8 декабря Александр II утвердил герб Нижегородской губернии: «В серебряном поле червлёный идущий олень; рога о шести отростках, копыта черные. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою (голубой — *А. К.*) лентою» [Гербы губерний...: 34]. Новые элементы (корона, лента, листья) были общими для гербов всех губерний Российской империи. Такое же изображение Нижегородского герба повторяется в Большом государственном гербе, утверждённом Александром II 11 апреля 1857 г., где он встречается в качестве титульного герба, т. е. упоминается в титуле императора Российской империи [Полное собрание... 1835: 300]. Это же изображение Нижегородского герба повторяется в Большом государственном гербе, утверждённом Александром III 24 июля 1882 г. [Полное собрание... 1886: 435].

Нижегородские гербы использовались на должностных знаках, печатях, бланках, местных изданиях и др. На основе цветов губернского герба создавались мундиры чиновников губернии. Так, в конце XVIII века, нижегородским чиновникам, исходя из гербовых цветов наместничества, было указано носить красный кафтан с песочными обшлагами, воротником и такого же цвета камзолом [Изображения...: 10].

Новый этап в развитии геральдики Нижегородского края наступает после революции 1917 г. Территория нынешней Нижегородской области в 1918—1929 гг. входила в состав Нижегородской губернии, в 1929—1936 гг. — в состав Нижегородского края (с 1932 г. Горьковского края). В 1936—1990 гг. область называлась Горьковской. В 1990 г. область была переименована в Нижегородскую, в настоящее время существует как субъект Российской Федерации.

Развитие местного герботворчества в Нижегородской области в период с 1918 до конца 1980-х гг. сдерживало ряд факторов. Местные дореволюционные гербы юридически не были отменены, но на печатях областных, районных, городских учреждений использовали изображения гербов СССР и РСФСР. Советская символика (пятиконечная звезда, серп и молот, силуэт кремлёвской башни) использовалась в декоративном убранстве улиц, домов, официальных помещений.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг., в связи с усилением в стране общего интереса к истории, краеведению, старинным памятникам архитектуры постепенно меняется и отношение к геральдике, гербам. Последние начинают рассматриваться не как пережиток эксплуататорского общества, а как памятники культуры и исторические источники, рассказывающие об истории города и области, как средство воспитания гражданственности и патриотизма. Поэтому, начиная с середины 1960 гг., в ряде советских городов разрабатываются и утверждаются новые советские гербы [Корников: 199—201]. По имеющимся сведениям, в Нижегородской области за годы советской власти было разработано и утверждено местными органами власти девять гербов городов: Бор (1979 г.), Выкса (1984 г.), Городец (1984 г.), Дзержинск

(1984 г.), Заволжье (1984 г.), Кстово (1983 г.), Кулебаки (1976 г.), Павлово (1980 г.) и рабочего поселка Ковернино (1988 г.) [Кривошапка, Соболева 1998: 328—335].

Хронологически первым был утвержден герб города Кулебаки в 1976 г.: «Щит пересечен. В верхнем червленом поле идущий золотой олень. В нижнем зеленом поле золотой сталелитейный ковш, обрамленный золотой же шестеренкой. В золотой вершине щита название города» [Соболева 1998: 335]. Золотой олень указывал на старинную эмблему края. Сталелитейный ковш и шестеренка показывали развитие в городе металлургической промышленности.

Гербы, разработанные в данный период, были выполнены людьми, не имевшими геральдического образования, они обладали недостатками, свойственными многим гербам советского периода. В них часто нарушались правила геральдики: в гербовом поле металл накладывался на металл, на гербовом щите давалось название города. Характерной чертой многих гербов было стремление отразить в первую очередь наличие в городе тех или иных отраслей народного хозяйства, действующих промышленных предприятий.

В советский период гербы имели чисто декоративное значение, их изображали на значках, плакатах, использовали в оформлении улиц и площадей, но на печатях местных учреждений по-прежнему использовали изображения герба РСФСР. В настоящее время из девяти советских гербов семь используются в качестве действующих. При этом ряд советских гербов после геральдической доработки был утвержден Геральдическим советом при Президенте и занесен в Геральдический регистр России. К ним относятся гербы города Выкса, Городецкого и Павловского районов. Несколько бывших советских гербов используются в качестве действующих, но без утверждения Геральдического совета при Президенте Российской Федерации и без занесения в Геральдический регистр России. Это гербы городов Бор, Дзержинск, гербы Ковернинского и Павловского муниципальных районов.

Бурное развитие геральдики Нижегородской области начинается с начала 1990-х гг. Этому способствовал распад Советского Союза, принятие конституции 1993 года и законов о местном самоуправлении 1995 и 2003 гг. Особенностью геральдики области было то, что в регион вошло достаточно большое количество городов, имевших дореволюционные гербы. К ним относятся гербы Арзамаса, Ардатова, Балахны, Варнавина, Василя, Ветлуги, Горбатова, Княгинино, Курмыш, Лукоянова, Макарьева, Нижнего Новгорода, Перевожа, Починкова, Семенова, Сергача. Таким образом, область получила большое геральдическое наследие, включая нижегородский губернский герб: в серебряном поле червленый идущий олень с черными копытами и рогами рога о шести отростках.

В 1996 г. 10 сентября решением Законодательного собрания Нижегородской области был принят закон № 42-З «О гербе Нижегородской области». В соответствии с ним в качестве герба области был принят исторический герб Нижегородской губернии, который был утвержден 8 декабря 1856 г. императором Александром II. Областной герб имел следующее описание: «Герб Нижегородской области представляет собой помещенное на геральдическом щите изображение идущего в серебряном поле червленого оленя, имеющего рога с шестью отростками и черные копыта; геральдический щит увенчан исторической Российской короной и обрамлен золотыми дубовыми листьями, соединенными исторической андреевской лентой» [Геральдика...].

Данное описание за небольшими деталями практически полностью повторяло описание губернского герба 1856 г. В частности, в описании 1856 г. слова «Императорской короны» заменили на «исторической Российской короны», хотя в рисунке герба использовалось изображение именно императорской короны. Областной герб 1996 г. не внесён в Геральдический регистр Российской Федерации из-за несоответствия методическим рекомендациям Геральдического совета при Президенте РФ. В частности, герб Нижегородской области как герб субъекта Федерации не может иметь внешних обрамлений в виде дубового венка и Андреевской ленты, а также императорской короны. В настоящее время в области ведется работа по уточнению эмблемы региона.

Решением от 15 октября 1992 г. № 11/9 Нижегородского городского Совета народных депутатов был восстановлен исторический герб города. Но в отличие от герба 1781 г. щит был окружён золотыми дубовыми листьями, перевязанными лентой цветов национального флага России» [Heraldicum...].

Позднее этот герб с небольшими изменениями был переутвержден Постановлением городской Думы города Нижнего Новгорода от 20 декабря 2006 г. № 96. Он имеет следующее описание: «На серебряном щите идущий червлёный олень, рога, глаза и копыта черные. Щит увенчан золотой башенной короной о пяти зубцах, окруженной по обручу золотым лавровым венком, и обрамлен по сторонам и снизу лентой ордена Ленина». За его основу принят герб 1781 г. с дополнением над щитом. Герб был одобрен Геральдическим Советом при Президенте и внесён в Геральдический регистр Российской Федерации под № 3062 [Геральдика...].

В соответствии с законодательством о местном самоуправлении на начало 2021 г. в Нижегородской области имелось 278 муниципальных образований. Из них 52 являются муниципальными образованиями второго уровня (городские, муниципальные округа и муниципальные районы) и 224 — первого уровня (сельские и городские поселения). Из 52 муниципальных образований второго уровня на начало 2021 г. 47 имели гербы. Не имели своих гербов Балахнинский и Дивеевский муниципальные округа, а также Варнавинский, Шатовский и Шарангойский муниципальные районы. Шатовский и Шарангойский муниципальные районы на своих сайтах используют некие гербовидные эмблемы.

Из 47 муниципальных образований этого уровня 11 образований имели не полностью оформленные гербы, т. е. гербы были утверждены органами местного самоуправления, но не были одобрены Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации и не внесены в Государственный геральдический регистр нашей страны (городские округа Бор, Дзержинск, Саров и Семенов).

Что касается 226 муниципальных образований первого уровня, то утвержденные гербы имеют 9 городских поселений (Ардатов, Балахна, Богородск, Васильсурск, Володарск, Заволжье, Княгинино, Кстово, Лысково) и 3 сельских (Золинское, Курмышское и Мулинское) [Геральдика...].

Городские поселения Балахна, Володарск, Заволжье, Княгинино, Кстово используют гербы, официально утвержденные Советами народных депутатов городских поселений, но без регистрации в Государственном геральдическом регистре. Городское поселение Ардатов использует в качестве официальной эмблемы герб Ардатовского муниципального района.

Таким образом, на начало 2021 г. гербы, утвержденные органами местного самоуправления, имело лишь 59 муниципальных образований Нижегородской области, что составляет 21 % от количества муниципальных образо-

ваний. Из 59 гербов 17 не были одобрены Геральдическим советом при Президенте России и не внесены в Геральдический регистр РФ.

Все имеющиеся муниципальные гербы условно можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся гербы муниципальных образований, разработанные на основе исторических дореволюционных гербов. В неё входят гербы четырнадцати муниципий: Ветлужского, Княгининского, Лукояновского и Сергачского муниципальных районов; Лысковского, Починковского муниципальных округов; городских округов Арзамаса, Перевожа, Семеновского и Нижнего Новгорода; городских поселений Балахна, Васильсурска и Княгинино; сельского поселения Курмышское. Вторую группу составляют гербы муниципальных образований, не имеющие исторической основы и заново разработанные в последние годы Союзом геральдистов России или местными авторами. Это наиболее многочисленная группа и к ней можно отнести гербы 45 муниципий. Вначале рассмотрим примеры гербов первой группы.

Город Княгинино получил свой герб в 1781 г. На гербе было изображено: «В верхней части щита герб Нижегородский, а в нижней — золотые отрезки в зеленом поле, в знак изобильного хлебопашества в окрестностях сего города». Под отрезками имелись в виду металлические части плуга. На основе исторического герба решением Земского собрания Княгининского района № 21 от 11 апреля 2016 г. был принят современный герб района: «В зелёном поле с включенной пурпурной оконечностью — княжеская шапка над двумя показанными поверх границы оконечности золотыми плужными отрезками, остриями врозь, а втулками вверх и в стороны» [Heraldicum...].

Особенностью геральдики Нижегородской области является то, что в современной областной геральдике используется историческое наследие не только Нижегородской губернии, но и тех городов, которые до революции входили в соседние губернии. Так произошло, например, с гербом уездного города Курмыш Симбирской губернии. В настоящее время это село Пильнинского района Нижегородской губернии. Дореволюционный герб города Курмыша используется в качестве эмблемы Курмышского сельсовета» [Геральдика...].

Говоря об использовании исторических гербов Нижегородского края, необходимо отметить, что ряд дореволюционных гербов не востребован в настоящее время: городов Ардатова, Варнавино, Горбатова. Так, например, вместо старинного уездного герба Ардатова 1781 г. — два железных молота в зеленом поле — решением Земского собрания Ардаатовского муниципального района № 31 от 22 июня 2007 г. был принят герб со следующим описанием: «В золотом поле над ельчатой зелёной оконечностью — червлёный скачущий олень настороже, имеющий чёрные копыта и на чёрных рогах — лазоревые цветки льна без числа» [Геральдика...].

Такова группа муниципальных гербов, созданных на основе исторических гербов. Необходимо отметить, что при трансформации исторических гербов в современные, из исторических, как правило, не брали эмблемы из верхней части герба, указывающие на вхождение этого города в состав соответствующей дореволюционной губернии. Исключение составляют современные гербы городского округа Семеновский, городских поселений Балахна, Княгинино, которые почти полностью повторяют соответствующие гербы 1778 г. Так, современный герб городского поселения Балахна в соответствии с Решением городской Думы № 85 от 16 ноября 2006 г. имеет следующее описание: «Герб города Балахны имеет в основе историческое изображение герба города Балахны и выполнен в виде щита серебряного цвета, в верхнем

поле которого помещаются элементы герба Нижегородской области: красный олень, рога и копыта черные, в нижнем поле — две красные кокоры» [Heraldicum...]. В 2009 г. Земское собрание Балахнинского района Нижегородской области заключило соглашение с городской Думой города Балахны о совместном использовании герба муниципального образования «город Балахна»» [Heraldicum...].

В целом необходимо отметить, что регион отличается большим количеством гербов, опирающихся на исторические традиции — 22 % из числа имеющих гербы. Такая ситуация далеко не случайна, так как Нижегородская область относится к числу исконных территорий России, имеющих богатое историческое прошлое, в том числе и геральдическое.

Вторую, достаточно многочисленную группу гербов (78 %), составляют гербы, созданные за последние 20—25 лет. Её можно условно разделить на несколько подгрупп: 1) гласные гербы; 2) гербы, в которых нашли отражение различные отрасли экономики (промышленность, сельское хозяйство, народные промыслы); 3) гербы, отразившие природные, географические особенности муниципий; 4) гербы, запечатлевшие исторические события; 5) гербы, созданные на основе дворянских родовых гербов.

Рассмотрим первую подгруппу — гласные гербы. К данной категории, как известно, относятся гербы, гербовые фигуры которых, цвета, металлы указывают на название города или района, которым принадлежит герб. Данные гербы являются наиболее «геральдическими», и на их создание в первую очередь направлены рекомендации и Геральдического совета при Президенте Российской Федерации и Союза геральдистов России.

К этой категории гербов относятся гербы Кстовского муниципального района; Богородского и Уреньского муниципальных округов; Сокольского городского округа, Богородского и Кстовского городских поселений. Наиболее полно и точно это передано в гербах Кстовского района и Кстовского городского поселения. На мордовском языке «ксты» означает земляника. На гербе этих муниципий даны изображения ягод земляники.

Гербы района и поселения отличаются тем, что в гербовый щит района введены три волнистых узких пояса.

Подгруппа гербов, рассказывающих об отраслях промышленности, сельского хозяйства, ремёсел, достаточно многочисленна — 22 герба, составляющих 37,2 %. В этих гербах часто встречаются изображения корабля (Навашинский, Чкаловский городские округа; Павловский муниципальный округ; Городецкий муниципальный район), что указывает на развитие в этих районах судоходства и судостроения. В гербах ряда муниципий встречаются отдельные колосья или снопы хлеба, типичные эмблемы сельскохозяйственного профиля этих районов (Краснооктябрьский и Спасский муниципальные районы).

Достаточно большую группу — 15,7 % — составляют гербы, в которых нашли отражение географические и природные особенности муниципий. В частности, очень часто встречаются изображения птиц: гуся (Арзамасский район, глухаря (Сосновский район), лебедя (Вадский муниципальный округ).

Четвертую группу (7 гербов) составляют гербы, в которых запечатлелись исторические события, связанные с данным районом. В этом отношении интересен герб Воскресенского муниципального района. На территории этого района расположено озеро Светлояр, с которым связана известная легенда о древнем граде Китеже. Поэтому разработчики герба основной эмблемой сде-

лали серебряный город с церквями и колокольнями как аллегория на тему легенды о граде Китеже [Геральдика...].

Последнюю подгруппу гербов, созданных в новейшее время, составляют те, основой которых стали старинные дворянские родовые гербы. Это интересная подгруппа муниципальных гербов, редко встречающаяся в геральдическом пространстве других регионов. Среди гербов Нижегородской области имеется два герба, относящихся к этой группе: городов Воротынска и Выкса. В гербе Воротынска использована эмблема князей Черниговских (чёрный одноглавый орел с распростертыми крыльями и золотой короной на голове, держащий в левой лапе большой золотой крест), из ветви которых происходили князья Воротынские, владевшие в данном районе в XVI—XVII вв. именем [Heraldicum...]. В гербе города Выкса использована эмблема герба дворянского рода Баташовых (восстающий серебряный единорог). Братья Баташовы в середине XVIII века создали в городе металлургическое производство, которое обеспечило процветание данного города [Геральдика...].

Гербы Нижегородского края активно изображаются не только на печатях областных, городских и сельских администраций, но и в убранстве улиц городов и посёлков. Геральдические эмблемы часто воспроизводятся на нижегородских сувенирах, на продукции нижегородских предприятий.

Завершая наш обзор современной геральдики области, можно отметить следующие её характерные черты. Во-первых, большая часть муниципальных образований области еще не имеет своих гербов (около 80 %). Это гораздо больше, чем в соседних регионах. Во-вторых, в области имеется значительное количество гербов, не одобренных Геральдическим советом при Президенте и не внесенных в Геральдический регистр России, в том числе и герб региона. В-третьих, для геральдического пространства края характерно то, что значительное количество муниципальных образований имеют гербы, основывающиеся на исторических символах, созданных ещё до революции. В-четвёртых, среди вновь разработанных гербов в последние 20—25 лет доминируют гербы, показывающие специфику отраслей промышленности, сельского хозяйства, ремёсел. В-пятых, среди гербов региона имеется группа гербов, созданная на основе старинных дворянских родовых гербов. Это интересная подгруппа муниципальных гербов, редко встречающаяся в геральдическом пространстве других регионов.

Таким образом, существующее геральдическое пространство области передаёт историю, географию этого древнего российского края, но вместе с тем ставит перед местными властями задачу по дальнейшей разработке гербов для муниципий, не имеющих свои символы, используя геральдические наработки прошлого и современности.

Список источников

Геральдика.ру. URL: <http://www.geraldika.ru> (дата обращения: 01.12.2021).

Гербовник знамен Российской империи, содержащий рисунки гербов городов, провинций, а также знамен полков, их гербов и знаков // РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 1.

Гербы губерний и областей Российской Империи. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1880. 83 с.

Гербы регионов России. № 55. Нижегородская область. М.: АРИА-АиФ, 2016. 16 с.

- Древности Российского государства. Отд-ние 2: Древний чин царский, царские утвари и одежды. М.: Тип. Александра Семена, 1851а. 142 с.
- Древности Российского государства. Отд-ние 2: Альбом. М.: Тип. Александра Семена, 1851б. 147 с.
- Древности Российского государства. Отд-ние 5. М.: Тип. Александра Семена, 1851в. 143 с.
- Изображения губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров. СПб.: [б. и.], 1794. 16 с.
- Корб И. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1906. 322 с.
- Опись Московской оружейной палаты. М.: [б. и.], 1884. Ч. 3, кн. 1. 130 с.
- Знамена, прапоры, значки, флаги и штандарты.
- Полное собрание законов Российской империи: собрание первое. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В., 1830. Т. 21. 1083 с.
- Полное собрание законов Российской империи: собрание второе. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1835. Т. 32, отд. 1. 1066 с.
- Полное собрание законов Российской империи: собрание третье. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1886. Т. 2. 493 с.
- Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 г. СПб.: Изд-во С.-Петербург. археол. ин-та, 1903. 210 с.
- Символика Нижегородской области: документы, материалы, исследования. Н. Новгород: Европолиграф, 1996. 60 с.
- Эмблемы и символы. М.: Интрада, 2000. 368 с.
- Heraldicum. URL: <http://www.heraldicum.ru> (дата обращения: 01.11.2021).

Список литературы / References

- Корников А.А. Российская геральдика: курс лекций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 236 с.
(Kornikov A.A. Russian heraldry: A course of lectures. Ivanovo, 2019, 236 p. — In Russ.)
- Кривошопка А.И. и др. Алфавитный каталог городов, поселков, сел, губерний и областей России, СНГ, бывших союзных республик СССР, имеющих старые и современные гербы // Гербовед. 1993. № 1. С. 6—43.
(Krivoshapka A.I. et al. Alphabetical catalog of cities, towns, villages, provinces and regions of Russia, CIS, former Soviet Union republics with old and modern coats of arms, *Herbologist*, 1993, no. 1, pp. 6—43. — In Russ.)
- Рево О. Гербы городов Нижегородской губернии // Наука и жизнь. 1974. № 2. С. 96.
(Revo O. Coats of arms of the cities of the Nizhny Novgorod province, *Science and Life*, 1974, no. 2, p. 96. — In Russ.)
- Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1981. 263 с.
(Soboleva N.A. Russian city and regional heraldry of the XVIII—XIX centuries. Moscow, 1981, 263 p. — In Russ.)
- Соболева Н.А. и др. Гербы городов России: альбом-справочник. М.: Профиздат: Отечество, 1998. 480 с.

(Soboleva N.A. et al. Coats of arms of Russian cities: Album-reference. Moscow, 1998, 480 p. — In Russ.)

Чеботарев Х. Географическое методическое описание Российской империи с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще. М.: Изд-во Унив. тип., 1776. 540 с.

(Chebotarev H. Geographical methodical description of the Russian Empire with a proper introduction to a thorough knowledge of the globe and Europe in general. Moscow, 1776, 540 p. — In Russ.)

Шипунов В.А. Геральдический экскурс по Нижегородской области // Гербовед. 2003. № 65. С. 112—114.

(Shipunov V.A. Heraldic excursion to the Nizhny Novgorod region, *Herbologist*, 2003, no. 65, pp. 112—114. — In Russ.)

Яковлев Л. Русские старинные знамёна. М.: Синод. тип., 1865. 383 с.

(Yakovlev L. Russian old banners. Moscow, 1865, 383 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 4.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 4.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 01.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Корников Аркадий Андрианович — доктор исторических наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, histgerb@mail.ru

Kornikov Arcady Andrianovich — Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, histgerb@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 113—122.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 113—122.

Научная статья

УДК 271.2(091)(574)''18/19''

DOI: 10.46726/И.2022.1.11

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СРЕДИ РАСКОЛЬНИКОВ В КАЗАХСТАНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Закиш Тулехановна Садвокасова

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
г. Алматы, Казахстан, tungatar_k@mail.ru

Аннотация. Деятельность миссионеров в Казахстане во второй половине XIX — начале XX века была связана не только с привлечением инородцев в лоно православия. Миссионеры вели борьбу против сектантского движения и усиливающегося раскольниковства (старообрядничества), получившего распространение среди русских крестьян-переселенцев. Оказавшись в новой среде, новоселы не всегда чувствовали поддержку со стороны церкви и правительства, что нередко служило причиной отказа от православия. Проживавшие по соседству с казахами раскольники создавали образ недоброго русского человека, что наносило большой вред проповеди православия. Миссионеры вели разъяснительную работу среди казахского населения по поводу не богоугодного образа жизни раскольников, которые еще и своим агрессивным отношением к кочевникам влияли на принятие ими решения по вопросу перехода в новую веру.

В статье на основе документальных материалов и печатных изданий XIX — начала XX века дается краткая характеристика раскольников, освещается их положение в казахской степи, приводятся примеры их взаимоотношений с казахами. Рассматриваются направления миссионерской деятельности среди раскольников. Работа проповедников православия среди раскольников не всегда приводила к желаемым результатам. Успехи в этом деле чередовались с неудачами, когда раскольники после продолжительных бесед и увещаний миссионеров отказывались возвращаться в православие и оставались верными своим взглядам. Тем не менее следует отметить, что количество присоединенных к православию раскольников в начале XX века превышало численность отпавших от церкви.

Ключевые слова: казахи, церковь, православие, переселенцы, раскольники, старообрядцы

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения проекта по грантовому финансированию КН МОН РК AP08855385 по теме «Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане: деятельность и результаты (XIX — начало XX века)».

Для цитирования: Садвокасова З.Т. Миссионерская деятельность среди раскольников в Казахстане (вторая половина XIX — начало XX века) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 113—122.

© Садвокасова З.Т., 2022

Original article

**MISSIONARY ACTIVITY
AMONG DISSENTERS IN KAZAKHSTAN
(THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURY)**

Zakish T. Sadvokasova

Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology,
Almaty, Kazakhstan, tungatar_k@mail.ru

Abstract. The activity of missionaries in Kazakhstan in the second half of the XIX — early XX century was associated not only with attracting foreigners to the bosom of Orthodoxy. The missionaries fought against the sectarian movement and the increasing devise (Old Believers), which became widespread among the Russian peasant settlers. Finding themselves in a new environment, the new settlers did not always feel the support of the church and the government, which often served as a reason for rejecting Orthodoxy. The dissenters who lived next door to the Kazakhs created the image of an unkind Russian man, which caused great harm to the preaching of Orthodoxy. The missionaries conducted explanatory work among the Kazakh population about the non-godly lifestyle of the schismatics, who also influenced their decision-making on the issue of conversion to the new faith by their aggressive attitude towards the nomads.

The article, based on documentary materials and printed publications of the XIX — early XX century, gives a brief description of the dissenters, highlights their position in the Kazakh steppe, and provides examples of their relationship with the Kazakhs. The directions of missionary activity among schismatics are considered. The work of Orthodox preachers among schismatics did not always lead to the desired results. Successes in this matter alternated with failures, when the dissenters, after lengthy conversations and exhortations from missionaries, refused to return to Orthodoxy and remained true to their views. Nevertheless, it should be noted that the number of schismatics, who joined Orthodoxy at the beginning of the XX century exceeded the number of those who fell away from the church.

Keywords: Kazakhs, church, Orthodoxy, migrants, dissenters, Old Believers

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the project on grant financing of the KN MES RK AP08855385 on the topic “Muslim and Orthodox missionaries in Kazakhstan: activities and results (XIX — early XX century)”.

For citation: Sadvokasova Z.T. Missionary activity among dissenters in Kazakhstan (the second half of the XIX — early XX century), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 113—122.

Современные исследования историков по проблеме деятельности проповедников православия среди раскольников представлены работами, посвященными изучению возникновения и развития миссионерства в Русской Православной Церкви в отношении сектантства и старообрядчества. Хронологические рамки охватывают вторую половину XIX — начало XX века. В трудах освещается миссионерская деятельность в различных регионах Российской империи [Катькова; Михайлова; Секирин]. Особое внимание уделяется «анализу миссионерской деятельности Православных церковных братств и Православного миссионерского общества среди сектантов и старообрядцев

как части церковной политики в отношении данных религиозных групп населения во второй половине XIX века» [Секирин: 67]. Объектом исследований является процесс создания института миссионерства, его формы, пути, способы борьбы со старообрядцами. В некоторых публикациях перечисляются имена и фамилии особо отличившихся миссионеров РПЦ, приводятся «несколько примеров привлечения миссионерами старообрядцев в лоно РПЦ» [Катькова: 60]. Такие факты получали высокую оценку служителей церкви.

Ученые описывают изменение политики государства и РПЦ по отношению к Старообрядческой церкви вследствие указа «Об укреплении начал веротерпимости», а также раскрывают его последствия. Для нашего исследования особенно привлекательны публикации, в которых нашло отражение положение старообрядничества на территории Казахстана [Андрусенко, Антипин: 7]. Так в статье, раскрывающей деятельность РПЦ, «представлен административный аппарат миссионеров в Оренбургской епархии. Произведена попытка охарактеризовать реакцию Старообрядческой церкви на изменение политики по отношению к религии» [Андрусенко, Антипин: 16].

Некоторые выводы ученых, на наш взгляд, не вполне корректны. Так, в публикации Ю.А. Лысенко, утверждение, что взаимоотношения Русской православной церкви со старообрядничеством и сектантством «носили жесткий характер» [Лысенко: 138] в выявленных и изученных нами документах не получили подтверждения. Использование всего доступного арсенала методов и средств на борьбу со старообрядничеством и сектантством имеет непосредственное отношение к миссионерству в целом, а не только к указанным категориям отступников церкви. Превентивные меры в деле защиты «православных жителей с целью пресечения их перехода в раскол» [Лысенко: 138] применялись и к желающим принять ислам, русским переселенцам.

Анализ публикаций по проблеме миссионерской деятельности среди раскольников позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемая проблема недостаточно изучена. Труды, освещающие работу православных проповедников, направленную против расколичества в Казахстане, не дают полную картину миссионерской деятельности. Поэтому, исследование по данной тематике является целесообразным, и предлагаемая статья окажет пользу в дальнейшем изучении проблемы.

Во второй половине XIX века в связи с отменой крепостного права усилилось переселение русских крестьян на территорию Казахстана. Царское правительство и Русская православная церковь старались не оставлять без внимания религиозную жизнь переселенцев, оказавшихся в новых условиях проживания в окружении иноверцев. Выдвигалась задача по пропаганде православия среди казахов, показывающая вредность ислама и превосходство религии царя и его чиновников. Не менее серьезной задачей в указанный период была борьба с сектантством и расколичеством, которого придерживались отдельные русские переселенцы. В отношении тех и других проводилась миссионерская работа православной церкви в Казахстане. Разрабатываемые правила, положения и уставы миссионерских учреждений предусматривали многочисленные формы деятельности проповедников православия, заключающиеся в церковной проповеди, увещательных беседах, разоблачениях заблуждений, устройстве школ и библиотек.

В предисловии к историческому очерку русского религиозного разномыслия указывается значение слова «раскол». Дается внешнее описание и поведение раскольника: «Грубейшее невежество, борода, кафтан, ссора с приходским

священником и бумажная война с чиновником» [Андерсон: 1]. Данная характеристика в полной мере соответствует образу раскольника, встречающаяся в документах церковных служителей, миссионеров и чиновников.

Предпринимались попытки деления общей массы раскольников на категории по степени вредности, чтобы в отношении «более вредных» из них принимать и более энергичные меры борьбы» [Андерсон: 236]. Позднее, после издания закона от 3 мая 1883 года, от ранее разработанных и последующих классификаций отказались, поэтому в документах и материалах рассматриваемого периода используется общее понятие «раскольник», «старообрядничество» [Андерсон: 237].

Первые сведения о расколниках среди русских переселенцев в казахской степи появляются во второй половине XIX века. Они связаны с образованием новых поселков, одной из которых была станица Акан Бурлукская, в Атбасарском уезде Акмолинской области. В 1857 году переселенцами была построена церковь, но к 1862 году они перестали ее посещать. Жители станицы не принимали священников, не крестили своих детей и стали отвергать иконопочитание. Между переселенцами в количестве 326 человек все чаще стал возникать между собой спор об исповедании веры. Еще больше усугубила ситуацию необходимость поправки церкви за счет прихожан как внутри, так и снаружи. Вследствие чего «казак Иван Караганов, как отступник от православной веры и Апостольской церкви, ударяя себя в грудь кулаком, произнес, что вот где церковь, а Вашего пустого амбара я караулить не буду и никогда его не наполнишь» [ЦГА РК: ф. 64, оп. 1, д. 354, л. 2]. Показательным в этом факте является то, что казаки не видят в церкви место избавления от своих невзгод и проблем. К ним добавлялись поборы церкви, ложившиеся тяжелым бременем на плечи русского населения, о чем и заявлял возмущенный казак.

Подтверждением высказываний казака относительно поборов являются выдержки из книги «Записки степняка», в которой указывается, что материальное богатство церкви и ее служителей складывалось путем различных сборов с прихожан и других средств. Русский писатель А.И. Эртель отмечал: «Свадьба ежели — 3 десятины ему (попу) уберешь, крестины — полнивы, молебн — свезешь ему копны с десятины, похоронить ежели — молоти ему 10 дней» [Корзун: 188—189]. Недовольство русского населения церковными поборами, разногласия с церковью, поиск других путей духовной поддержки и утешения привели к распространению сектантских учений: адвентизма, духоборчества, баптизма, штундизма, молоканства и других. Управляющий канцелярией Синода В.К. Саблер доказывал, что «церкви грозит опасность в первую очередь от этих сект и раскола» [Клибанов: 443].

Причины распространения раскола среди русского населения пыталось выявить гражданское начальство, которое в определенном смысле обвиняло в этом церковь и ее служителей. Усилению раскола, по мнению Оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского, «благоприятствовали малочисленность духовенства и церквей, которых приходилось по одной на 3000 и более душ, — это при рассеянности населения на огромном пространстве; далее неподготовленность духовенства, делавшая его бессильным к отпору раскола и, наконец, малообеспеченность, приводившая к необходимости, прежде всего, заботиться о насущном куске хлеба» [Чернавский: 617]. Можно заметить, что наряду с объективными обстоятельствами, затруднявшими борьбу с раскольников, имели место и субъективные факторы.

Усиление раскольников в Российской империи и ее национальных регионах поставило задачу выработать организационные мероприятия по борьбе с данным явлением. В 1887 году в Москве проходил первый Всероссийский миссионерский съезд, разработавший ряд предложений против представителей русского религиозного разномыслия, среди которых выделяется «отбирание детей у упорствующих раскольников и сектантов, а сих родителей лишить прав гражданства» [Клибанов: 442]. Предлагаемые жесткие меры были остро встречены российской общественностью, вызвали возмущение прогрессивной печати. Не исключено, что благодаря такой реакции, эти предложения не были реализованы, поскольку в документах рассматриваемого периода данные факты не выявлены.

Проведение миссионерской деятельности среди раскольников находилось под контролем и вниманием Оренбургской Духовной консистории, предписывавшей исполнение правил и наставлений о морально-нравственном воздействии на паству. Опираясь на решение следующего миссионерского съезда, проходившего в 1891 году в Москве, на котором обсуждался вопрос о сущности учений отдельных сект, духовным учреждением был разработан ряд пунктов по организации работы среди раскольников. Они касались богослужения и совершения других церковных треб, миссионерской деятельности, частной жизни и других вопросов.

Особо обращалось внимание на порядок проведения церковной службы, необходимо было совершать ее «по чину и благоговейно, читать ясно и внятно, пения придерживаться старинного и умиленного, и избегать пения крикливого и чуждого церковного характера, крестное знамение возлагать на себя истово, с благоговением и так же священники должны благословлять народ» [ЦГА РК: ф. И-706, оп. 2, д. 3, л. 91]. Кроме этого, следовало служить по воскресным и праздничным дням вечерню по уставу со всевозможной торжественностью, производить звон в большой колокол. В число обязанностей церковных служителей входило выполнение следующих предписаний: произносить проповеди, вести беседы о предметах веры и нравственности, назидательные поучения, чтение жития святых и т. д.

Требовалось учитывать взгляды раскольников, чтобы осторожно приближать их в лоно православной церкви. Оренбургская духовная консистория, разрабатывая меры по борьбе с раскольниками отмечала, что миссионерская деятельность должна направляться к разъяснению «истин Святой веры, правил христианской жизни, обрядов и таинств православной церкви, которые составляют предмет разномыслия отделяющихся от Святой церкви. Священник должен открывать беседы миссионеров, которые должны начинаться совершением обычной молитвы, затем читать двойное Евангелие или обратиться с простою краткою речью с объяснением цели прибытия миссионера и с приглашением старообрядцев внимательно выслушать миссионера и беседовать с ним, руководствуясь желанием познать истину» [ЦГА РК: ф. И-706, оп. 2, д. 3, л. 91 об.].

Не ограничиваясь указанными действиями, священнослужителям предписывалось выбирать из среды прихожан людей, способных вести собеседования с раскольниками и сектантами о предметах их разномыслия с церковью, оказывать содействие этим лицам. В помощь им выделялись необходимые книги с наставлениями, указаниями с ясным и вразумительным изложением учения православной церкви. Также они снабжались брошюрами, листками с кратким и основательным раскрытием заблуждений раскольников

и сектантов. Миссионеры должны были наблюдать за книгоношами, нередко распространяющими вредное учение и «доносить епархиальному начальству о каждом таком случае» [ЦГА РК: И-706, оп. 2, д. 3, л. 92].

В частной жизни раскольников предлагалось «посещать своих пасомых и духовных чад в разных обстоятельствах их жизни радостных и печальных – со словом утешения и назидания, наставления и исправления, в видах достижения этим путем более тесного и духовного единения и сближения их с пасомыми» [ЦГА РК: ф. И-706, оп. 2, д. 3, л. 92 об.]. Помимо перечисленных мер, приходские священники должны были ежегодно представлять Епархиальному начальству сведения о числе сектантов и немедленно доносить о появлении лжеучителей и случаях отступления: «Далее, чтобы священники имели особое попечение о православных, живущих в сектантских семьях и подвергающихся притеснениям и насилиям со стороны сектантов за православную веру, и о том донести в установленном порядке, с изложением фактов, епархиальному начальству» [ЦГА РК: ф. И-706, оп. 2, д. 3, л. 92 об.].

Указанные меры, по мнению церковных служителей, должны были привести к сокращению численности раскольников в России, так как «отщепенцы церкви» являлись серьезной помехой в деле распространения официального православия. Миссионеры нередко в своих отчетах указывали на факты, противодействующие их деятельности, связанные с проживанием раскольников среди казахов. В одном из донесений епископу Оренбургскому и Уральскому Макарию о поездке в 1893 году в казахские степи священник писал, что ему приходилось сталкиваться с раскольниками.

Беседы с казахами, которые проводил проповедник православия на религиозные темы, должны были оказать влияние на их решение относительно принятия новой веры. Однако на его пути вставало неожиданное препятствие в лице раскольников. Посещение казахских зимовок чередовалось с пребыванием на заимках русских переселенцев. Если одни строго придерживались требований русской православной церкви, то другие своим поведением показывали свое негативное отношение к ней. Миссионер дает одному крестьянину характеристику яркого раскольника, отсидевшего в тюрьме за свои отзывы о церкви. Проповедник отмечает, что «он строго следует своим задачам, распространяя свою мнимую старую веру между русскими заимскими соседями. Так лукавыми путями роняет авторитет православного священника в глазах простого и темного люда, передавая ему, что будто бы он доподлинно знает из фактов, воочию им замеченных, что русские священники есть только обиратели и ходят служить литургию напившись, наевшись и накурившись и т. п.» [ЦГА РК: ф. И-25, оп. 1, д. 1426, л. 45].

Миссионеру такие высказывания осложняли работу, так как эти отзывы доходили и до казахов, строго придерживающихся требований шариата, запрещающего употребление спиртного. Услышанные высказывания отражались на их религиозных взглядах. У казахов складывалось мнение о том, что если служители церкви ведут неподобающий образ жизни, то естественно, не лучшим образом обстоит дело с прихожанами.

Пытаясь разубедить раскольника в несправедливой оценке жизни и деятельности православных священников, миссионер «в подробностях рассказал историю присоединения к церкви Божией целого хутора в 280 душ самых ярых раскольников, в Орском уезде» [ЦГА РК: ф. И-25, оп. 1, д. 1426, л. 67].

О встрече с раскольниками и попытке присоединить их к православной церкви писал в своих записках миссионер Буконского стана Киргизской

миссии Ефрем Елисеев. В работе он описывает место, выбранное раскольниками для проживания. Это долина, окруженная со всех сторон непроходимыми горами, находящаяся, по его словам, «на самой окраине нашего государства» [Елисеев: 25]. По выражению миссионера, раскольники забрались в такое недоступное место «не столько с целью охранения своей веры, сколько с целью избежать казенных повинностей и налогов» [Елисеев: 25]. Главной целью посещения миссионером трех раскольничьих деревень было привлечение их к православной церкви. Общение и беседа с раскольниками показали категоричное нежелание быть вместе с православными. Среди этих раскольников были два православных семейства, дававших слабую надежду изменить ситуацию. Но они оказались в полной зависимости от раскольников, так как на приглашение православных «отслужить молебен с водосвятием, они наотрез отказались...».

«Что ты, что ты! Батюшка, — объясняли они при этом причину своего отказа; — уж теперь наши односельчане как бы не стали коситься на нас за то вот, что мы с тобой разговариваем. А кабы мы еще помолились с тобою, то они бы нам проходу не дали и возьмут нас измором... Нет, уж лучше ты один, батя, помолись за нас, а мы молиться с тобой не станем. Боязно уж очень» [Елисеев: 26]. Отказ раскольников садиться за общий стол с православными и другие неблагоприятные действия убедили миссионера в бесполезности его намерений.

Более результативной была деятельность священника села Ивановка Орского уезда, докладывавшего в рапорте 1895 года о проведенной работе среди раскольников. Она заключалась в том, что служитель церкви провел увещание с 4 крестьянами, совратившимися в раскол, чтобы «они оставили свое заблуждение и возвратились в лоно Святой церкви» [ГАОО: ф. 173, оп. 5, д. 10893, л. 9]. Доводя до сведения церковного начальства свои действия, священник отмечает, что «с таковыми многократно производил и производу беседы, призывая их к себе домой или бывая в их домах, всячески увещевая их оставить их раскольническое заблуждение» [ГАОО: ф. 173, оп. 5, д. 10893, л. 9 об.].

Итогом его деятельности стало то, что один возвратился в лоно православной церкви, другой «как видно остался расшатанным в раскольничьих убеждениях и заметно стал более привержен к православию» [ГАОО: ф. 173, оп. 5, д. 10893, л. 10]. Два человека, к сожалению священника, отказались менять убеждения.

Раскольники предпринимали попытки влиять на религиозную жизнь русских переселенцев в Казахстане, склоняя их отказу от православия. О незаконных действиях раскольников против православия докладывал в 1896 году заведующий первым станом Орского уезда, писавший, что «как установлено произведенным мною дознанием» крестьянином одного из хутора открыта раскольничья молельня. Проведенная работа священнослужителя дала неплохие результаты. Из ранее бывших 89 домохозяев, состоящих из старообрядцев, осталось 33 двора. Их владельцы «порицают православие и совращают своих хуторян в их секту», а также являются «совратителями из православия в раскол» [ГАОО: ф. 173, оп. 5, д. 10893, л. 10 об.].

Большую роль в усилении миссионерской деятельности против раскольников сыграл третий миссионерский съезд, проходивший в 1897 году в городе Казань. Съездом были разработаны мероприятия по противодействию развитию раскола и сектантства, принятые во внимание Оренбургской

духовной консисторией. Выделим в сокращенном виде некоторые пункты, касающиеся мер по притеснению раскольников:

— ввиду особо важного значения в деле борьбы с расколом миссионерских собеседований, приглашать епархиальных преосвященных, чтобы они разъясняли подведомственному им духовенству важность собеседований, как существенно важного способа в борьбе с расколом и сектантством;

— для противодействия сектантской среде, действующей обыкновенно против православия сплоченною силою, рекомендовать епархиальным преосвященным содействовать учреждению в приходах, зараженных расколом и сектантством, братствах или обществах ревнителей православия;

— ввиду приготовления из среды самого народа ревнителей борьбы с расколом и сектами рекомендовать епархиальным преосвященным устройство миссионерских школ и миссионерских курсов, если не обособленных, то, по крайней мере, функционирующих в виде отделений при церковно-приходских школах;

— рекомендовать епархиальным преосвященным учреждать при братствах или других находящихся в епархии благотворительных организациях миссионерские фонды, для оказания пособия лицам, оказавшимся в беспомощном состоянии, по обращении их из раскола или сектантства в православие;

— поручить приходским священникам в обязанность вести особую запись раскольников и сектантов с подразделением на две части. Первая — для внесения раскольников и сектантов, значащихся таковыми от рождения, вторая — для уклонившихся в раскол или секту, с указанием числа лет уклонения; один экземпляр этой записи предоставить в консисторию, другой хранить при церкви. А в случае обнаружения новых отклонений в раскол или секту или появления какого-либо нового вредного сектанта, предписать епархиальным священникам немедленно доносить о сем своему епархиальному начальству, для принятия зависящих со стороны сего начальства необходимых мер;

— поручить епархиальному начальству: «буде где окажутся поселки с раскольническим населением, не приписанным ни к одному православному приходу, приписать таковые селения к ближайшим православным приходам, дабы священники сих приходов, в удобных случаях, могли оказывать свое пасторское воздействие на живших в тех селениях раскольников» [ЦГА РК: ф. И-706, оп. 2, д. 4, л. 30—32 об.].

Каждый пункт был важен для миссионерской работы среди раскольников, так как рассматривал и учитывал использование различных приемов для создания препятствий в деле распространения раскола. В помощь православным проповедникам предлагались силы в лице церковных служителей, епархиального духовенства и других. Рассматривалась возможность участия простого народа, для чего следовало проводить его обучение. Открытие различных организаций с целью оказания помощи возвращавшимся должно было закрепить их в рядах православных. Заслуживает особого внимания предложение о дифференцированном подходе к личности раскольника. Такой подход позволял провести анализ ситуации прихода человека к расколу. Не оставлять без присмотра раскольников, приписывая их к православному приходу — такая мера воздействия имела положительные последствия.

Проведенная работа среди раскольников имела определенные успехи. По отчету Православного миссионерского общества в 1912 году 6622 старообрядца были присоединены к православию. В это же время отпало от православия 4249 человека [Клибанов: 439—440]. Как видно из приведенных данных, количество присоединенных к православию раскольников превышало

на 2373 отпавших от него. При этом необходимо принять во внимание царские манифесты и законы о свободе вероисповедания 1905 года, позволившие раскольникам использовать их для своих целей.

Таким образом, раскольники представляли определенную опасность для церкви и государства. Нередко в речах их помимо критики церкви и ее служителей, произносились нелестные отзывы в адрес царя и правительства. Как отмечали отдельные миссионеры «зло открыто стало напирать своею силою на твердыню православия, стремясь подкопать его основы и вырвать из ограды его истинных чад церкви» [Монастырев: 4]. Поэтому, миссионеры учитывали тот вред, который несут раскольники для церкви и государства и направляли свои усилия на борьбу против них.

Список источников

ГАОО (Государственный архив Оренбургской области).

ЦГА РК (Центральный государственный архив Республики Казахстан).

Список литературы / References

- Андрусенко Я.С., Антипин Н.А. Миссионерская деятельность РПЦ среди старообрядничества в Оренбургской епархии в 1905—1917 года // Вестник Южноуральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18, № 3. С. 16—20.
- (Andrusenko Ja.S., Antipin N.A. Missionary activity of the Russian Orthodox Church among the Old Believers in the Orenburg diocese in 1905—1917, *Bulletin of the South Ural State University, series: Social and Humanitarian Sciences*, 2018, vol. 18, no. 3, pp. 16—20. — In Russ.)
- Андерсон В. Старообрядчество и сектанство: исторический очерк русского религиозного разномыслия. СПб., 1908. 460 с.
- (Anderson V. Old Believers and Sectarianism: Historical essay on Russian religious dissent. St. Petersburg, 1908, 460 p. — In Russ.)
- Елисеев Е. Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892—1899 гг.: буконского миссионера, священника. СПб., 1900. 224 с.
- (Eliseev E. Notes of the missionary of the Bukonsky camp of the Kirghiz mission for 1892—1899: Bukonsky missionary, priest. St. Petersburg, 1900, 224 p. — In Russ.)
- Катькова В. В. Миссионерская деятельность русской православной церкви среди старообрядцев в Самарской епархии последней трети XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 60—63.
- (Kat'kova V.V. Missionary activity of the Russian Orthodox Church among the Old Believers in the Samara diocese of the last third of the 19th century, *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2009, vol. 11, no. 2, pp. 60—63. — In Russ.)
- Клибанов А.И. Русское православие: вехи истории. М., 1989. 719 с.
- (Klibanov A.I. Russian Orthodoxy: Milestones in history. Moscow, 1989, 719 p. — In Russ.)
- Корзун М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов, X век — 1917 год. Минск, 1984. 255 с.
- (Korzun M.S. The Russian Orthodox Church in the service of the exploiting classes, X century — 1917 year, Minsk, 1984, 255 p. — In Russ.)

- Лысенко Ю.А. Взаимоотношения Русской православной церкви со старообрядничеством и сектантством в Казахстане (вторая половина XIX — начало XX века) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История и политология. Барнаул, 2010. № 4. С. 138—145.
- (Lysenko Ju.A. The relationship of the Russian Orthodox Church with the Old Believers and sectarianism in Kazakhstan (the second half of the 19th — early 20th century), *Bulletin of the Altai State University, series: History and Political Science*, 2010, no. 4, pp. 138—145. — In Russ.)
- Михайлова Е.Д. Миссионерская деятельность православной церкви в Центральной России в конце XIX — начале XX века: (на материалах Курской епархии) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 16 (154), вып. 32. С. 88—93.
- (Mihajlova E.D. Missionary activity of the Orthodox Church in Central Russia in the late 19th — early 20th century: (On the materials of the Kursk diocese), *Bulletin of the Chelyabinsk State University. History*, 2009, no. 16 (154), iss. 32, pp. 88—93. — In Russ.)
- Монастырев М.Я. О миссионерских противосектантских комитетах в Екатеринбургской Епархии. Екатеринбург, 1891. 168 с.
- (Monastyrev M.Ja. About missionary anti-sectarian committees in the Yekaterinoslav Diocese, Yekaterinoslav, 1891, 168 p. — In Russ.)
- Секирин А.А. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви и церковная политика в отношении сектантства и старообрядчества во второй половине XIX века // Исторические исследования: материалы IV Международной научной конференции. Казань, 2016. С. 67—71.
- (Sekirin A.A. Missionary activity of the Russian Orthodox Church and church policy towards sectarianism and Old Believers in the second half of the 19th century, *Historical research: Materials of the IV International. scientific conference*, Kazan, 2016, pp. 67—71. — In Russ.)
- Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Оренбург, 1901—1902. Ч. 2. 1058 с. (Труды Оренбургской ученой архивной комиссии; вып. 10).
- (Chernavskij N. Orenburg diocese in its past and present, series: Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission, iss. 10, pt. 2, Orenburg, 1901—1902, 1058 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 01.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Садвокасова Закиш Тулехановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, г. Алматы, Республика Казахстан, tungatar_k@mail.ru

Sadvokassova Zakish Tulekhanovna — Doctor of Sciences (History), Professor, State Tax Service, Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republik of Kazakhstan, tungatar_k@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 123—130.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 123—130.

Научная статья

УДК 271.2(091)(571.1)“16/19”

DOI: 10.46726/И.2022.1.12

О ГОСУДАРСТВЕННОМ СЛУЖЕНИИ ДУХОВЕНСТВА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (На материалах Енисейской губернии)

Елена Александровна Шушканова

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика
М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия, shushkanovae@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается место православного духовенства в служилой системе российского государства со времени ее оформления в XV в. В процессе дальнейшего исторического развития служилая система трансформировалась в сторону ослабления государственного подданства сословий. Однако по мере постепенного демонтажа феодальной модели прикрепления всех сословий и классов к обязательной государственной службе статус духовенства в России принципиально не менялся. Указанный феномен социальных отношений описывается на материалах Енисейской губернии второй половины XIX в. Учитывая преимущественно аграрный тип хозяйства Сибири, главное внимание в исследовании уделено сельским приходам. На основании архивных материалов определяются основные функции сельских приходов Русской православной церкви в несении государственной службы, оценивается роль духовенства в реализации общественных задач: государственного делопроизводства, просвещения, образования, воспитания, охраны общественного порядка и пр. Политика встраивания духовенства в систему государственных институтов создавала не только серьезные проблемы внутри духовной корпорации, но и осложняла взаимодействие институтов власти и церкви. Внутри самой Церкви развивались революционные настроения, которые выразились в будущем в поддержке Февраля 1917 г. и широком движении обновленчества.

Ключевые слова: Енисейская губерния, служилая система, крепостное право, духовенство, революция

Для цитирования: Шушканова Е.А. О государственном служении духовенства Русской православной церкви: (на материалах Енисейской губернии) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 123—130.

Original article

ON THE STATE SERVICE OF THE CLERGY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH (Based on the materials of the Yenisei province)

Elena A. Shushkanova

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Krasnoyarsk, Russian Federation, shushkanovae@yandex.ru

Abstract. The place of the Orthodox clergy in the service system of the Russian state since its formation in the XV century is considered. In the process of further historical development, the service system was transformed towards the weakening of the state citizenship of the estates. However, with the gradual dismantling of the feudal model of attaching all estates and classes to compulsory public service, the status of the clergy in Russia did not fundamentally change. This phenomenon of social relations is described on the materials of the Yenisei province of the second half of the XIX century. Taking into account the predominantly agrarian type of economy in Siberia, the main attention in the study is paid to rural parishes. Based on archival materials, the main functions of rural parishes of the Russian Orthodox Church in the performance of public service are determined, the role of the clergy in the implementation of public tasks is assessed: state record keeping, education, public order protection, etc. The policy of embedding the clergy in the system of state institutions created not only serious problems within the spiritual corporation, but also complicated the interaction of government institutions and the church. Revolutionary sentiments developed within the Church itself, which were expressed in the future in support of February 1917 and the broad movement of Renovationism.

Key words: the Yenisei province, service system, serfdom, the clergy, the revolution

For citation: Shushkanova E.A. On the State service of the clergy of the Russian Orthodox Church: (Based on the materials Yenisei province), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 123—130.

Одной из фундаментальных опор российской государственности являлась служилая система. Механизм ее действия традиционно рассматривается на примере дворянства, которое владело землей исключительно на условии пожизненной службы государству. Служба носила преимущественно военный характер (ратная служба), только одна треть представителей каждой дворянской фамилии направлялась на службу административную (приказную). Кроме того, на дворян возлагались задачи управления крестьянами, которые прикреплялись к служебному наделу: сбор податей, суд, помощь в случае неурожая и прочее. Именно служилая система с XV в. превращала дворянство в элиту российского общества, постепенно нивелируя политическое доминирование боярства.

Бояре-вотчинники в плане поземельных отношений имели больше прав: в отличие от поместного дворянства, землями они могли распоряжаться вольно (передавать по наследству, продавать, обменивать). Однако и бояре со временем стали именоваться государевыми холопами, что означало, по словам В. О. Ключевского, статус вечнообязанных подданных. Кроме того, шел процесс стирания различий между вотчиной и поместьем, который завершился известным указом Петра I о единонаследии. Особо следует отметить,

что власть могла переселять служилых людей независимо от социального статуса, с одних земель на другие: так при Иване III московские дворяне испомещались в новгородских землях в целях контроля над мятежным севером. При Иване IV переселение широко распространялось уже на бояр. Продолжалась данная практика и в XVIII в.: при Петре I дворяне переселялись в новую столицу и ее окрестности. Право свободного перемещения за границу (причем только элиты) появилось лишь при Екатерине II.

Наиболее явно связь служилой системы с прикреплением к месту жительства заметна в статусе крестьянства. К концу XVI в. крепостной режим для крестьян утвердился, хотя первоначально ограничение на свободу передвижения касалось не всех членов семьи. Крестьяне, делегируя воинскую службу дворянству, должны были предоставить помещику в качестве компенсации свою трудовую, земледельческую службу. Не остались в стороне от служилой системы и посадские люди, которые прикреплялись либо к городу, либо к посадской общине. Посадский не только не мог изменить место жительства без санкции власти, но даже сменить профессию. На посадских (примерно четверть взрослых душ мужского пола) возлагались «казенные службы»: сбор налогов, переписи, полицейская служба.

Что касается духовенства, то в его состоянии также присутствовали черты государственного закрепощения. По Соборному Уложению 1649 г. духовенство подчинялось Монастырскому приказу — ведомству светскому. Были ограничены имущественные (земельные) права церковью и монастырями. Вводился также запрет на свободный переход из одного прихода в другой, а выборы священников прихожанами упразднялись. Кроме того, в плане личных свобод черное и белое духовенство имело множество ограничений: не могло заниматься торговлей и промышленной деятельностью, выступать поручителями при заключении сделок, посещать театр и пр.

Таким образом, служба государству со временем приобретала всеобщный характер. Власть разверстывала государственные обязанности по всем сословиям и классам. В.О. Ключевский использовал в связи с этим термин «государственное прикрепление сословий», отмечая, что в Московском государстве личное гражданское подданство постепенно трансформировалось в подданство государственное [Ключевский: 95]. Известный специалист по социальной истории России Б.Н. Миронов говорит в этой связи о «всеобщности крепостничества» [Миронов: 96].

Система «всеобщности крепостничества» начала ослабевать и разрушаться в XVIII в., когда дворянство, купечество и часть горожан стали обретать вольности. Важным событием стал манифест Петра III от 18 февраля 1762 г., который освободил дворян от обязательной службы. Единственным ограничением для дворянства было то, что отставка от службы не предоставлялась в ходе военной кампании и за три месяца до нее, в мирное время послабление не распространялось на тех, кто, не имея обер-офицерского чина, не выслужил в войсках 12 лет. Через три года при Екатерине II данные свободы расширились: отменялись телесные наказания, дворяне могли свободно выезжать за границу и получили самоуправление. Но главное, служебный надел превращался в полную частную собственность помещика. Причем параллельно с освобождением дворянства шло перераспределение государственных повинностей на крестьянство: именно тогда крепостное право приобрело отталкивающие черты рабства. Так продолжалось до начала XIX в., когда власть,

встречая сильное противодействие дворянства, начала постепенную ликвидацию крепостной системы уже в отношении частновладельческих крестьян.

Однако либерализация социальных отношений, которая противоречиво и неспешно происходила в течение XIX — начала XX в., не затрагивала статуса духовенства. Напротив, начиная с синодального периода, государственные обязанности духовенства неуклонно росли. И далее, по мере формирования бессловного общества, духовенство по-прежнему воспринималось властью в качестве вечнообязанных подданных. Особенно это заметно на примере сибирского духовенства, принимая во внимание определенные региональные факторы. Во-первых, за Уралом почти не было дворянства, а потому существовал заметный дефицит управленческих кадров, который власть компенсировала трудом священников. Во-вторых, в Сибири крестьянская община обладала большей независимостью, а земское самоуправление не получило развития. Поэтому власть использовала духовенство в качестве посредника между собой и локальными сообществами. В-третьих, духовенство идеально подходило для этой роли: имело высокий уровень образования, плотную систему территориального размещения в рамках епархии и, что немаловажно, находилось в жестких границах церковной дисциплины. Наконец, в силу идеи христианской аскезы, оно априори воспринималось готовым к государственной службе, причем безвозмездной.

Степень загруженности священников функциями, которые можно прямо или косвенно отнести к общегосударственным, демонстрирует, в частности, церковное делопроизводство. Объем канцелярской работы на приходах поражает многообразием. В первую очередь, в задачи священника входило ведение метрических книг, которые были в России единственным документом, регистрирующим акты гражданского состояния населения: рождения, браки и смерти. Практика ведения церковных метрических книг началась в России во второй половине XVII в. и прекратилась только в 1918 г., когда советская власть отделила Церковь от государства. Метрические книги существовали в двух экземплярах: первый хранился в церкви, а второй в виде копии отсылался в Духовную консисторию.

Поскольку регистрация актов гражданского состояния производилась на приходах, к ним часто обращались за необходимыми в правовой практике справками и выписками. Современный церковный историк А.Л. Беглов справедливо обращает внимание, что помимо того, что «переписка со сторонними учреждениями занимала массу времени», она «унижала достоинство пастыря, поскольку служащие этих учреждений относились к нему как к мелкому канцелярскому служащему, обязанному отвечать на их запросы» [Беглов].

Близкими к метрическим книгам по значению были журналы брачных обысков. Это письменный акт, который составлял священник в отношении намеревающихся венчаться в церкви, устанавливающий законность совершения брака. Брачных обысков сохранилось меньше, чем метрических книг, поскольку последние отправлялись в Консисторию, а обыски оставались на приходе. Потому, когда началось закрытие сельских храмов, многие обыски были уничтожены. Составить представление о примерной статистике этих документов на приходе можно на примере изучения сохранившейся книги брачных обысков церкви Святой Параскевы в с. Барабановское Красноярского уезда. В период с апреля 1855 г. по апрель 1859 г. было составлено 67 обысков [Шушканова, 2019: 37].

Важнейшим документом церковного делопроизводства были клировые ведомости — документ о состоянии прихода, который составлялся ежегодно.

В ранний период истории ведомости целиком писались от руки, затем появились специальные бланки, форма которых усложнялась год от года. Следующим документом, который систематически велся на приходе, были исповедные росписи. Они представляли собой посемейный список всех проживающих на территории прихода (за исключением младенцев менее года) с указанием сведений о посещении ими исповеди и Причастия. Исповедные росписи на приходе заполнялись в Великий пост, когда даже нерадивый христианин стремился исповедоваться и причаститься. Кроме перечисленной, велась на приходах и другая отчетность: богослужебный журнал, финансово-хозяйственная документация, церковные летописи. Все эти документы подлежали систематической ревизии высших церковных властей: благочинных и самих епископов, совершавших регулярные объезды епархии.

Выражением социального служения духовенства была образовательно-просветительская деятельность и школьное дело. В дореволюционной России, в особенности за Уралом, сельские приходы оставались, в сущности, единственным местом, где можно было получить начальное образование. С каждым годом школьная деятельность в сибирских епархиях только расширялась. Расходы на ее содержание должны были оплачивать прихожане, вместе с податями в волостное правление собирались деньги на школу. Но если из-за неурожая хлеба случались проблемы с финансированием церковно-приходской школы, деньги выделял училищный совет Енисейской епархии. В епархии строго следили за тем, чтобы сельские приходские школы ни в коем случае не закрывались. Заведующим церковно-приходской школой назначался штатный приходской священник. При этом батюшки обычно и сами учительствовали, причем преимущественно бесплатно.

Следует отметить, что все сельские храмы имели библиотеки, в которых были не только книги духовного содержания. Епархиальные власти настоятельно советовали сельскому духовенству оформлять подписки на периодические издания, посвященные нуждам сельского хозяйства. Например, журнал «Сельский вестник», в котором публиковались материалы по агротехнике, пчеловодству, животноводству и пр. А в 1897 г. все приходы под административным нажимом выписали журнал «Царствующий дом Романовых» за немалую по тому времени сумму в 12 руб. 28 коп. [Шушканова, 2019: 76].

Важной областью приложения знаний и энергии священнослужителей было народное здравоохранение. При Екатерине II в XVIII в. в России стали делать прививки от оспы, на духовенство возлагалась задача участия в оспопрививании. Для этого в духовных семинариях в курсе популярной медицины отдельно читался раздел о прививках против оспы. На священников возлагалась также обязанность сообщать народу о пользе прививок и бороться с разного рода предрассудками по этому поводу. А во Врачебном уставе 1857 г. прямо была зафиксирована обязанность духовенства участвовать в работе оспенных комиссий.

Впоследствии из учебных программ семинарий медицину исключили, но интерес к использованию священника в качестве охранителя здоровья в деревне сохранился. В марте 1881 г., когда Синод возглавлял обер-прокурор К.П. Победоносцев, во все епархии был разослан циркуляр за № 3992, в котором глава духовного ведомства потребовал предоставить сведения о медицинской деятельности духовенства, назвав ее «заслуживающей всякого внимания, поощрения и поддержки» [Кузнецов]. О том, что сельские батюшки следили за общим состоянием здоровья своих прихожан, говорят нам

многочисленные отчеты благочинных. В 1871 г. благочинный Красноярского уезда писал, что «об оспопрививании было внушаемо прихожанам и заразившихся соленую рыбою в минувших полгода не было» [ГАКК: ф. 674, оп. 1, д. 7518, л. 895]. Благочинные также отмечали, что священники лечат прихожан, используя травы, настои, отвары, компрессы, примочки.

Другая немаловажная функция священника в сельской глубинке — информационная. Обычно после окончания богослужения священник знакомил народ с указами и манифестами, с новостями в стране и за ее пределами, давал оценки и комментарии по важным вопросам общественной жизни. Информационные сводки присылались на приходы от епархиальных властей чаще всего отпечатанными типографским способом с письменным указанием огласить новость прихожанам и в последующем дать отчет о результатах. Изучение сводок показывает, что Церковь воспринималась действующей властью как рупор государственной политики.

Трудно переоценить роль духовенства в сфере нравственного воспитания народа. Однако она нередко выходила за рамки пастырского служения и не ограничивалась богослужебной практикой, просветительством или воспитательными беседами. В функции сельских священников входили прямые обязанности по наблюдению за общественным порядком. В 1859 г. поступила записка от клира Параскевской церкви в волостное правление о произошедшем в доме крестьянина села Барабановского ночном гулянии с шумом и плясками на праздник Святого пророка Илии. В записке были указаны имена участников происшествия, а также сообщалось о взыскании с них «за сделанные бесчинства в ночи» по 25 копеек серебром и устным внушением [ГАКК: ф. 237, оп. 1, д. 1, л. 286]. Деньги при этом поступали не в церковную кассу, а отправлялись в пользу губернского приказа общественного призрения. В 1913 г. благочинный 3 участка Красноярского уезда направил подотчетным ему причтам предписание о необходимости сообщать разного рода сведения для борьбы с хулиганством: насколько часты случаи хулиганства в приходах, какими причинами их можно объяснить, какие меры по укреплению нравов принимаются и т.д. [ГАКК: ф. 237, оп. 1, д. 65, л. 32]. Священникам также вменялось обязательное присутствие на заседаниях судов.

Государственное служение Церкви не только не ослабевало со временем, но год от года от власти поступали новые запросы на курирование государственных проектов: борьба с пьянством, популяризация кредитных обществ, забота о столыпинских переселенцах и пр.

Итак, на фоне разложения сословности и расширения гражданских свобод во второй половине XIX в. и особенно после первой русской революции социальный статус духовенства менее всего подвергся переменам. Во-первых, по-прежнему церковнослужители были ограничены в свободе передвижения и священник не мог покинуть приход без санкции церковного начальства. Например, в 1895 г. енисейский епископ Акакий издал циркуляр, по которому без ведома благочинного сельский священник не мог отлучаться из прихода далее чем на 25 верст. В случае поездки по епархиальным делам в Красноярск, следовало получить разрешение церковных властей, а по прибытии в город непременно записаться в книгу канцелярии Консистории [ГАКК: ф. 237, оп. 1, д. 38, л. 38]. Во-вторых, служебные функции духовенства расширялись «сверху», а материальное обеспечение рядового духовенства при этом росло крайне незначительно.

Наравне с безусловными плюсами государственного служения духовенства, с точки зрения макросоциальных процессов, мы оцениваем указанную тенденцию, как непродуктивную и для Церкви, и для общества. В общественном сознании власть государственная и церковная уже не отделялись друг от друга, а воспринимались как органическое целое. Недовольство властью, которое в целом можно воспринимать как устойчивый тренд с 1905 г. (за исключением начала Первой мировой войны), переносилось на духовенство. Достаточно почитать материалы региональных съездов духовенства, чтобы понять, насколько падал авторитет церковнослужителей. В 1916 г. ректор Красноярской духовной семинарии Кирилл на епархиальном пастырском собрании сказал: «Пастырство не только не пользуется авторитетом среди народа, но этот самый народ почему-то враждебен пастырям... Священник, находясь в толпе, всегда может ожидать, что его оскорбят, бросят ему в лицо какую-либо грубую шутку, презрительную фразу, плевков. Не нужно скрывать от себя этой печальной истины, нужно установить причины этой непонятной враждебности» [Енисейские епархиальные ведомости: 32].

Нарастали проблемы и в самой церковной корпорации. К примеру, семинаристы не стремились к пастырству. В 1908 г. Енисейскую духовную семинарию окончили 16 человек, из них 6 уехали учиться в академию, 9 человек пошли учительствовать и лишь один стал служить священником [Красноярск: 1]. Кроме того, как показала уже первая русская революция, духовенство тяготилось государственной зависимостью и стремилось освободиться от нее. Пламенный революционер и атеист В.И. Ленин замечал за духовенством сочувствие революционным идеям и писал в 1905 г.: «Как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы» [Ленин: 144]. Отношение духовенства ко второй русской революции 1917 г. только подтвердило тезис Ленина. Моральная поддержка большинства православного священства Февральской революции — доказанный факт. В том числе на материалах Енисейской епархии [Шушканова, 2014]. И обновленческое движение в Русской православной церкви в огромной степени проистекало от неравноправия социального статуса духовенства в российском обществе: процесс освобождения социума от феодальной системы всеобщей службы государству затронул его в наименьшей степени.

Список источников

- ГАКК (Государственный архив Красноярского края).
Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск, 1916. № 7.
Красноярск. Красноярск. 1908. № 196.

Список литературы / References

- Беглов А.Л. Делопроизводство православного прихода Российской империи в конце XIX — XX в.: социальный аспект // История: электронный научно-образовательный журнал. 2015. № 6 (39). URL: <https://history.jes.su/s207987840001170-6-1/>
(Beglov A.L. Clerical work of the Orthodox parish of the Russian Empire at the end of the XIX — XX century: social aspect, *History: Electronic scientific and educational journal*, 2015, no. 6 (39). URL: <https://history.jes.su/s207987840001170-6-1/> — In Russ.)

- Ключевский В.О. История сословий в России. М., 2019. 217 с.
(Klyuchevsky V.O. History of estates in Russia. Moscow, 2019. 217 p. — In Russ.)
- Кузнецов А.А. Об участии сибирского православного духовенства в решении социальных проблем в пореформенный период // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 17. С. 122—128.
(Kuznetsov A.A. On the participation of the Siberian Orthodox clergy in solving social problems in the post-reform period, *Izvestiya Irkutsk State University, series: Political Science. Religious studies*, 2016, vol. 17, pp. 122—128. — In Russ.)
- Ленин В.И. Социализм и религия // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 12. С. 142—147.
(Lenin V.I. Socialism and religion, in Lenin V.I. Complete works, ed. 5, vol. 12, pp. 142—147. — In Russ.)
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. 458 с.
(Mironov B.N. Social history of Imperial Russia (XVIII — beginning of XX century): in 2 vols, vol. 1, St. Petersburg, 2003, 458 p. — In Russ.)
- Шушканова Е.А. Церковь Святой Параскевы села Барабановское Енисейской губернии в контексте сибирской истории (вторая половина XIX — XX в.). Красноярск, 2019. 138 с.
(Shushkanova E.A. the Church of Agia Paraskevi village Barabanovskaya Yenisei province in the context of Siberian history (second half of the XIX — XX century). Krasnoyarsk, 2019. 138 p. — In Russ.)
- Шушканова Е.А. О кризисе в Русской православной церкви накануне второй российской смуты // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы XIII Международной научной конференции, 12—13 марта 2014 г. Иваново, 2014. Ч. 1. С. 285—289.
(Shushkanova E.A. And about the crisis in the Russian Orthodox Church on the eve of the second Russian troubles, *The state, society, Church in the history of Russia of the twentieth century: Materials of the XIII International Scientific Conference*, March 12—13, 2014, pt. 1, Ivanovo, 2014, pp. 285—289. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.12.2021; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 10.12.2021; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 01.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Шушканова Елена Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и гуманитарных наук, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия, shushkanovae@yandex.ru

Shushkanova Elena Aleksandrovna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Humanities, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russian Federation, shushkanovae@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 131—140.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 131—140.

Научная статья

УДК 378

DOI: 10.46726/И.2022.1.13

БУДУЩЕЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ К ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ НАПОЛНЕННОСТИ

Валерий Николаевич Финогентов

Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина,
г. Орел, Россия, v_fin@mail.ru

Аннотация. Главное внимание в статье уделено обсуждению предстоящих революционных изменений в системе высшего образования, которые явятся следствием разворачивающегося уже в наши дни фундаментального процесса вытеснения людей из различных областей профессиональной деятельности разнообразными формами искусственного интеллекта. В статье выдвигается и в определенной степени обосновывается гипотеза, согласно которой система высшего образования уже в ближайшие десятилетия должна радикально поменять свои приоритеты: ее нынешнюю преимущественно прагматическую ориентацию должна сменить ее ценностно-смысловая наполненность. Показано, что для этого, в частности, необходимо осуществить фундаментализацию и гуманитаризацию наиболее перспективных направлений университетской подготовки. Для этого, утверждается далее, необходимо также значительное усиление мировоззренческой составляющей высшего образования. Кроме того, уже в ближайшие годы необходимо включить в содержание образования большинства современных направлений университетской подготовки курсы, в которых будут глубоко изучаться принципы действия и важнейшие формы искусственного интеллекта. В статье намечается перспектива превращения высшего образования в сферу относительно самостоятельной и самоценной деятельности людей; подчеркивается возрастающая значимость человекообразующей функции высшего образования. Демонстрируется, что высшее образование в перспективе может и должно стать таким видом деятельности людей, который способен сам по себе наполнить их жизнь высокими ценностями и смыслами, способен сделать их жизнь интересной, полноценной и достойной.

Ключевые слова: высшее образование, онлайн-образование, искусственный интеллект, вытеснение людей из сферы профессиональной деятельности, прагматическая ориентация высшего образования, самоценность образования, ценностно-смысловая наполненность образования, фундаментализация образования, гуманитаризация образования, мировоззренческое образование

© Финогентов В.Н., 2022

Для цитирования: Финогентов В.Н. Будущее высшего образования: от преимущественно прагматической ориентации к ценностно-смысловой наполненности // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 131—140.

Original article

THE FUTURE OF HIGHER EDUCATION: FROM A PREDOMINANTLY PRAGMATIC ORIENTATION TOWARDS VALUE-SEMANTIC FULLNESS

Valery N. Finogentov

Orel State Agrarian University named after N.V. Parahin, Orel, Russian Federation,
v_fin@mail.ru

Abstract. The main attention in the article is paid to the discussion of the upcoming revolutionary changes in the higher education system, which will result from the fundamental process of displacement of people from various fields of professional activity by various forms of artificial intelligence, which is already unfolding today. The article puts forward and to a certain extent substantiates the hypothesis according to which the higher education system should radically change its priorities in the coming decades: its current predominantly pragmatic orientation should be replaced by its value-semantic fullness. It is shown that for this, in particular, it is necessary to carry out the fundamentalization and humanitarization of the most promising areas of university training. For this, it is further argued, it is also necessary to significantly strengthen the ideological component of higher education. In addition, in the coming years, it is necessary to include in the educational content of most modern areas of university training courses in which the principles of operation and the most important forms of artificial intelligence will be deeply studied. The article outlines the prospect of turning higher education into a sphere of relatively independent and self-valuable activity of people; the increasing importance of the human-developing function of higher education is emphasized. It is demonstrated that higher education in the future can and should become such a type of human activity that is capable of filling their lives with high values and meanings by itself, capable of making their lives interesting, fulfilling and worthy.

Keywords: higher education, online education, artificial intelligence, displacement of people from the sphere of professional activity, pragmatic orientation of higher education, self-worth of education, value-semantic content of education, fundamentalization of education, humanitarization of education, worldview education

For citation: Finogentov V.N. The future of higher education: from a predominantly pragmatic orientation towards value-semantic fullness, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 131—140.

Очевидно, что система высшего образования в настоящее время вступает в эпоху революционных перемен. Причин и свидетельств этому много.

Так, в последние годы значительно интенсифицировался и ускорился переход образовательного процесса, в том числе образовательного процесса в вузах, в онлайн-режим.

В связи с этим набирающим все более высокие темпы процессом многие авторы, которые пишут на темы образования, стали говорить об уже

начавшейся коренной ломке системы высшего образования. Эти авторы безапелляционно утверждают, что возврата к прежней, традиционной организации образовательного процесса в вузах уже не будет. Они уверенно провозглашают, что отныне образовательный процесс будет преимущественно осуществляться именно в онлайн-режиме. Некоторые из них даже стали утверждать, что «помпезные здания с колоннами» (огромные здания нынешних университетов с их аудиториями, лабораториями и спортивными залами, с их традиционными лекциями, практическими и лабораторными занятиями) — это «уходящая натура». Они настоятельно рекомендуют нынешним университетам попрощаться с привычными формами образовательного процесса и как можно скорее переключиться на «форматы видеоконференций, онлайн-консультаций, вебинаров, онлайн-клубов». Своего рода концентрат такой позиции представлен в очень интересной, но весьма спорной статье Сергея Голубицкого [Голубицкий]. Соответственно, более взвешенная оценка современного процесса цифровизации образования дана в статье фамилии [Королева, Науширванов].

Понятно, что авторов, отстаивающих благодетельность стремительного перехода образования в онлайн-режим, можно упрекать за торопливость и за излишнюю радикальность их выводов. Можно также указать немало недостатков, свойственных современным формам онлайн-образования и онлайн-образованию как таковому. Но, в общем-то, сомнений нет в том, что общество, вступившее в информационную эпоху, не может не развивать высокими темпами соответствующие образовательные технологии, прежде всего самые различные формы онлайн-образования. Как нет никаких сомнений и в том, что все более объемное внедрение всевозможных форм онлайн-образования радикально трансформирует всю систему высшего образования.

Но еще более значимые изменения в систему высшего образования в ближайшее время принесет, на мой взгляд, процесс, связанный с бурным развитием в последние десятилетия всевозможных систем искусственного интеллекта. В данном случае я имею в виду, прежде всего, разворачивающийся буквально на наших глазах фундаментальный процесс вытеснения людей различными формами искусственного интеллекта из сферы профессионального труда. Несомненно, этот процесс по мере дальнейшего совершенствования систем искусственного интеллекта будет становиться все более масштабным. При этом важно отчетливо осознавать, что указанное «вытеснение людей» происходит не только в сфере физического и монотонного труда, но и, чем дальше, тем в большей мере захватывает сферу интеллектуальной деятельности. Конечно, можно предполагать, что прогресс техногенной цивилизации будет сопровождаться не только вытеснением людей из многих областей трудовой деятельности, но и появлением новых профессий и, соответственно, новых рабочих мест. Однако внимательный анализ этого предположения показывает, что оно не выдерживает критики (см. об этом, напр.: [Тегмарк: 194—198]). Действительно, этот анализ показывает, во-первых, что профессии, вновь появляющиеся на нынешнем этапе развития техногенной цивилизации, являются отнюдь не массовыми. Во-вторых, этот он показывает также, что из большинства этих — вновь появляющихся — видов профессиональной деятельности люди, по всей видимости, будут вскоре вытеснены постоянно совершенствующимися системами искусственного интеллекта. Таким образом, если посмотреть на этот процесс «вытеснения» в масштабе хотя бы нескольких предстоящих десятилетий, то мы должны

будем констатировать, что сфера профессиональной трудовой деятельности людей на протяжении этих десятилетий будет, подобно шагреновой коже, неуклонно уменьшаться.

Многообразные и весьма противоречивые экономические и социокультурные последствия этого процесса «вытеснения людей» активно и достаточно глубоко обсуждаются в современной литературе (см. об этом: [Виндж; Курцвейл; Рассел; Тегмарк; Форд]). В этой литературе рассматриваются также некоторые существенные изменения системы высшего образования, к которым приведет дальнейшее нарастание указанного фундаментального процесса. Естественно, что именно эти будущие изменения в системе высшего образования и интересуют нас в первую очередь.

Как представляется, при обсуждении этих будущих — поистине революционных — изменений системы высшего образования полезно классифицировать такие изменения по степени их удаленности от наших дней.

Иными словами, при этом обсуждении мы обязательно должны учесть то обстоятельство, что вытеснение людей из различных областей профессиональной деятельности будет происходить разными темпами и в разное время.

Соответственно, к первому классу обсуждаемых изменений системы высшего образования мы должны отнести те изменения, которые современным вузам необходимо осуществлять незамедлительно. Для этого эксперты должны немедленно определить те области профессиональной трудовой деятельности, из которых люди вытесняются системами искусственного интеллекта уже сейчас, и из которых они будут окончательно вытеснены в ближайшие годы. Понятно, что речь здесь идет о тех видах преимущественно интеллектуальной профессиональной деятельности, которые достаточно легко поддаются алгоритмизации и будут быстро и, по сути, полностью автоматизированы уже в ближайшее время. Специалисты относят к таким видам деятельности, в частности, многие виды деятельности банковских работников, деятельность по анализу различных медицинских данных и соответствующую диагностику, деятельность переводчиков с одного языка на другой и т. д. Учитывая неизбежность и близость такого вытеснения, следует незамедлительно минимизировать или даже исключить соответствующие направления подготовки из системы высшего образования. Несомненно, эта рекомендация является весьма ответственной. Понятно также, что ее принятие потребует осуществления весьма непопулярных и даже болезненных процедур, затрагивающих интересы коллективов многих нынешних вузов.

Ко второму классу изменений системы высшего образования следует отнести те изменения, которые необходимо осуществить в среднесрочной перспективе, в перспективе ближайших 10—15—20 лет. Для этого экспертные сообщества должны уже сегодня определить те области профессиональной деятельности, из которых люди, по всей видимости, будут вытеснены системами искусственного интеллекта в течение только что указанного промежутка времени. Отмечу в связи с этим, что уже в наши дни существуют достаточно обоснованные варианты перечней «профессий, которые исчезнут до 2030 года». Понятно, что соответствующие направления подготовки в вузах на протяжении некоторого времени целесообразно сохранить. Однако в образовательные процессы этих направлений подготовки вузам в свете обсуждаемой перспективы необходимо уже сейчас внести достаточно серьезные изменения.

Сущность этих изменений должна, на мой взгляд, определяться понятиями фундаментализация и гуманитаризация высшего образования.

Как представляется, фундаментализация высшего образования может быть достигнута насыщением содержания образования такими формами научного знания, в которых фиксируются глубинные, сущностные, системообразующие характеристики изучаемых объектов. Дело в том, что такие формы научного знания — законы, принципы, теории и концепции — являются сравнительно долго живущими компонентами научного знания. Кроме того, они обладают достаточно высокой степенью общности. Поэтому такие формы знания в течение длительного времени, а зачастую и на протяжении всей трудовой карьеры выпускников вузов останутся действующими и востребованными в их профессиональной деятельности. Именно на основе базиса фундаментальных знаний выпускники вузов смогут неоднократно изменять «надстройку» прикладных компетенций, необходимую им для успешного осуществления их профессиональной деятельности в условиях постоянных изменений технических и технологических параметров этой деятельности. Именно на основе такого базиса эти выпускники смогут более длительное время успешно конкурировать с соответствующими системами искусственного интеллекта в своей области профессиональной деятельности.

Особо следует подчеркнуть необходимость гуманитаризации образования, то есть необходимость значительного усиления гуманитарной составляющей в содержании образования обсуждаемых направлений подготовки. Такое усиление, кроме всего прочего, будет способствовать расширению как профессионального, так и общекультурного кругозора выпускников вузов, а также поможет сформировать у них гибкое, критическое и творческое мышление. Усиление гуманитарной составляющей образования позволит также развить и усовершенствовать коммуникативные способности выпускников вузов.

Несомненно, фундаментальное образование и серьезная гуманитарная подготовка помогут выпускникам вузов в решении разнообразных творческих профессиональных задач, которые встанут перед ними в их будущей профессиональной деятельности. Соответственно, все эти качества (владение фундаментальными знаниями, широкий кругозор, гибкость и критичность мышления, развитые креативные и коммуникативные способности) помогут выпускникам вузов рассматриваемых направлений подготовки успешно и долговременно конкурировать с разнообразными системами искусственного интеллекта в сфере их профессиональной деятельности.

Третий класс будущих изменений в содержании и организации высшего образования относится к тем направлениям подготовки, выпускников которых в обозримой перспективе системы искусственного интеллекта не вытеснят из области их профессиональной деятельности. Логично предположить, что речь здесь идет о таких видах деятельности, которые сложнее всего алгоритмизировать и автоматизировать. В частности — о разнообразных видах творческой деятельности, а также о видах деятельности, в которых существенная роль принадлежит человеческому общению. По всей видимости, к таким видам профессиональной деятельности относятся также те ее виды, которые предполагают выполнение операций в быстро меняющейся и, по сути, непредсказуемой обстановке. Очевидно, что именно на такого рода направлениях подготовки и должна в настоящее время и в ближайшем будущем сконцентрировать свои усилия система высшего образования.

Разумеется, образовательные процессы и этих направлений подготовки также нуждаются в существенных изменениях. В частности в них в еще большей мере должны заявить о себе кратко рассмотренные выше процессы фундаментализации и гуманитаризации. Еще один существенный аспект предстоящего совершенствования образования по обсуждаемым сейчас направлениям подготовки состоит в том, что их выпускники для успешного осуществления своей профессиональной деятельности должны будут, чем дальше, тем больше, использовать в этой деятельности разнообразные формы искусственного интеллекта. Поэтому, несомненно, содержание образования этих направлений подготовки уже сейчас обязательно должно включать в себя курсы, в которых глубоко изучаются основные принципы действия и важнейшие формы искусственного интеллекта.

Если посмотреть на быстро нарастающий в ходе ускоряющегося развития техногенной цивилизации процесс вытеснения людей из большинства областей профессиональной деятельности, так сказать, в большом масштабе, то возникает поистине судьбоносный вопрос. А именно: чем будут заниматься люди, навсегда лишенные перспективы профессиональной деятельности, чему эти люди посвятят свою жизнь. И дело здесь не только в том, что профессиональная трудовая деятельность на протяжении длительного исторического периода обеспечивала людей необходимыми для них средствами для существования. Дело также в том, что такая деятельность делала жизнь многих людей осмысленной и достойной. Чему же посвятят свою жизнь люди, когда разнообразные системы искусственного интеллекта вытеснят их из большинства областей профессиональной трудовой деятельности?

Конечно, однозначно ответить на этот сложнейший и многоаспектный вопрос сейчас невозможно. Но, как мне представляется, можно вполне предметно обсудить вопрос, что может предложить людям, освобожденным различными формами искусственного интеллекта от профессиональной трудовой деятельности, система образования.

В связи с этим вопросом в дополнение к уже сказанному о предстоящих изменениях системы высшего образования я выдвигаю и обосновываю здесь идею, в соответствии с которой уже в ближайшие десятилетия высшее (университетское) образование должно кардинально перестроиться еще в одном отношении. А именно: в свете указанной, по сути, неизбежной перспективы вытеснения людей из большинства областей профессиональной деятельности высшее (университетское) образование должно осуществить переход от нынешней преимущественно прагматической ориентации к приоритету гуманистической, ценностно-смысловой наполненности.

Дело в том, что сложившаяся на протяжении, по крайней мере, последних двух столетий и давно ставшая привычной для нас система высшего образования, направленная в первую очередь на подготовку молодых людей к последующей их профессиональной деятельности, как сейчас стало совершенно ясно, адекватна лишь определенной стадии развития общества. А именно: такая система образования адекватна той стадии развития общества, на которой большинство населения должно было участвовать в осуществлении профессиональной трудовой деятельности, в том числе профессиональной деятельности, требующей высокой квалификации, обеспечиваемой соответствующим высшим образованием. И вот теперь эта стадия развития общества, скорее всего, приближается к своему завершению. Действительно, по сути, повсеместно происходящие процессы автоматизации, роботизации,

компьютеризации и информатизации производственной и социокультурной жизни общества дают веские основания для предположения о том, что необходимость в профессиональной трудовой деятельности людей будет нарастающими темпами минимизироваться уже в ближайшие десятилетия.

Вне всякого сомнения, эти многообразные процессы автоматизации, роботизации, компьютеризации и информатизации радикально преобразуют все сферы жизни общества и, в том числе, сферу высшего образования. Более того, поскольку современная система образования вообще и система высшего образования в частности «работают на будущее», постольку система образования, учитывая указанное обстоятельство, должна уже сейчас опережающими темпами перестраиваться.

По моему глубокому убеждению, именно система образования и, прежде всего, система высшего образования может стать сферой постоянной или, по крайней мере, долговременной занятости людей уже в относительно недалеком будущем.

В своих предыдущих работах я уже писал о самоценности образования (см.: [Финогентов 2020, 2021]). Дело в том, что указанный выше доминирующий в наши дни преимущественно прагматический подход к организации высшего образования в значительной мере упускает из вида человекообразующую и человекоразвивающую функцию образования. Такой подход не фиксирует того важнейшего момента, что высшее образование — это не только подготовка соответствующих субъектов к их будущей профессиональной деятельности, но и приобщение следующих поколений людей к многообразным достижениям национальной и мировой культуры. Преимущественно прагматический подход к пониманию высшего образования недооценивает также то обстоятельство, что высшее образование — это процесс социализации людей, это формирование у них важнейших этических, эстетических и коммуникативных и многих других поистине человеческих качеств людей, получающих образование.

Кроме того, такой — преимущественно прагматический — подход в понимании высшего образования в значительной мере «затеняет» самоценность такого образования. Иными словами, такой подход видит главную ценность высшего образования в том, что оно готовит выпускников вузов к их будущей профессиональной трудовой деятельности. И, следовательно, такой подход абстрагируется от того, что само по себе образование является (может и должно являться!) достаточно самостоятельным и полноценным видом деятельности многих людей. При этом обязательно надо подчеркнуть, что многие люди уже в ближайшем будущем могут посвятить такому виду деятельности большую или даже большую часть своей жизни.

Поясню определения «самостоятельный» и «полноценный» как характеристик образования, понимаемого в качестве важнейшего вида деятельности людей. В данном контексте определения «самостоятельный» и «полноценный» означают, что образование должно рассматриваться не только в качестве служебного и подготовительного вида деятельности, необходимого для осуществления в будущем других видов деятельности, в первую очередь для осуществления разнообразных видов профессиональной трудовой деятельности. Эти определения указывают на то, что высшее образование может и должно рассматриваться (в некотором фундаментальном смысле) в качестве самостоятельного вида деятельности людей. Они указывают на то, что

высшее образование может и должно быть таким видом деятельности людей, который способен сам по себе наполнить их жизнь высокими ценностями и смыслами, вполне способен сделать их жизнь интересной, полноценной и достойной.

Действительно, что может быть интереснее углубленного и систематического познания природы, общества, человека? Что для человека может быть важнее освоения высших ценностей, созданных и сохраненных человечеством на протяжении всей его истории? Но ведь образование, в том числе университетское образование, по глубинной сути своей и есть самый надежный способ «укоренения» человека в культуре. Образование и есть наиболее разработанный и наиболее последовательный способ приобщения следующих поколений людей к самым совершенным человеческим образцам. Образование и есть важнейший способ единения человека с высшими человеческими ценностями.

Поэтому вполне логичным представляется предположение, согласно которому в обозримом будущем по мере вытеснения людей системами искусственного интеллекта из большинства областей профессиональной трудовой деятельности, все большее количество представителей рода человеческого будут избирать образование в качестве дела всей своей жизни.

Вряд ли возможно сейчас детальное описание того, как и в каких формах это будет осуществляться. Но, по всей видимости, у каждого человека, выбравшего этот путь, будет своя, индивидуальная образовательная траектория. Более того, эта индивидуальная образовательная траектория, наверняка, не будет ограничена какой-то одной специальной областью. Можно предположить, что каждый человек, вставший на этот путь, сможет более или менее свободно двигаться от одной предметной области к другой предметной области, затем к третьей предметной области и т. д. Так, например, он сможет переходить от изучения естественных наук к изучению социальных или гуманитарных наук, от изучения техники к изучению поэзии, от изучения одной исторической эпохи к изучению другой эпохи и т. д. Возможно, что некоторые из субъектов, избравших этот путь, на определенной — «весьма продвинутой» — стадии образовательного процесса сочтут, что они, так сказать, доросли до профессиональной исследовательской работы в определенной области науки или до поистине творческой деятельности в том или ином виде искусства. Можно пофантазировать также, предположив, что некоторые из таких людей будущего, глубоко изучивших несколько секторов культуры, посвятят свою жизнь созданию совершенно новых для нас форм синтеза разных видов искусства, технологий, наук, игр и т. п. Прообраз такого варианта можно усмотреть в «игре в бисер», ярко описанной в одноименном романе Германа Гессе [Гессе]. Но большинство из таких людей, по всей видимости, будет продолжать свою жизнь, оставаясь на образовательной стезе, занимаясь творческим самосозиданием и саморазвитием.

Можно сказать также, что в случае осуществления такого сценария в обозримом будущем университетское образование по своему характеру постепенно будет приближаться к (свободной) самодеятельности человека. Это предполагает в том числе, что университетское образование тогда будет включать в себя в качестве центральной составляющей мировоззренческую составляющую. Это означает, что ведущую роль в таком образовании будет играть, во-первых, глубокое освоение людьми, получающими такое

образование, различных мировоззренческих систем, выработанных человечеством. Во-вторых, это означает, что такое образование предполагает критическую оценку этими людьми изученных мировоззренческих систем, а также мировоззренческое творчество, в ходе которого эти люди будут заниматься своим духовным саморазвитием: созиданием и совершенствованием своего ценностно-смыслового мира (см. об этом подробнее: [Финогентов 2009]).

Список литературы / References

- Виндж В. Сингулярность. М., 2019. 224 с.
(Vinge V. Singularity. Moscow, 2019, 224 p. — In Russ.)
- Гессе Г. Паломничество в страну Востока; Игра в бисер; Рассказы. М., 1984. 588 с.
(Hesse G. Pilgrimage to the country of the East; Bead game; Stories. Moscow, 1984, 588 p. — In Russ.)
- Голубицкий С. Дистант на оба ваших Зума // Новая газета. 2021. 23 ноября. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/23/distant-na-oba-vashi-zuma> (дата обращения: 10.01.2022).
(Golubitskiy S. A “distant” on both your Zooms, *Novaya Gazeta*, 2021, 23 nov. — In Russ.)
- Королева Д.О., Науширванов Т.О. Digital Countries: особенности цифровизации образования в России, Венгрии и Германии // Образовательная политика. 2021. № 3. С. 108—120.
(Koroleva D. O., Naushirvanov T. O. Digital Countries: Features of digitalization of education in Russia, Hungary and Germany, *Educational Policy*, 2021, no. 3, pp. 108—120. — In Russ.)
- Курцвейл Р. Эволюция разума, или Бесконечные возможности мозга, основанные на распознавании образов. М., 2018. 400 с.
(Kurzweil R. Evolution of the Mind, or The Infinite Possibilities of the Brain Based on Pattern Recognition, Moscow, 2018, 400 p. — In Russ.)
- Рассел С. Совместимость: как контролировать искусственный интеллект. М., 2020. 440 с.
(Russell S. Compatibility: How to control artificial intelligence, Moscow, 2020, 440 p. — In Russ.)
- Тегмарк М. Жизнь 3.0: быть человеком в эпоху искусственного интеллекта. М., 2019. 560 с.
(Tegmark M. Life 3.0: Being human in the age of artificial intelligence, Moscow, 2019, 560 p. — In Russ.)
- Финогентов В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., 2009. 304 с.
(Finogentov V.N. Religious renaissance or philosophy of humanism? Worldview choice of modern culture, Moscow, 2009, 304 p. — In Russ.)
- Финогентов В.Н. Перспективы системы образования в свете различных сценариев будущего // Ноосферные исследования. 2020. № 3. С. 44—51.
(Finogentov V.N. Prospects for the education system in the light of various future scenarios, *Noospheric Research*, 2020, no. 3, pp. 44—51. — In Russ.)

Финогентов В.Н. О самоценности образования // Инновации в образовании: материалы XII Международной научно-практической конференции (3 июня 2021 г.): в 2 ч. Орёл, 2021. Ч. 2. С. 236—243.

(Finogentov V.N. On the inherent value of education, *Innovations in Education: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference (June 3 2021)*: in 2 pt., pt. 2, Orel, 2021, pp. 236—243. — In Russ.)

Форд М. Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы. М., 2016. 430 с.

(Ford M. *Robots Are Coming: Technological Development and a Jobless Future*, Moscow, 2016, 430 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 28.01.2022; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 28.01.2022; accepted for publication 01.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Финогентов Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и русского языка, Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина, г. Орел, Россия, v_fin@mail.ru

Finogentov Valery Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Russian Language, Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin, Orel, Russian Federation, v_fin@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 141—151.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 141—151.

Научная статья

УДК 378.095

DOI: 10.46726/И.2022.1.14

КОНЦЕПЦИЯ НООСФЕРНОГО УНИВЕРСИТЕТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДУАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТА ЧЕЛОВЕКА

*Ибрагим Эсенович Сулейменов¹,
Елизавета Сергеевна Витулёва²,
Дина Бернардовна Шалтыкова³*

¹ Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Россия, esenych@yandex.kz

² Алматинский университет энергетики и связи имени Гумарбека Даукеева,
г. Алматы, Казахстан, lizavita@list.ru

³ Национальная инженерная академия Республики Казахстан,
г. Алматы, Казахстан, dina_65@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена феномену обучения как системы направленных трансформаций интеллекта студента, нацеленных на приобретение им профессионализма. Показано, что доказательства дуальной природы интеллекта человека, построенные на использовании классических положений теории нейронных сетей, заставляют существенно пересмотреть содержание понятия «образование». Зафиксировано, что интеллекту человека присущи одновременно индивидуальное и коллективное начала. Обосновано, что образование, в сущности, представляет собой направленную трансформацию прежде всего той составляющей интеллекта и сознания, которая имеет коллективную природу. Установлено, что высшая форма профессионализма предполагает возможность непосредственного взаимодействия индивида с одной из компонент коллективной составляющей интеллекта — профессиональным коллективным бессознательным, которая отвечает за профессиональную интуицию, творческие озарения и т. д. Предложена трактовка понятия «ноосферный университет», ориентированная на непосредственное использования ресурсов профессионального коллективного бессознательного. Сделан вывод, что использование ресурсов профессионального коллективного бессознательного позволяет существенным образом снизить затраты на обучение.

Ключевые слова: ноосфера, высшее образование, (профессиональное) коллективное бессознательное, сущность интеллекта, нейронные сети, коммуникационная среда

Для цитирования: Сулейменов И.Э., Витулёва Е.С., Шалтыкова Д.Б. Концепция ноосферного университета с точки зрения дуальной сущности интеллекта человека // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 141—151.

© Сулейменов И.Э., Витулёва Е.С., Шалтыкова Д.Б., 2022

Original article

THE CONCEPT OF THE NOOSPHERIC UNIVERSITY FROM THE POINT OF VIEW OF THE DUAL ESSENCE OF HUMAN INTELLIGENCE

*Ibragim E. Suleimenov*¹,

*Yelizaveta S. Vitulyova*²,

*Dina B. Shaltykova*³

¹ Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russian Federation, esenych@yandex.kz

² Almaty University of Power Engineering and Telecommunications
named after Gumarbek Daukeyev, Almaty, Republic of Kazakhstan, lizavita@list.ru.

³ National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan,
Almaty, Republic of Kazakhstan, dina_65@mail.ru

Abstract. It is shown that in the conditions of the crisis of the modern system of higher education, the question of what constitutes training as such is relevant. It is also shown that evidence of the dual nature of human intelligence, built on the use of the classical provisions of the theory of neural networks, presented recently, makes it necessary to significantly reconsider the content of the concept of “education”. Both an individual and a collective principle simultaneously characterize the human intellect, and the existence of the latter was not previously taken into account by theoretical pedagogy, while education, in essence, is mainly a directed transformation of that component of intellect and consciousness that has a collective nature. The highest form of excellence provides for the possibility of direct interaction of an individual with one of the components of the collective component of the intellect — the professional collective unconscious, which is responsible for professional intuition, creative insights, etc. An interpretation of the concept of “noospheric university” is proposed, focused on the direct use of the resources of the professional collective unconscious. It is shown that the use of the resources of the professional collective unconscious can significantly reduce the costs (including time) for training, understood as a system of directed transformations of the student's intellect, aimed at acquiring professionalism.

Keywords: noosphere, higher education, collective unconscious, the essence of intelligence, neural networks, communication environment

For citation: Suleimenov I.E., Vitulyova Y.S., Shaltykova D.B. The concept of the noospheric university from the point of view of the dual essence of human intelligence, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 141—151.

В некоторых работах на уровне качественных рассуждений было доказано существование надличностных информационных объектов [Мун и др.; Сулейменов и др.]. Их количественная теория, восходящая к ранней монографии [Сулейменов, Григорьев], посвященной физическому обоснованию концепции ноосферы В.И. Вернадского, была отражена в материалах открытия [Мун и др.], основой для чего, в свою очередь, являются математические модели, позволяющие раскрыть механизмы функционирования нейронных сетей [Suleimenov, Matrassulova et al.; Suleimenov, Bakirov et al.].

Эти результаты позволяют трактовать ноосферу как глобальную инфокоммуникационную среду — предельно упрощая, как глобальный аналог человеческого мозга. Ноосфера — это уже далеко не абстракция, это — физическая реальность. Более того, разум и интеллект каждого конкретного человека является ее органической частью [Сулейменов, Масалимова и др.], своего рода проекцией надличностных информационных объектов на относительно самостоятельный фрагмент ноосферы, локализованный в пределах головного мозга индивида. Точнее, как вытекает из материалов цитированных работ, интеллект и разум человека имеют дуальную природу, в них одновременно присутствует и индивидуальное, и коллективное начало. Продемонстрировать это можно следующим образом. Когда между собой общаются два человека, в действительности имеет место обмен сигналами между нейронами, входящими в состав их головного мозга, т. е. в данном случае де-факто образуется общая нейронная сеть. То обстоятельство, что часть связей в такой сети частично обеспечивается передачей электрических сигналов (нервные волокна), а другая часть — передачей акустических и оптических сигналов, не имеет определяющего значения. Характер функционирования физической нейронной сети не зависит от того, какую природу имеют сигналы, вынуждающие ее нейроны перейти из одного состояния в другое.

Информационные возможности нейронной сети нелинейно зависят от количества ее элементов. «Производительность» сети, составленной из двух одинаковых подсетей, будет более чем в два раза превосходить производительность каждой из таких подсетей. Именно поэтому в настоящее время для различных практических целей используются искусственные нейронные сети, состоящие из все большего числа элементов.

Следовательно, общая нейронная сеть, возникающая при общении большого числа индивидов, порождает некоторое новое качество. Точнее, это качество формируется в глобальной нейронной сети, которую допустимо отождествить с ноосферой [Bakirov, Vitulyova et al.].

Отталкиваясь от информационного понимания сущности ноосферы можно, в том числе, дать последовательную естественнонаучную интерпретацию такого понятия как коллективное бессознательное. С точки зрения информационного (физического) понимания ноосферы коллективное бессознательное порождается надличностными информационными объектами, возникающими в «дополнительной» памяти сообщества людей, которая, в свою очередь, порождается нелинейной зависимостью информационных свойств нейронной сети от числа нейронов [Bakirov, Vitulyova et al.].

Отправной точкой рассуждений в данной работе является тезис о том, что коллективное бессознательное структурировано, и, как будет ясно из дальнейшего, для формирования последовательной концепции ноосферного университета важнейшее значение имеет вывод о существовании профессионального коллективного бессознательного.

Профессиональное коллективное бессознательное

В указанных выше исследованиях обосновано, что дуальный характер разума, сознания и интеллекта человека в конечном итоге определяется тем, что в результате межличностных коммуникаций, которые де-факто сводятся к обмену сигналами между нервными клетками, оставляющими головной мозг индивидов, формируется глобальная нейронная сеть. Данная нейронная

сеть сложным образом структурирована, точнее, есть все основания говорить о существовании сложной системы взаимопроникающих подсетей, каждая из которых обусловлена собственным типом коммуникаций. Отметим, что эта точка зрения отчетливо коррелирует с марксистским положением: «человек есть совокупность общественных отношений». Каждый из нас в зависимости от конкретной ситуации выступает в различной роли (например, в транспорте — пассажир, в университете — студент или преподаватель и т. д.). Различным общественным отношениям отвечают различные подсети глобальной нейронной сети. В каждой из этих подсетей способны возникать специфические надличностные информационные объекты, что и определяет структурирование коллективного бессознательного.

Поскольку профессиональная деятельность порождает один из основных типов коммуникации в обществе, то существует и сегмент коллективного бессознательного, связанный именно с профессиональной деятельностью — профессиональное коллективное бессознательное [Витулёва, Шалтыкова и др.]. Есть все основания полагать, что именно профессиональное коллективное бессознательное отвечает за наиболее высокие уровни профессионализма — за наличие профессиональной интуиции, за вспышки творческой активности, так называемые озарения и т. д. Во всяком случае тезис о связи интуиции с коллективным бессознательным в настоящее время можно считать обоснованным [Рожков; Чащегорова]. Следовательно, коль скоро профессиональное коллективное бессознательное является сегментом коллективного бессознательного в целом, то за профессиональную интуицию, без которой не может состояться истинный профессионал, должно отвечать именно оно.

Более корректное обоснование рассматриваемого тезиса состоит в следующем. Интеллект человека де-факто представляет собой некую проекцию надличностных информационных структур на относительно самостоятельный сегмент ноосферы, локализованный в пределах головного мозга индивида. Наглядным примером в данном отношении является естественный язык, «записанный» в том фрагменте ноосферы, который связан с данным конкретным этносом или группой этносов. Язык проявляется только в межличностных коммуникациях, это — их порождение. Более того, язык как целостность намного богаче того, что может хранить память отдельных людей, он в прямом смысле этого слова распределен между значительным количеством относительно самостоятельных носителей. То же самое можно сказать и о любой другой форме коллективной деятельности, она порождает свои собственные надличностные информационные объекты, которые частично находят отражение в конкретных людях, только частично фиксируются их памятью.

Нет необходимости подчеркивать, что методик, целенаправленного обеспечивающих переход к высшим формам профессионализма, т. е. прямому контакту с профессиональным коллективным бессознательным, до последнего времени существовать не могло. Однако в силу целого ряда негативных трендов, характерных для современного высшего образования, переход образования на качественно новый уровень уже становится все более и более актуальным (см. напр.: [Чащегорова; Suleimenova et al.]). Это заставляет поставить вопрос о том, что вообще следует понимать под образованием.

Что следует понимать под образованием?

Теоретическая педагогика давно и обоснованно утверждает, что образование не может сводиться только лишь к усвоению определенного набора сведений. Перефразируя Мишеля де Монтеня, «хорошо организованный мозг лучше мозга хорошо наполненного». Задача образования, в особенности высшего, состоит в том, чтобы сформировать определенный стиль мышления, привить определенную культуру мышления и т. п. Речь идет о том, чтобы научить человека думать так, как думает профессионал.

На современном языке, порожденном проблематикой искусственного интеллекта, тезис такого рода можно сформулировать следующим образом: *образование есть направленная трансформация интеллекта индивида, отвечающая целям, явно или неявно установленным обществом*. Обосновать данную формулировку можно, отталкиваясь, например, от результатов исследований [Suleimenov, Mun et al; Suleimenov, Vitulyova et al], в соответствии с которыми, интеллект следует прежде всего трактовать как систему переработки информации. Последние формируют вполне определенную иерархию и на высших ее ступенях находятся те, что способны генерировать системы переработки информации более низких уровней.

Работа с информацией заведомо является неотъемлемой составляющей любой профессии (во всяком случае в смысле, определяемом получением высшего образования). Следовательно, образование не может не быть связано с трансформациями *структуры интеллекта* как такового. В то же время сущность интеллекта является дуальной, в ней присутствует и коллективная, и индивидуальная составляющие. Традиционное образование ориентировалось только на одну из них — ту, что полностью определяется индивидуальным началом. Все, что связано с коллективной составляющей, до самого последнего времени оставалось незадействованным, во всяком случае, если говорить о системном использовании.

Здесь уместно сделать некоторое уточнение. Важность университетской среды как системной целостности отчетливо понималась многими представителями классической школы, особенно теми, кто получили высшее образование в период расцвета классических университетов (рубеж XIX—XX веков). Этот концепт исчерпывающе отражен в известной цитате Булгакова: «Я — московский студент, а не Шариков». Студент той поры получал образование не только в аудиториях, его как личность, как носителя особой формы интеллекта, воспитывала среда. Нельзя, однако, не признать, что фактор университетской среды в современных условиях является в значительной степени ослабленным. Современные университеты безнадежно проиграли состязание за влияние на умы молодежи — их место в этом отношении заняли различного рода сомнительные блогеры и иже с ними [Bakirov et al.]. Тем больше оснований поставить вопрос о формировании подлинно университетской среды, но уже на ином витке исторического развития.

Следовательно, если рассуждать с позиций сущности интеллекта как такового, то, говоря о качестве высшего образования, в первую очередь следует ставить вопрос о степени воздействия на умы учащейся молодежи. Без этого говорить о переходе на следующую ступень развития университетов не приходится только лишь потому, что в данном случае исчезают любые инструменты, обеспечивающие воздействие на коллективную составляющую интеллекта и разума человека.

Интеллект индивида наиболее эффективно трансформируется тогда, когда оказывается интегрированным в соответствующую среду. Это утверждение непосредственно вытекает из того, что интеллект имеет коллективную составляющую, более того, управлять этой составляющей можно только через среду. Таким образом, вопрос о формировании ноосферного университета, т. е. вопрос о переходе к новой парадигме высшего образования [Сулейменов, Витулёва], отвечающего реалиям современной эпохи (эпохи становления нового миропорядка и новой экономической системы), в значительной степени сводится к вопросу о формировании университетской среды, которая сама по себе является важнейшим фактором воспитания профессионала. Значение данного тезиса состоит главным образом в том, что формирование среды, воспитывающей профессионала, можно и нужно оптимизировать.

Инструменты, обеспечивающие решение данной задачи, очевидно, целесообразно разрабатывать, отталкиваясь от максимально корректного истолкования взаимодействия среды и индивида, основанного на представлениях о дуальной сущности интеллекта и разума человека. Одним из таких инструментов являются деловые образовательные экосистемы [Сулейменов, Байпакбаева; Сулейменов, Кабдушев и др.]. Их назначением является, в частности, создание горизонтальных связей, стимулирование кроссуниверситетского сотрудничества на междисциплинарной основе. Однако никакие инструменты, нацеленные на стимулирование творческой активности молодежи, повышение качества высшего образования и т. д. окажутся неработоспособными, если не будет решена главная задача — обеспечение мотивации и к учебе, и к научно-техническому творчеству. Именно эту задачу, в первую очередь, и должен решать университет нового типа.

Концепция ноосферного университета: мобилизация творческой энергии молодежи

Интенсификация инновационной деятельности представляет собой, прежде всего, социокультурную проблему, которая носит многогранный характер. Многие здесь определяются тем, насколько наглядно студенты и магистранты увидят не только значимость научно-исследовательской деятельности, но и возможность для реального личного успеха, причем в обозримом будущем [Мун, Сулейменов].

Действительно, для приобретения высокой (а тем более высшей) квалификации требуется приложить, мягко говоря, значительные усилия. Иначе, от обучающихся требуются значительные инвестиции в личностный рост (в том числе, в прямом финансовом выражении). Следовательно, им нужно убедительно показать, что эти инвестиции действительно могут оправдаться. К сожалению, современное общество часто формирует у студентов прямо противоположную точку зрения. Они не могут не видеть, что профессионалы, обладающие очень высокой квалификацией и значительным багажом знаний, часто занимают весьма скромное положение на социальной лестнице — хотя бы только на примере преподавателей университетов.

В этом отношении уместно еще раз провести сопоставление с ситуацией, которая имела место в период расцвета классических университетов. В этот исторический период имел место вполне определенный «изобретательский бум»: наука более чем наглядно демонстрировала обществу свои возможности (менее чем за десять лет электричество стало коммерческим

продуктом.) Ассимиляция многочисленных достижений науки не могла не порождать соответствующие умонастроения в обществе, а главное — значительная часть талантливых ученых и инженеров видела реальные перспективы для личного успеха. Весьма показательной в данном отношении является биография известного авиаконструктора И.А. Сикорского, вложившего значительные личные средства в создание летательных аппаратов.

Сегодня такой образ мыслей и действий выглядит фантастикой — молодежь ни в малейшей степени не ориентирована на личностный успех за счет научно-технического творчества, а приобретение диплома рассматривается преимущественно через призму административной карьеры.

Следовательно, первое, что нужно сделать, доказывая, что наука действительно есть заслуживающее уважения занятие — создать поле для приложения усилий молодежи. Такое поле не может возникнуть само по себе — нужен соответствующий концепт, образ будущего. Подобный концепт как раз и создается развиваемой нами трактовкой ноосферы, которая одновременно включает в себя и естественнонаучную, и техническую и гуманитарную составляющие.

Целенаправленное использование ресурсов профессионального коллективного бессознательного открывает «дверь в иные миры», если, конечно, правильно донести до молодежи соответствующие идеи. Та часть молодежи, которая действительно ориентирована на творчество, действительно в состоянии увлечься идеями нового образования (шире — идеями нового взаимодействия индивида и общества) именно потому, что существует соответствующий социальный заказ, о чем будет говориться чуть ниже. В этом смысле ноосферный университет допустимо рассматривать как «автокаталитическую» систему, которая поддерживает сама себя.

В условиях трансформирующегося миропорядка и обострения геополитической конкуренции определяющими становятся именно инновации в сфере образования. Тот, кто сможет обеспечить здесь реальный прорыв, и получит «приз» в очередной глобальной гонке. Но никакие меры, подчеркнем еще раз, не дадут желаемого результата, если образование не предоставит возможностей для личного — причем зримого — успеха. Поэтому в современных условиях и следует обращать внимание на инновации именно в сфере образования, подчеркнем это еще раз. Даже беглый анализ современной блогосферы отчетливо показывает, насколько востребованными являются психоаналитики, консультанты в области психологии и даже разнообразные нумерологи и весьма успешные торговцы «блокнотами счастья».

Анализ этой ситуации, проведенный с позиций нейросетевой модели ноосферы, однозначно показывает, что в обществе существует вполне определенный социальный заказ на принципиально другое образование (шире — на иной характер взаимодействия человека и общества), а точнее — именно на «дверь в иные миры». Ноосфера уже подготовила человечество к следующему прорыву в неизведанное, это ощущение носится в воздухе. Здесь в очередной раз имеет смысл сравнить текущее положение дел с тем, что сложилось на рубеже XIX и XX веков в Российской Империи. Поэты-символисты — впрочем, далеко не только они — явственно ощущали надвигающуюся грозу. Точно так же и сейчас интерес общества ко всему тому, что связано с психологией и психоанализом, даже в их гротескных формах, широко распространяемых через Инстаграм, есть, в сущности, предощущение грозы, которое,

впрочем, в построениях мыслящих экономистов уже перестает быть предожушением, трансформируясь во внятный макроэкономический прогноз.

Но это «предожушение» должно быть переведено на внятный язык, способный выдержать конкуренцию с обывательским «языком сети». Бесплезно отговаривать молодежь слушать разномастных нумерологов и прочих шарлатанов — с их точки зрения, профессор, «продающий» давно устаревшие никчемные знания, а хуже того — берущий взятки, выглядит примерно так же. Нужно обеспечить устремление в будущее. Именно в этом и состоит одна из главных граней отстаиваемой концепции ноосферного университета.

По нашему мнению, ноосферный университет должен представлять собой, в первую очередь, структуру, обеспечивающую формирование университетской среды, которая унаследует лучшие черты классических университетов периода их расцвета, но на следующем витке исторического развития — за счет нацеленности в будущее. Очевидно, что здесь более чем значительная роль должна принадлежать неформальным институциям.

Центральной идеей развития такого университета может и должна служить приверженность концепции ноосферного развития. Но, и это самый существенный нюанс, ее категорически не следует понимать в качестве некоего набора благопожеланий, которые при всей их кажущейся безвредности — в итоге порождают «феномен Греты Тунберг». Те, кто распространяет «ноосферные» благопожелания, не имеющие реального экономического содержания, в итоге работают именно на таких, как этот медийный персонаж, а точнее — на тех, кто стоит за ее спиной.

Ноосферология должна обрести реальное экономическое содержание. Но пока отсутствует соответствующий рынок, оперировать следует именно в образовательном пространстве. Несколько упрощая, центральной задачей ноосферного университета может и должно стать создание новых методик обучения, основанных на принципиально новом понимании социума, которое вытекает из трактовки ноосферы как глобальной нейронной сети. Следующим этапом становится формирование рынка продуктов, обеспечивающих развитие личности и т. д.

Заключение

Таким образом, новое понимание сущности ноосферы как глобальной нейронной сети, формирующей надличностные информационные структуры, позволяет предложить новое нетривиальное понимание образования как такового (по крайней мере это относится к высшей квалификации). Истинный профессионализм, неотделимый от профессиональной интуиции, возможности решения нестандартных задач нетривиальными методами и т. д., предполагает возможность той или иной формы контакта с теми из надличностных информационных структур, которые связаны с профессиональной деятельностью.

Предлагаемая нами концепция ноосферного университета, нацеленная на качественные трансформации в высшем образовании, отталкивается от существования возможности обеспечения прямого контакта обучающегося с надличностными информационными структурами, с профессиональным коллективным бессознательным.

Она также учитывает фактор личной мотивации обучающегося для получения знаний. Возможность для личного успеха должна быть осязаемой, следовательно, нужно построить некий образ будущего, продемонстрировать

возможность очередного прорыва в неизведанное. Такой прорыв в обозримом будущем может быть реализован непосредственно в методиках обучения за счет использования ресурсов профессионального коллективного бессознательного, и формирования университетской среды, в которой становится возможным направленное взаимодействие с надличностными информационными структурами.

Список литературы / References

- Витулёва Е.С., Шалтыкова Д.Б., Сулейменов И.Э. К обоснованию понятия «профессиональное коллективное бессознательное» // Дистанционные образовательные технологии: сборник трудов VI Международной научно-практической конференции (20—22 сентября 2021 г.). Симферополь: Ариал, 2021. С. 24—27.
(Vituluyova Y.S., Shaltykova D.B., Suleymenov I.E. To substantiate the concept of «professional collective unconscious», *Distance Educational Technologies: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference (September 20—22, 2021)*, Simferopol, 2021, pp. 24—27. — In Russ.)
- Мун Г.А., Габриелян О.А., Витулёва Е.С., Сулейменов И.Э. Экстрасенсорика и проблема математизации психологии с точки зрения современной теории коммуникаций // Известия научно-технического общества «Кахак». 2021. № 2. С. 26—36.
(Mun G.A., Gabrielyan O.A., Vitulyova Y.S., Suleymenov I.E. Extrasensory perception and the problem of psychology mathematization from the point of view of modern communication theory, *Proceedings of the scientific and technical society “Kakhak”*, 2021, no. 2, pp. 26—36. — In Russ.)
- Мун Г.А., Сулейменов И.Э. Интенсификация инновационной деятельности как социокультурная проблема // Известия научно-технического общества «Кахак», 2019. № 2. С. 51—63.
(Mun G.A., Suleymenov I.E. Intensification of innovation activity as a socio-cultural problem, *Proceedings of the scientific and technical society “Kakhak”*, 2019, no. 2, pp. 51—63. — In Russ.)
- Мун Г.А., Сулейменов И.Э., Габриелян О.А., Бакиров А.С., Витулёва Е.С., Коньшин С.В., Матрасулова Д.К. Закономерность формирования надличностных информационных структур. Зарегистрированное научное открытие № 4-680 от 01.06.21 / Российская академия естественных наук, Международная ассоциация авторов научных открытий. М., 2021.
- Рожков Н.Т. Интуиция как бессознательный феномен // Наука-2020. 2017. № 1. С. 66—71.
(Rozhkov N.T. Intuition as an unconscious phenomenon, *Science-2020*, 2017, no. 1, pp. 66—71. — In Russ.)
- Сулейменов И.Э., Байпакбаева С.Т. Принципы построения деловой экосистемы для стимулирования инноваций в высших учебных заведениях // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 5. С. 86—99.
(Suleimenov I.E., Baipakbaeva S.T. Principles for Building a Business Ecosystem to Drive Innovation in Higher Education Institutions, *STAGE: economic theory, analysis, practice*, 2018, no. 5, pp. 86—99. — In Russ.)
- Сулейменов И.Э., Витулёва Е.С. К вопросу о новой парадигме высшего образования // Известия научно-технического общества «Кахак». 2018. № 3. С. 87.

- (Suleymenov I.E., Vitulyova Y.S. On the issue of a new paradigm of higher education, *Proceedings of the scientific and technical society "Kakhak"*, 2018, no. 3, p. 87. — In Russ.)
- Сулейменов И.Э., Габриелян О.А., Пак И.Т., Панченко С.В., Мун Г.А. Инновационные сценарии в постиндустриальном обществе. Алматы: Print Express, 2016. 218 с.
- (Suleymenov I.E., Gabrielyan O.A., Pak I.T., Panchenko S.V., Mun G.A. Innovation scenarios in post-industrial society. Almaty, 2016. 218 p. — In Russ.)
- Сулейменов И.Э., Григорьев П.Е. Физические основы ноосферологии. Алматы; Симферополь: Print Express, 2008. 158 с.
- (Suleymenov I.E., Grigor'yev P.E. Physical foundations of noospherology. Almaty, Simferopol, 2008, 158 p. — In Russ.)
- Сулейменов И.Э., Кабдушев Ш.Б., Байпакбаева С.Т., Витулёва Е.С., Евстифеев В.Н., Мун Г. А. Деловые экосистемы как фактор стимулирования инновационной активности в Республике Казахстан // Известия научно-технического общества «Кахак». 2018. № 3. С. 4—17.
- (Suleymenov I.E., Kabdushev Sh.B., Baupakbayeva S.T., Vitulyova Y.S., Yevstifeyev V. N., Mun G. A. Business ecosystems as a factor in stimulating innovative activity in the Republic of Kazakhstan, *Proceedings of the scientific and technical society "Kakhak"*, 2018, no. 3, pp. 4—17. — In Russ.)
- Сулейменов И.Э., Масалимова А.Р., Витулёва Е.С., Шалтыкова Д.Б., Мун Г.А. Идеология феминизма с точки зрения теории нейронных сетей и проблематики искусственного интеллекта // Известия научно-технического общества «Кахак». 2021. № 2. С. 37—49.
- (Suleymenov I.E., Masalimova A.R., Vitulyova Y.S., Shaltykova D.B., Mun G.A. The ideology of feminism from the point of view of the theory of neural networks and the problems of artificial intelligence, *Proceedings of the scientific and technical society "Kakhak"*, 2021, no. 2, pp. 37—49. — In Russ.)
- Чашегорова Н.А. Интуиция как феномен бессознательного в творческом процессе // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 4. С. 70—74.
- (Chashchegorova N.A. Intuition as a phenomenon of the unconscious in the creative process, *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2009, no. 4, pp. 70—74. — In Russ.)
- Bakirov A.S. Vitulyova Y.S., Zotkin A.A., Suleimenov I.E. Internet user's behavior from the standpoint of the neural network theory of society: prerequisites for the meta-education concept formation, *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences: The 6th International Conference on Smart City Applications* (27—29 October 2021), Safranbolu, Turke, 2021. (XLVI-4/W5-2021), pp. 83—90.
- Suleimenov I.E., Bakirov A.S., Matrassulova D.K. A technique for analyzing neural networks in terms of ternary logic, *Journal of Theoretical and Applied Information Technology*, 2021, no. 99 (11), pp. 2537—2553.
- Suleimenov I.E. Gabrielyan O.A., Bakirov A.S., Vitulyova Y.S. Dialectical Understanding of Information in the Context of the Artificial Intelligence Problems, *IOP Conference. Series: Materials Science and Engineering*, 2019, no. 1 (630), p. 012007.
- Suleimenov I.E., Mun G.A., Grigoriev P.E., Negim E.S., Yeligbayeva G.Z., Suleimenova K.I. Higher education and science: Portrait against the background of global crisis, *World Applied Sciences Journal*, 2011, no. 15 (9), pp. 1199—1205.

- Suleimenov I.E., Vitulyova Y.S., Bakirov A.S., Gabrielyan O.A. Artificial Intelligence—what is it?, *Proceedings of the 2020 6th International Conference on Computer and Technology Applications*, New York, 2020, pp. 22—25.
- Suleimenov I.E., Matrassulova D.K., Vitulyova Y.S., Bakirov A.S., Kabdushev Sh. Distributed memory of neural networks and the problem of the intelligence's essence, *Bulletin of Electrical Engineering and Informatics*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 510—520.
- Suleimenova K.I., Obukhova P.V., Shaltykova D.B., Suleimenov I.E. Post-transition period and quality of higher education: ways to overcome the crisis phenomena, *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 2013, no. 8 (8), pp. 49—56.
- Vitulyova Y.S., Bakirov A.S., Shaltykova D.B., Suleimenov I.E. Prerequisites for the analysis of the neural networks functioning in terms of projective geometry, *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2020, no. 1 (946), p. 012001.
- Vitulyova Y.S., Bakirov A.S., Baipakbayeva S.T., Suleimenov I.E. Interpretation of the category of “complex” in terms of dialectical positivism, *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2020, no. № 1 (946), p. 012004.

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 28.01.2022; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 28.01.2022; accepted for publication 01.02.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Сулейменов Ибрагим Эсенович — доктор химических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия, esenyuch@yandex.kz

Suleimenov Ibragim Esenovich — Doctor of Sciences (Chemical), Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Professor, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation, esenyuch@yandex.kz

Витулёва Елизавета Сергеевна — PhD кандидат, старший преподаватель, Алматинский университет энергетики и связи имени Гумарбека Даукеева, г. Алматы, Казахстан, lizavita@list.ru.

Vituleva Elizaveta Sergeevna — PhD candidate, Senior Lecturer, Almaty University of Energy and Communications named after Gumarbek Daukeev, Almaty, Republic of Kazakhstan, lizavita@list.ru.

Шалтыкова Дина Бернардовна — доктор химических наук, старший научный сотрудник, Национальная инженерная академия Республики Казахстан, г. Алматы, Казахстан, dina_65@mail.ru

Shaltykova Dina Bernarovna — Doctor of Sciences (Chemistry), Senior Researcher, National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan, dina_65@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 152—160.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 152—160.

Научная статья

УДК 1:004

DOI: 10.46726/И.2022.1.15

ЦЕННОСТНЫЕ РЕГУЛЯТИВЫ «РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ» В КОНТЕКСТЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕЙРО-СЕТЕВЫХ МОДЕЛЕЙ

Светлана Анатольевна Зайцева,

Вадим Анатольевич Смирнов

Шуйский филиал, Ивановский государственный университет,
г. Шуя, Россия, z_a_s Rambler.ru

Аннотация. Характерной особенностью современных условий цифровой трансформации различных процессов в обществе является возникновение не только огромного массива намеренно оставляемых пользователями общедоступных данных (активный цифровой след), но и информации об их взаимодействии с различными информационно-коммуникационными системами (пассивный цифровой след). Последний вид цифрового следа, как правило, используется не для ручного анализа информации другими пользователями сети, а для ее автоматизированной обработки с использованием систем искусственного интеллекта. В центре внимания авторов нейронные сети, которые лежат в основе «рекомендательных систем». Такая система предназначена для подбора новостей, товаров и услуг, которые будут интересны пользователю, на основе анализа его прошлых действий (цифрового следа). В статье рассмотрены достоинства и недостатки использования таких систем при принятии решений. Представлен обзор публикаций, посвященных использованию рекомендательных систем в деятельности организаций. Сформулированы рекомендации для педагогов по развитию у обучающихся ответственного и обдуманного отношения к виртуальному взаимодействию друг с другом и обращения к веб-сервисам в условиях постоянного расширения сферы применения систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: аксиология, нейронная сеть, рекомендательная система, цифровой след, педагог, университет

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-33053.

Для цитирования: Зайцева С.А., Смирнов В.А. Ценностные регулятивы «рекомендательной системы» в контексте распространения нейро-сетевых моделей // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 152—160.

Original article

VALUE REGULATIONS OF THE “RECOMMENDATION SYSTEM” IN THE CONTEXT OF DISTRIBUTION OF NEURAL NETWORK MODELS

Svetlana A. Zaitseva, Vadim A. Smirnov

Shuya Branch, Ivanovo State University,
Shuya, Russian Federation, z_a_s_rambler.ru

Abstract. A characteristic feature of the modern conditions of digital transformation of various processes in society is the emergence of not only a huge array of publicly available data intentionally left by users (active digital footprint), but also information about their interaction with various information and communication systems (passive digital footprint). The latter type of digital footprint, as a rule, is not used for manual analysis of information by other network users, but for its automated processing using artificial intelligence systems. The authors focus on neural networks, which are the basis of “recommendation systems”. Such a system is designed to select news, goods and services that will be of interest to the user, based on the analysis of his past actions (digital footprint). The article discusses the advantages and disadvantages of using such systems in decision-making. The review of publications devoted to the use of recommendation systems in the activities of organizations is presented. Recommendations are formulated for teachers on the development of students’ responsible and deliberate attitude to virtual interaction with each other and access to web services in the context of the constant expansion of the scope of artificial intelligence systems.

Keywords: axiology, neural network, recommendation system, digital footprint, teacher, university

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-33053.

For citation: Zaitseva S.A., Smirnov V.A. Value regulators of the “recommender system” in the context of the spread of neural network models, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 152—160.

Как мы отмечали в своём предыдущем исследовании [Зайцева, Смирнов], в настоящее время все большее распространение приобретает понятие цифрового следа, связанное с накоплением в глобальной сети большого количества данных о каждом её пользователе. При этом часть данных пользователь оставляет намеренно (активный цифровой след), а часть — произвольно (пассивный цифровой след).

С позиции аксиологии достаточно ясна роль активного цифрового следа, поскольку он, как правило, открыт для свободного доступа. Такой цифровой след позволяет делать какие-либо суждения о человеке, взглянуть на себя со стороны (в особенности, спустя определенное время после какой-либо активности). Проектирование цифрового следа становится важной задачей, поскольку цифровая репутация пользователя с трудом поддается какому-либо контролю. В контексте данного определения было сказано о целенаправленном формировании активного цифрового следа (в том числе через создание собственного портфолио, учет публичности и общедоступности всех своих действий в социальных сетях при их совершении).

Вопросы, которые мы ставим в нашем исследовании: какую аксиологическую ценность имеет пассивный цифровой след? Как эта ценность связана с формированием личности обучающегося? Каким рекомендациям должны следовать пользователи социальной сети (в том числе, начинающие пользователи — обучающиеся) для того, чтобы избежать проблем, связанных с накоплением нежелательных (компрометирующих) данных пассивного цифрового следа информационными системами?

Важно отметить, что в отличие от страницы в социальных сетях, сайтов и форумов, данные статистики посещений и поисковых запросов не становятся общедоступными (при условии наличия у их обладателей средств информационной защиты). Поэтому, прежде чем дать ответы на заданные вопросы, мы должны определить, кому доступны эти данные и с какой целью они используются.

В настоящее время широкое распространение приобрели сайты онлайн-кинотеатров. Причины роста их популярности не только в том, что они позволяют осуществить быстрый доступ к конкретным видеозаписям. В настоящее время массив всевозможных фильмов стал слишком велик, чтобы каждый пользователь мог легко в нём ориентироваться, даже если выбирать фильм исходя из его тематики и жанра. При этом двух факторов недостаточно, чтобы определить, понравится ли пользователю просмотренный фильм. Поэтому в реальности человек, как правило, обращается за советом к коллеге или другу, которые имеют сходные с ним интересы. В онлайн-кинотеатрах виртуальным аналогом такого советчика является рекомендательная система, которая в последнее время во многих случаях основана на использовании нейронной сети).

Вслед за С.А. Исламовой, Н.В. Липатниковой под рекомендательной системой будем понимать «сервис или программу, цель которой — определение объектов, интересующих пользователей, и предоставление этих объектов» [Исламова, Липатникова: 174]. Рекомендательная система может анализировать данные пользователя об оценках фильмов, которые он им поставил. Но даже если такой оценки не будет, то современные системы будут давать рекомендации на основе его поведения (досмотрен ли фильм до конца, часто ли происходила остановка процесса проигрывания и т. д.). В большинстве случаев фильмы доступны только зарегистрированным пользователям, поскольку такой подход позволит системе связать данные о просмотре не с параметрами устройства (например, IP-адрес), а с конкретным профилем.

Современные рекомендательные системы могут действовать в двух направлениях. Первое связано с поиском сходных фильмов исходя из данных оценивания их пользователями с одинаковыми интересами, и рекомендацией фильмов, похожих на текущий. Второе связано с поиском сходных по интересам пользователей с текущим пользователем, а затем рекомендация текущего пользователю фильма, который просмотрен другим пользователем с такими же интересами. Таким образом, чтобы давать качественные рекомендации, рекомендательной системе важно иметь максимально большое количество данных об оценивании каждым пользователем каждого просмотренного им фильма. Ввиду того, что большинство таких оценок системе остаётся недоступным, система во многих случаях вынуждена использовать и отбор фильмов по их описанию.

Но в целом рекомендательные системы сейчас обладают достаточно высокой точностью и позволяют удерживать пользователя как клиента сайта,

на котором они расположены. Положительное влияние таких систем на активность пользователей оказалось настолько велико, что они неизбежно проникли в другие сферы.

В исследовании Н.Э. Валиевой рекомендательные системы рассматриваются как вариант замены специалистов туристической фирмы при выполнении некоторых должностных обязанностей [Валиева]. В действительности туристические операторы стремятся спроектировать маршрут для своих клиентов с учётом множества факторов, опираясь на некоторые их временные, географические и бюджетные ограничения и пожелания.

Из всего вышесказанного следует, что рекомендательная система является помощником таких клиентов. Но стоит отметить, что с позиции туристической фирмы наиболее выгодной будет ситуация, когда рекомендательная система будет предлагать маршрут не для отдельного человека, высказавшего определённые пожелания, в контексте анализа его ситуации, а для группы таких лиц. Учитывая ранее оказанные услуги и наличие свободных мест в конкретных отелях, организациях, занимающихся авиаперевозками и автобусными турами и т. д., система может заниматься оптимизацией нагрузки на них. Поэтому из всех вариантов, которые можно посоветовать обратившемуся клиенту, она выберет в первую очередь тот, который не только подходит под требования, но и будет выгоден для организаторов путешествия. Таким образом, речь идёт о функции управления со стороны программного средства деятельностью людей в данной предметной области.

В исследовании С.С. Кись описан принцип работы рекомендательной системы интернет-магазина Amazon [Кись]. Сайт данного магазина сформирован для каждого пользователя по-разному в зависимости от его интересов. Автор отмечает, что нередко рекомендации, данные системой, являются неочевидными, но в то же время актуальными. Данная рекомендательная система также основана на поиске сходных товаров исходя из оценок пользователями.

Поиск от Яндексa непременно выдаёт новому пользователю информацию о том, что если авторизоваться в системе Яндекс. Сервисов, то поиск будет точнее. Во многом это связано с тем, что у русских слов и словосочетаний есть немало значений, употребление каждого из которых будет зависеть от контекста. Но, вероятнее всего, что, вводя слово «перевод», лингвист будет ожидать появления сервиса Яндекс.Переводчик, а экономист — ссылку на Сбербанк.Онлайн. Рекомендательная система подходит очень хорошо в ситуациях, когда нужно угадать смысл многозначного слова.

В контексте востребованности наибольшего возможного количества информации о пользователях рекомендательной системой, в научных исследованиях начинает прослеживаться ещё одна важная тенденция. Для обеспечения более точного поиска одной из частей программного средства становится модуль, направленный на получение информации из различных сервисов. Б.Р. Авхадеев, Л.И. Воронова, Е.П. Охапкина предложили рекомендательную систему для автоматизации поиска информации, которая использует данные социальной сети ВКонтакте [Ахвадеев и др.]. Очевидно, что такой вариант получения информации трудозатратнее того варианта, когда поисковая система и социальная сеть были бы объединены в одну группу систем с наличием непосредственного контакта.

Из этого следует, что большим потенциалом для развития будут обладать не изолированные сервисы для поиска музыки и видео, а те же сервисы, являющиеся частью большой группы интернет-сервисов. И здесь уместно

напомнить, что в социальной сети ВКонтакте постепенно появляются сервисы управления музыкой и видеозаписями. Потенциал использования рекомендательных систем в таких конгломератах Интернет-сервисов будет выше, поскольку в них накапливается огромное количество данных о каждом пользователе в разных сферах его деятельности. При этом рекомендательная система может обращать внимание не только на схожесть пользователей по интересам, но и на факт их взаимоотношений. Когда истории поисковых запросов ещё нет или она недостаточно велика, можно принимать решение случайным образом на основе интересов большинства друзей. И уже достаточно давно существует так называемый демографический метод [Боганюк], использование которого предполагает не только анализ оценок, данных пользователями, но и поиск пользователей, сходных по характеристикам (не ограничиваясь полом и возрастом, как может показаться из названия).

Поскольку факторов, анализируемых системой, становится довольно много, наибольшее распространение приобрели рекомендательные системы, основанные на использовании нейронных сетей. Такие сети способны выявлять сложные зависимости между большим объемом данных, где каждый объект представлен существенным количеством параметров (в том числе качественных). Однако общим недостатком использования нейронных сетей является то, что результаты работы таких систем с трудом поддаются прогнозу. Яркими примерами такого недостатка являются ситуации, описанные в исследовании V. Buhrmester, D. Münch, M. Arens [Buhrmester, Münch, Arens]. Нейронная сеть, которая была призвана классифицировать танки на вражеские и дружеские, вместо этого определяла, является день пасмурным или солнечным (поскольку на этапе создания нейронной сети использовались фотографии, где большинство танков противников было сфотографировано на фоне неба с облаками, а дружеские — в хорошую погоду). А нейронная сеть, созданная для классификации сфотографированных животных на волков и собак вместо этого определяла, есть ли снег на фоне изображения. Результатом работы нейронных сетей являлся всего лишь вердикт «да» или «нет», но при этом не всегда можно однозначно определить, на какой вопрос она дала ответ.

Таким образом, общими достоинствами использования рекомендательных систем являются: существенное уменьшение времени на поиск информации, возможность получения подходящего конкретному пользователю информационного контента на основе данных о прошлых его действиях. Общие недостатки: возможность ошибки нейронной сети, которую трудно предсказать и доказать, а также высокая вероятность сужения всех возможных вариантов решений до тех, которые будут выгодны организации, владеющей соответствующей системой.

Возвращаясь к вопросу использования рекомендательных систем в социальных сетях, отметим, что у таких систем есть возможность учитывать не только наличие кого-либо в списке друзей, но и просто факт обмена сообщениями между пользователями и характер такого обмена. Но трудно сказать, реализуется ли это на практике. Однако уже сейчас проводятся исследования [Кочкаров и др.], направленные на выявление сообществ пользователей в социальной сети на основе эгографов (графов друзей пользователя социальной сети), а не исключительно на факте присутствия искомой группы пользователей в списке некоторой специальной созданной тематической страницы (так называемого паблика).

Кроме того, наличие такой вспомогательной рекомендательной системы может обосновывать справедливость и следующих соображений:

а) социальная сеть способна запоминать все действия участников, учитывая не только активные лайки и запросы дружбы, но и просмотр каких-либо записей, сам факт поиска тематических сообществ (в ряде исследований упоминаются перспективы построения внутренней модели знаний для отражения интересов каждого пользователя и использование при выдаче рекомендаций этой модели [Ботов, Меньшикова, Портнов]);

б) в блоке рекомендаций социальной сети пользователям предлагается контент, который соответствует их интересам и интересам их друзей;

в) в блоке рекомендаций социальной сети друзьям пользователей может предлагаться тот контент, который соответствует интересам этих пользователей.

Как преподаватели высшей школы, мы считаем целесообразным выделять факты б) и в) отдельно. В самом деле, им соответствуют совершенно разные ситуации. Если педагог ведет не слишком активную деятельность в социальных сетях, то по собственному списку рекомендаций он может предположить характер того контента, который видели его обучающиеся (мы полагаем, что в этом случае наиболее активная и статистически значимая переписка будет вестись именно с обучающимися, а также именно они для удобства контакта будут включены в его список друзей). А если педагог ведет активную деятельность в социальных сетях и ищет интересный тематический контент по своему предмету, значит этот контент внесет небольшой вклад в формирование рекомендаций системы для его обучающихся. Таким образом, даже пассивный цифровой след одного пользователя оказывает косвенное влияние на формирование цифрового следа и личности других пользователей. В частности пассивный цифровой след педагога оказывает влияние на обучающихся.

При этом важно учитывать, что модель интересов пользователя может быть доступна администрации социальной сети. И на данный момент эта причина не представляется существенной, поскольку социальные сети редко воспринимаются как организации, присутствующие в реальном мире. Но важно, что при этом нельзя исключать возможности выхода интернет-гигантов за пределы виртуального мира. Более того, в настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к такому развитию событий (например, offline-сервисы компании Яндекс: Яндекс.Такси, Яндекс.Еда). А это означает появление на рынке компаний, заранее имеющих подробные сведения не только о профессиональных, но и о социальных навыках всех возможных сотрудников.

В исследовании М.С. Воробьевой, Ю.В. Боганюк, Р.М. Якубова представлена рекомендательная система, которая автоматизирует процесс поиска вакансий для выпускников университета [Воробьева, Боганюк, Якубова]. Идея данной системы состоит в выявлении навыков студента на основе анализа содержимого его выпускной квалификационной работы и подбор мест трудоустройства, на которых работодателями заявлены технологии, соответствующие его навыкам. Нетрудно догадаться, что одного только текста выпускной квалификационной работы для составления полноценного портрета выпускника недостаточно, а значит, со стороны работодателей будет запрос на масштабирование системы до анализа текущей учебной работы студента (интеграция с электронной информационно-образовательной средой университета), а также его сферы интересов (интеграция с данными социальной сети).

В другом исследовании Ю.В. Боганюк представлена система, которая, исходя из анализа текста ВКР и рабочих программ дисциплин, отбирает

технологии, которые будущий IT-специалист станет использовать в работе [Боганюк]. В статье Ю.В. Боганюк, А.М. Воробьева система получила развитие в форме программного средства, выстраивающего на основе текстов ВКР и анализа рынка труда следующие рекомендации: для студентов — по получению дополнительных компетенций, а для университетов — по изменению образовательных программ [Боганюк, Воробьева].

Как уже было отмечено выше, распространение нейронных сетей и основанных на их применении рекомендательных систем обладает положительным влиянием на интернет-среду пользователя, поскольку позволяет ориентироваться в огромном массиве информации и найти каждому именно то, что ему требуется. В то же время наличие большого количества сервисов, занимающихся накоплением и анализом как пассивного, так и активного цифрового следа, требует от пользователей Интернета ответственного и обдуманного отношения к виртуальному взаимодействию друг с другом и обращения к веб-сервисам.

По нашему мнению, педагог может и должен способствовать формированию цифровой культуры обучающихся в аспекте ответственного и продуманного отношения к общению в сетевом формате и составления поисковых запросов к интернет-сервисам. Ранее нами уже были озвучены рекомендации для педагогов, связанные с необходимостью учитывать возросшую степень влияния цифрового следа на деятельность человека [Зайцева, Смирнов]. В рамках текущего исследования мы уточняем тот факт, что важным является внимательное отношение не только к публичным данным, оставляемым в форме активного цифрового следа, но и сохранность пассивного цифрового следа, в частности:

— обучающиеся, ставшие пользователями того или иного сервиса, не должны создавать единый аккаунт на несколько человек. Каждый пользователь должен обладать своим уникальным профилем, чтобы в нем сохранялись исключительно его собственные действия. В противном случае нельзя гарантировать, что рекомендательная система сможет выполнять свою главную функцию — помощь в выборе одного из самых подходящих вариантов из огромного массива информации;

— по возможности нужно избегать некорректных действий, связанных с взаимодействием с интернет-сервисами. Например, выставление оценки фильмам, который обучающийся даже не просматривал, подписка на сообщества по просьбе и «добавление в друзья» незнакомых пользователей, переход по ссылкам из писем, отнесенных к категории спам;

— ввиду того, что в сборе данных в последнее время замечено большое количество мобильных приложений, целесообразно ограничивать их количество как с точки зрения экономии ресурсов вычислительных устройств, так и для уменьшения количества источников, обладающих данными о владельце устройства. При этом нежелательно, чтобы на устройстве было установлено большое количество программ от непопулярных производителей, поскольку небольшие организации, занимающиеся разработкой программного обеспечения, как правило, имеют меньше ресурсов для обеспечения полноценной защиты собранных данных от утечки.

В заключение хотелось бы отметить тот факт, что цифровая репутация личности формируется независимо от пожеланий пользователей сети Интернет. Просветительская миссия педагогов в этом вопросе очень важна и для обучающихся, и для формирования позитивного имиджа образовательного учреждения.

Список литературы / References

- Авхадеев Б.Р., Воронова Л.И., Охалкина Е.П. Разработка рекомендательной системы на основе данных из профиля социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Нижегородского государственного университета. 2014. № 3. С. 68—76.
(Avkhadeyev B.R., Voronova L.I., Okhapkina Ye.P. Development of a recommender system based on data from the profile of the social network «VKontakte», *Bulletin of the Nizhnevartovsk State University*, 2014, no. 3, pp. 68—76. — In Russ.)
- Боганюк Ю.В., Воробьев А.М. Рекомендательная система для проектирования образовательных программ в условиях индивидуальных образовательных траекторий // Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании: материалы IV Международной научной конференции (6—9 октября 2020 г.): в 2 ч. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. Ч. 2. С. 42—45.
Boganyuk Yu.V., Vorob'yev A.M. Recommender system for designing educational programs in conditions of individual educational trajectories, *Informatization of education and e-learning methods: digital technologies in education: Proceedings of the IV International Scientific Conference (October 6—9, 2020)*: in 2 vols, vol. 2, Krasnoyarsk, 2020, pp. 42—45. — In Russ.)
- Боганюк Ю.В. Прогнозирование профессионального развития студентов ИТ-направлений на основе данных цифрового следа // Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании: материалы V Международной научной конференции (21—24 сентября 2021 года): в 2 ч. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2021. Ч. 2. С. 28—32.
(Boganyuk Yu.V. Forecasting the professional development of IT students based on digital footprint data, *Informatization of education and e-learning methods: digital technologies in education: Proceedings of the V International Scientific Conference (September 21—24, 2021)*: in 2 vols, vol. 2, Krasnoyarsk, 2021, pp. 28—32. — In Russ.)
- Ботов Д.С., Меньшикова Н.В., Портнов И.В. Разработка рекомендательной системы для музыкального сервиса на основе методов контентной и коллаборативной фильтрации // Информационные технологии и системы: труды VI Международной научной конференции (1—5 марта 2017 г.). Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2017. С. 37—46.
(Botov D.S., Men'shikova N.V., Portnov I.V. Development of a recommender system for a music service based on content and collaborative filtering methods, *Information technologies and systems: Proceedings of the VI International Scientific Conference (1—5 March 2017)*, Chelyabinsk, 2017, pp. 37—46. — In Russ.)
- Валиева Н.Э. Системы рекомендаций в туристической отрасли // Информационно-компьютерные технологии в экономике, образовании и социальной сфере. Симферополь, 2019. № 2. С. 123—129.
(Valiyeva N.E. Recommendation systems in the tourism industry, *Information and computer technologies in economics, education and the social sphere*, Simferopol, 2019, no. 2, pp. 123—129. — In Russ.)
- Воробьева М.С., Боганюк Ю.В., Якубов Р.М. Разработка рекомендательной системы навыков для студента на основе текстов его работ // Математическое и информационное моделирование: материалы Всероссийской конференции молодых ученых (17—21 мая 2021 г.). Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2021. С. 123—127.
(Vorob'yeva M.S., Boganyuk Yu.V., Yakubov R.M. Development of a recommendation system of skills for a student based on the texts of his works, *Mathematical and information modeling: Proceedings of the All-Russian Conference of Young Scientists (May 17—21, 2021)*, Tyumen, 2021, pp. 123—127. — In Russ.)
- Зайцева С.А., Смирнов В.А. Аксиологический подход к понятию цифрового следа // Ноосферные исследования. 2021. № 3. С. 79—87.

(Zaytseva S.A., Smirnov V.A. Axiological approach to the concept of a digital footprint, *Noospheric Research*, 2021, no. 3, pp. 79—87. — In Russ.)

Исламова С.А., Липатникова Н.В. Обзор рекомендательных систем // *Modern Science*. 2019. № 4—3. С. 174—176.

(Islamova S.A., Lipatnikova N.V. Review of recommender systems, *Modern Science*, 2019, no. 4—3, pp. 174—176. — In Russ.)

Кись С.С. Применение рекомендательных систем в организациях реального сектора экономики // Основные тенденции развития инновационного предпринимательства в реальном секторе экономики в эпоху цифровизации: вызовы и возможности: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (21 мая 2021 года). М.: Индивид. предприниматель Сафронов Руслан Анатольевич, 2021. С. 133—140.

(Kis' S.S. Application of recommender systems in organizations of the real sector of the economy, *Main trends in the development of innovative entrepreneurship in the real sector of the economy in the era of digitalization: challenges and opportunities: Collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference (May 21, 2021)*. Moscow, 2021, pp. 133—140. — In Russ.)

Кочкаров А.А., Калашников Н.В., Кочкаров Р.А. Сравнительный анализ алгоритмов выявления сообществ в сложных сетевых системах на примере социальных сетей // Программные продукты и системы. Тверь, 2020. № 2. С. 349—356.

(Kochkarov A.A., Kalashnikov N.V., Kochkarov R.A. Comparative analysis of algorithms for identifying communities in complex network systems on the example of social networks, *Software products and systems*, Tver, 2020, no. 2, pp. 349—356. — In Russ.)

Buhrmester V., Münch D., Arens M. Analysis of Explainers of Black Box Deep Neural Networks for Computer Vision: A Survey. URL: <https://arxiv.org/pdf/1911.12116.pdf> (дата обращения: 08.12.2021)

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 28.01.2022; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 28.01.2022; accepted for publication 01.02.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Зайцева Светлана Анатольевна — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой математики, информатики и методики обучения, Шуйский филиал Ивановского государственного университета, г. Шуя, Россия, z_a_s_rambler.ru

Zaitseva Svetlana Anatolyevna — Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Head of the Department of Mathematics, Informatics and Teaching Methods, Shuya Branch of Ivanovo State University, Shuya, Russian Federation, z_a_s_rambler.ru

Смирнов Вадим Анатольевич — аспирант кафедры математики, информатики и методики обучения, Шуйский филиал Ивановского государственного университета, г. Шуя, Россия, v.a.d.i.m@bk.ru

Smirnov Vadim Anatolyevich — Postgraduate student of the Department of Mathematics, Informatics and Teaching Methods, Shuya Branch of Ivanovo State University, Shuya, Russian Federation, v.a.d.i.m@bk.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 161—167.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 161—167.*

Научная статья

УДК 304.44

DOI: 10.46726/И.2022.1.16

УНИВЕРСИТЕТ И ГОРОД: НООСФЕРНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Светлана Сергеевна Касаткина

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия,
Svetlana5@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению третьей миссии университета в контексте представлений о ноосферной динамике. Зафиксирована специфика университетской субкультуры в контексте цивилизации потребления. Предложен анализ взаимодействия университета и города в формате их коэволюции как важнейших социальных институтов современного общества. Автор раскрывает ноосферность коллаборации вуза с городской средой через призму пяти моделей / отношений, формирующих единую экосистему. Показана схожесть тезаурусов города и университета, что и обуславливает эффективность и эвристичность их коэволюции. Сделан вывод об университете как о значимом акторе духовного производства, значение которого с ходом исторического времени только возрастает.

Ключевые слова: университет, город, ноосферное взаимодействие, университетская культура, имидж города, интеллектуальный центр, третья миссия вузов, университет как универсум

Для цитирования: Касаткина С.С. Университет и город: ноосферная взаимосвязь // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 161—167.

Original article

UNIVERSITY AND CITY: NOOSPHERIC RELATIONSHIP

Svetlana S. Kasatkina

Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation, Svetlana5@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the third mission of the university in the context of ideas about noospheric dynamics. The specificity of university subculture in the context of consumer civilization is fixed. An analysis of the interaction between the university and the city in the format of their co-evolution as the most important social institutions of modern society is proposed. The author reveals the noospheric nature of university-urban collaboration through the prism of five models / relations that form a single ecosystem. The similarity of the thesauri of the city and the university is shown, which determines the efficiency and heuristic nature of their co-evolution. The conclusion

© Касаткина С.С., 2022

is made about the university as a significant actor of spiritual (inner) production, the importance of which only increases with the course of historical time.

Keywords: university, city, noospheric interaction, university culture, image of the city, intellectual center, the third mission of universities, university as a universe

For citation: Kasatkina S.S. University and city: noospheric relationship, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 161—167.

Современный университет — активный участник городской жизни. Реализуя комплекс социальных и культурных значений, он выступает субъектом ноосферного развития города, региона в целом. В данном исследовании рассматривается суть системы отношений университетской и городской сред, выявляются особенности их взаимодействия, раскрываются приоритеты для каждой из сторон, определяется социально-философское значение симбиоза университета и города.

Университетская жизнь — особая страница в истории каждого города, раскрывающая часть его уникальности. Внимание к миссии университетов; включение вузов в партнерский диалог современного развития города; интерес к интеллектуальной истории края, традициям науки и образования; развитие креативных студенческих инициатив в масштабах городской жизни; масштабирование лучших проектов, созданных в стенах университета в эпоху цифровой экономики — критерии эффективного городского роста.

Университет всегда — отражение своей эпохи. При этом он иногда даже опережает и предвосхищает социокультурную динамику. Путь генератора и транслятора знаний университеты давно преодолели, перейдя на ступень модераторов общественной жизни, реализующих миссию формирования социального капитала как условия ноосферного развития территории. Университет — живой организм, динамическая система, включенная в активную жизнь общества, города, региона. В этой связи важно не утратить понимание того, что «эффективным станет не навязывание тенденций искусственного развития сверху, которые подчас разрушают уже достигнутое, а естественное вырастание нового качества российского образования, отвечающего информационно-экологическому обществу, которое создается в результате сложных и противоречивых процессов перехода биосферы в ноосферу» [Смирнов: 110].

В 2017 г. появился Московский международный рейтинг «Три миссии университета», где под третьей миссией подразумевается взаимосвязь университета и местных сообществ, приобретающая все большее значение как фактор гармоничного развития регионов [MosIUR]. На сайте «MosIUR» представлены данные о вузах, попавших в этот глобальный рейтинг. Примечательно, что их количество увеличилось в 2021 году с 1500 до 1650 годом ранее. По этому параметру рейтинг является самым представительным в мире. В список лучших вошли вузы из 97 стран мира. Россия сохранила позиции в тройке мировых лидеров по представленности в рейтинге (112 университетов), уступив лишь США и Китаю (239 и 144 университета соответственно). В топ-100 рейтинга представлены три российских участника — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (19-е место), Санкт-Петербургский государственный университет (36-е место) и Московский физико-технический институт (44-е место).

Однако следует подчеркнуть, что отсутствие нестоличных российских вузов в этом глобальном рейтинговании не означает, игнорирование ими социально-ориентированной миссии: они являются неотъемлемой частью региональной социальной жизни и экосистемы. Проблемами масштабирования реализации третьей миссии, как показывает комплексный анализ, являются: отсутствие единого понимания и общепринятых научно-методических подходов к рассматриваемой проблеме; недостаточное осознание социального аспекта деятельности университетов администрацией и коллективами вузов. Немалую роль играет консерватизм университетского сообщества: вузы не всегда готовы меняться, исходя из потребностей в реализации новых задач, и все чаще занимают позицию «исполнителя» поручений власти. «Бизнес не идет в университет, поскольку не уверен в том, что может получить там то, что ему необходимо. Университет не имеет навыков “продаж” своих достижений и разработок, ему комфортно в привычных формах работы с предприятиями и организациями — учебные практики, небольшие эпизодические заказы на проведение исследований, участие “практиков” в преподавательской деятельности, работе экзаменационных комиссий и так далее. Хотя, безусловно, есть и положительные исключения» [Кудряшова, Сорокин, Кудряшов, Бугаенко: 72].

Очевидно, что третья миссия университетов в России находится на пороге успешного развития. Формами ноосферной взаимосвязи университета и города (региона) являются приведенные далее отношения, формирующие единство их экосистемы.

Университет — важный социальный институт города. Социальная роль университетов была реализована еще в эпоху Средних веков, когда в Европе общество развивалось по принципам жесткой феодальной иерархии, преодолеть которую давал возможность именно университет. Стать студентом мог представитель любого сословия и, окончив учебу, он получал возможность карьерного роста и мог пройти сквозь социальные барьеры. Современным аргументом тезиса о социальной значимости вуза является представление о третьей миссии университета как необходимом элементе жизнедеятельности современного высшего образования. Как правило, третья миссия задается «особенным фокусом деятельности университетов, связанным с ориентацией вуза на потребности общества в целом и отдельных граждан в частности», что подразумевает активную социальную позицию университета в отношении своей территории, обусловленную многосторонним взаимодействием с различными заинтересованными участниками [Медушевский, Перфильева: 22], «включенностью университета в решение значимых для общества проблем».

Университет обуславливает несколько компонентов городской ноосферной динамики. Он формирует и раскрывает социальный капитал, интеллектуальную собственность; масштабирует результаты индивидуальных и групповых научных исследований, контракты с производством, контракты с государственными учреждениями; участвует в процессе принятия ряда городских решений; вовлекается в социально-культурную жизнь города; участвует в трансфере знаний в общество [Кудряшова, Сорокин].

Университет — составляющая имиджа города. Вуз формирует как свою идентичность в общем пространстве территории, так и влияет на определение значимых и узнаваемых характеристик города в целом, вписываясь в траектории брендинга. Положительный образ города — важный элемент

развития среды, участвующий во многих социальных процессах, в том числе в формировании и динамике миграционных установок горожан. Вузы могут привлечь молодежь в город, замотивив выбрать его для жизни и карьеры.

Город, имеющий на своей территории университет, обладает серьезными предпочтениями в своем развитии. Нередко вуз является «магнитом» для молодых активных горожан, выпускников сельских школ. Согласимся, что, «потребители имиджа города и имиджа университета во многом схожи: местные жители и гости города (туристы), работодатели и инвесторы, иностранные ученые и студенты, органы региональной и федеральной власти» [Пунина, Ромашова: 84]. Некоторые российские города (Белгород, Архангельск, Томск, Пермь и другие), испытывая трудности узнаваемости, активно применяют идею «университетского города» в брендинге своих пространств. Стратегии брендинга места опираются на практику визуализации ярких свойств, символов, смыслов, заложенных в основу позиционируемого объекта. Исходя из этого, вуз может составлять часть эффектного образа города. В диапазон визуального ряда города, где есть университет, логично поместить представление об университетском кампусе (комплексе учебных корпусов и прилегающих территорий), символику вуза, инфографику ключевых достижений учебного заведения в целом и в истории города в частности.

Помимо маркетинговых существуют коммуникативные стратегии развития имиджа города и университета. Они заключаются в совместных мероприятиях, акциях, формах взаимодействия по усилению общего потенциала. Активная совместная работа по укреплению сотрудничества с муниципалитетом, городскими организациями и предприятиями безусловно обогащает статус вуза и укрепляет представление о нем как о части общей экосистемы города.

Университет — интеллектуальный центр города. Вуз — один из интеллектуальных очагов города с момента своего появления. «Университетские заповеди» Нины Васильевой формируют пафос университета как «интеллектуальной и духовной градообразующей доминанты», в которой, в свою очередь, институционализирован центр свободных искусств и наук. В данном качестве университет формирует дух, эстетику, атмосферу, традиции, особое качество города. «Не зря сегодня университет называют “мифологемой общества”, имея в виду его способность быть центром ценностных и культурных предпочтений» [Васильева: 6]. Вуз, создавая свою среду обитания, не идет в ногу со временем, а опережает его, корректирует вектор развития. Университет — локус традиций, значимых достижений прошлого и видения будущего, взгляд в перспективу. Модернизация и трансформация вузов очевидна, идет эра роботизации и цифровизации. «Её первые шаги вдохновляют и восхищают, однако хочется и предостеречь: внедряйте, но опасайтесь и берегитесь, ведь искусственный интеллект должен быть обеспечен непрерываемым и полноценным естественным, иначе — “от великого до смешного один только шаг”» [Васильева: 8]. Университет осторожно сосуществует с тотальной виртуализацией современной жизни [Смирнов, Ветчинин: 132—133]. Это храм науки и знаний, предполагающий общение «вживую» как одно из условий сохранения равновесия реального и виртуального в мире человеческих отношений. «Если это равновесие фатально нарушится в пользу виртуального, то история утратит человеческое измерение и историей быть перестанет. Качественное образование предполагает встречу живых людей, игру мысли, голосовые интонации, жесты и выражение глаз, коротко говоря, “роскошь общения”» [Раков: 90].

Университет — интеллектуальная корпорация со своими принципами содружества, среди которых особо выделяют доверие, уважение, существующее вне иерархии служебных обязанностей и должностных полномочий. В университете преобладает уважение к личности и её свободам — к свободе мысли, ценностному выбору и культурным предпочтениям. Университетская среда — пространство уважения к иному (чужому) мнению как автономной индивидуальности, неповторимости. «Человек университета (сотрудник, студент, выпускник) — часть универсума, сохраняющая в своей отдельности все черты и особенности целого: безукоризненный профессионализм, широту культурного кругозора, нравственную безупречность, чистую и точную речь» [Васильева: 8].

Университет порождает внутренний «хронометр» жизни как выверенное сочетание креативных стратегий и гибких тактических решений, влияющих на свои и городские перспективы развития. «Университетский воздух» — открытый путь новых знаний, дух поиска и эксперимента, спора, состязательности, активного диалога. Творчество, пылкий ум, стремление преодолеть трудности, подойти к открытиям и научным истинам — «ионосфера» университетской жизни, где конструируется собственно университетское мышление, ориентированное на сомнение, критический анализ, приемлемость новых чужих идей, корпоративность мышления. Университет — комфортная среда культурного взаимодействия, расширения научных контактов. Особенно в современный период всеобщей информатизации и постковидной ситуации, когда происходит снижение академической мобильности. Жизнь вуза благодаря системам дистанционного обучения и каналам электронного взаимодействия не останавливается, а продолжает развитие. Вузы способны генерировать новые формы работы, цифровые продукты, инновационные практики решения как учебных, так и производственных задач, особенно в период перехода на проектные формы обучения.

Университет — среда молодежной культуры. Университетская (студенческая) субкультура — сфера, которую необходимо принимать в расчет в любом современном городе. Она есть активатор молодежных инициатив, база инновационных проектов развития креативных пространств. Сотрудничество муниципальных властей с активом студенчества раскрывает новые возможности городского развития. Как правило, студенты входят в молодежные парламенты городов, принимают непосредственное участие в стратегических сессиях городских муниципалитетов. Студентам доверяют проработать важные проекты по развитию городской среды в партнерстве с кураторами из городской администрации. Университет — явное и потенциальное пространство креативных индустрий. «Город, со своей стороны, предоставляет пространство (место) для дислокации университета, его студентов и преподавателей городские библиотеки, музеи, выставки, кинотеатры и театры способствуют расширению кругозора студентов. Предприятия и учреждения города предоставляют университету возможность экспериментировать и внедрять новые научные предложения» [Конкин: 22]. Так город и университет устанавливают функциональные взаимосвязи научно-технические, производственные, общественно-политические и др.

В современных российских университетах активно функционируют многие общественные объединения, решающие не только проблемы высшего образования, позволяя студентам в процессе учебы осуществлять профессиональные пробы, но и развивающие социокультурную деятельность в жизни

вуза и местного сообщества. В вузах реализуются программы развития культурных инициатив, формирующие модель социально активного университета, открытого местному сообществу и использующего реальное участие студентов в решении культурных вопросов внутри себя и в городе.

Университет — это жизнь и судьба. Университет является институтом социализации. Воспитание, образование, исследование — базовые характеристики студенческой жизни. Конечно, учеба в вузе не является единственным «окном в жизнь», но классическая модель вовлечения в микроклимат и субкультуру университета не проходит бесследно для развития личности. Вникая в жизнь вуза, студенты знакомятся с общественно-значимыми нормами, формами поведения, определяющими их социальный облик и ценности. Усвоенные в вузе нормы поведения становятся частью внутреннего мира обучающегося, влияют на поведение. Так реализуется интериоризация культуры посредством каналов системы высшего образования, где вуз является агентом вторичной социализации. В этом ключе исследование и анализ социокультурных характеристик студентов очень актуальны.

Самоидентификация с вузом, в котором прошли годы учебы, а также жизненная привязка к нему — яркий показатель ноосферного влияния университета на человека, горожанина. Вопросы выбора жизненного пути в стенах вуза — важный этап личностного и профессионального развития. Каждый сопричастный к работе в вузе может рассказать свою историю о том, почему жизненный выбор пал именно на работу в университете.

Таким образом, университет — особый универсум, «метафизический элемент» города (где есть вуз), с участием которого задаются и раскрываются многие траектории городской жизни. С одной стороны, академическая среда вуза создает и поддерживает в нем необходимую для развития науки и образования атмосферу, что, с другой стороны, определяет важные направления духовной жизни города при любых поворотах социально-политической ситуации в стране. В идеальном значении университет и город имеют единство ряда общих планов и действий. При таком симбиозе организации жизни реализация ноосферных характеристик каждого участника отношений гарантирована. Университеты будут востребованы и активны в реализации всех своих миссий, а город станет более привлекательным для учебы и жизни, сохранит интерес к себе как к объекту исследований, потенциальной территории для эффективных разработок и инноваций.

Список литературы / References

- Васильева Н.* Университетские заповеди // Университет. 2020. № 14. С. 6—9.
(Vasil'eva N. University Commandments, *University*, 2020, no. 14, pp. 6—9. — In Russ.)
- Конкин А.И.* Университет в системе городской культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2017. 25 с.
(Konkin A.I. University in the system of urban culture: Abstract of the dissertation for the degree candidate of Philosophical Sciences, Rostov-on-Don, 2017. 25 p. — In Russ.)
- Кудряшова Е.В., Сорокин С.Э.* «Третья миссия» в программах развития российских университетов: (на примере вузов Северо-Западного федерального округа) // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tretiya-missiya-v-programmah-razvitiya-rossiyskih-universitetov-na-primere-vuzov-severo-zapadnogo-federalnogo-okruga> (дата обращения: 29.11.2021).

- (Kudryashova E.V., Sorokin, S.E. The “third mission” in the development programs of Russian universities: (On the example of universities in the North-Western Federal District), *Knowledge. Understanding. Ability*, 2019, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tretya-missiya-v-programmah-razvitiya-rossiyskih-universitetov-na-primere-vuzov-severo-zapadnogo-federalnogo-okruga>. — In Russ.)
- Кудряшова Е.В., Сорокин С.Э., Кудряшов Ю.В., Бугаенко О.Д. Федеральные университеты — реализация «трех миссий». Архангельск: Сев. (Аркт.) федер. ун-т, 2019. 415 с.
- (Kudryashova E.V., Sorokin S.E., Kudryashov Yu.V., Bugaenko O.D. Federal universities — implementation of the “three missions”, Arkhangelsk, 2019. 415 p. — In Russ.)
- Пунина К.А., Ромашова М.В. Университет и город: технологии формирования имиджа: (случай Перми) // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 2. С. 83—93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitet-i-gorod-tehnologii-formirovaniya-imidzha-sluchay-permi> (дата обращения: 28.11.2021)
- (Punina K.A., Romashova M.V. University and City: Image formation technologies: (Perm case), *Labyrinth: Journal of Philosophy and Social Sciences*, 2015, no. 2, pp. 83—93. — In Russ.)
- Раков В. Университет, пандемия, цифровизация // Университет. 2020. № 14. С. 88—91.
- (Rakov V. University, pandemic, digitalization, *University*, 2020, no. 14, pp. 88—91. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Современное ноосферное образование: региональный аспект // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2005. № 2. С. 105—112.
- (Smirnov G.S. Modern noosphere education: regional aspect, *Issues of modern science and practice. V.I. Vernadsky University*, 2005, no. 2, pp. 105—112. — In Russ.)
- The Three University Missions // MosIUR. URL: <https://mosiur.org/> (дата обращения: 25.11.2021).
- (The Three University Missions, *MosIUR*. URL: <https://mosiur.org/>. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 28.01.2022; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 28.01.2022; accepted for publication 01.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Касаткина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия, SvetlanaCH5@rambler.ru

Kasatkina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation, SvetlanaCH5@rambler.ru

РЕЦЕНЗИИ

REVIEW

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 168—173.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 168—173.

Рецензия

УДК 821.134.2

DOI: 10.46726/И.2022.1.17

**«ИСТОРИЯ ИСПАНИИ» АЛЬФОНСО Х МУДРОГО:
АВТОРИТЕТ ПАМЯТНИКА И ЗНАЧИМОСТЬ ПЕРЕВОДА**

Рец. на кн.: Альфонсо Х Мудрый и сотрудники.

**История Испании, которую составил благороднейший король
дон Альфонсо, сын благородного короля дона Фернандо
и королевы доньи Беатрис.
СПб.: Наука, 2019. Т. 1. 763 с.**

Наталья Кирилловна Киселева

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
kiselevanatalia3012@mail.ru

Аннотация. В рецензии рассматривается значение публикации на русском языке комментированного перевода «Истории Испании» Альфонсо Х Мудрого. Данная хроника — важнейший памятник испанской средневековой эпохи XIII века, до сих пор не переведенный ни на один европейский язык. Проект по переводу такого сложного древнего текста стал по-настоящему грандиозным событием в истории российской и мировой науки. Рецензируемое издание является большим научно-исследовательским трудом, поскольку перевод сопровождается обширными профессиональными комментариями разных аспектов текста. В рецензии отмечается значимость междисциплинарного характера исследования, поскольку над проектом под руководством О.В. Аурова совместно работали как историки, так и филологи. Высокий научный уровень издания и соответствие его современным изысканиям в области кастильской историографии обеспечивается участием в его подготовке ведущих европейских и испанских ученых-медиевистов и специалистов, исследующих эпоху короля Альфонсо Х. Перевод старокастильской хроники будет интересен не только филологам-переводчикам, медиевистам, специалистам по истории и культуре средневековой Испании, но также всем интересующимся западноевропейской историей.

Ключевые слова: «История Испании», Альфонсо Х Мудрый, историография, хроника

© Киселева Н.К., 2022

2022. Вып. 1 •

Для цитирования: Киселева Н.К. «История Испании» Альфонсо X Мудрого: авторитет памятника и значимость перевода // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 168—173. Рец. на кн.: Альфонсо X Мудрый и сотрудники. История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис. СПб.: Наука, 2019. Т. 1. 763 с.

Review

**“THE HISTORY OF SPAIN” BY ALFONSO X THE WISE:
THE AUTHORITY OF THE MONUMENT
AND THE SIGNIFICANCE OF THE TRANSLATION**
Book Review: Alfonso X the Wise and the collaborators.
**The history of Spain, which was compiled by the most noble
King Don Alfonso, the son of the noble King Don Fernando
and Queen Dona Beatrice.**
St. Petersburg: Nauka, 2019. Vol. 1. 763 p.

Natalia K. Kiseleva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
kiselevanatalia3012@mail.ru

Abstract. The review examines the value of the publication of the commented translation in Russian “The History of Spain” by Alfonso X the Wise. This chronicle — the most important monument of the Spanish medieval epoch of the 13th century — has not been translated into any European language. Certainly, a project to translate such a specific ancient text as “The History of Spain” is actually grandiose event in the history of Russian and world science. In addition, the review notes that this edition is a great research work, since the translation is accompanied by extensive professional comments on all those aspects that may raise questions from the readers. The article also stresses the importance of the interdisciplinary nature of the research, since historians and philologists worked together on the project under the direction of Oleg V. Aurov. The high scientific level of the edition and its compliance with modern research in the field of Castilian historiography ensures the participation of leading European and Spanish Medieval researches and specialists in the epoch of King Alfonso X in its preparation. The translation of the Old Castile chronicle will certainly be of interest not only to specialists in the history and culture of medieval Spain, but also to everyone interested in West European history.

Keywords: “The History of Spain”, Alfonso X the Wise, historiography, chronicle

For citation: Kiseleva N.K. “The History of Spain” by Alfonso X the Wise: the authority of the monument and the significance of the translation. Rev. op.: Alfonso X the Wise and the collaborators. The history of Spain, which was compiled by the most noble King Don Alfonso, the son of the noble King Don Fernando and Queen Dona Beatrice. St. Petersburg: Nauka, 2019. Vol. 1. 763 p., *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 168—173.

«История Испании» короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого¹ — уникальный по своему замыслу и масштабу памятник не только эпохи испанского Средневековья XIII в., но и в целом западноевропейской историографии. Проект, задуманный и осуществленный под руководством Мудрого Короля, действительно носил очень амбициозный и новаторский характер для современной ему эпохи. Во-первых, впечатляют широкие хронологические рамки хроники (от заселения древней Испании Геркулесом до середины XIII в.). При этом, несмотря на то, что в целом памятник носил компилятивный характер (работа над созданием «Истории...» Альфонсо велась долгое время с перерывами, содержала несколько версий (редакций) и не была завершена при жизни короля), текст хроники, который существовал в таком виде уже в XIV в., отличается целостностью, логичностью и последовательностью изложения. Как отмечает в своих исследованиях об истории хроники и рукописной традиции крупнейший испанский специалист по «Истории Испании» И. Фернандес-Ордоньес, текст, созданный в период правления самого Альфонсо X (1252—1284), заканчивается на 616 главе, а последующее продолжение дописывалось уже его последователями, в частности, его сыном Санчо IV. Кроме того, хроника охватывает широкие географические границы (от древнегреческих территорий, Римской империи, арабского халифата, Западной и Центральной средневековой Европы до стран Восточной Европы (Венгрии и Польши), а также здесь впервые подробно описывается история всех племен и народов (греков, карфагенян, римлян, варваров, готов), связанных с территорией Пиренейского полуострова, что было не свойственно хронистам древности (178).

Во-вторых, новаторский для своего времени характер представляет обширная база источников «Истории Испании»: от латинских и арабских хроник до легендарных эпических сюжетов (легенда о Сиде, Роланде, о последнем вестготском короле Родриго, о графе Фернанде Гонсалесе, Бернардо дель Карпио и др.). Главным источником выступают хроники архиепископа толедского Родриго Хименеса де Рада «Готская история» (или «О делах испанских», 1243 г.), «История вандалов, аланов и силингов», «История арабов» и др. (178). Отмечу, что многие из перечисленных эпических сюжетов были известны в основном по «песням о деяниях» (*cantares de gesta*) или древним циклам народных романсов XIV—XVI вв. (*romancero viejo*). Однако традиционный романс, как малый жанр повествовательной поэзии, сложенный под влиянием эпической и фольклорной традиции в устной среде, как правило, представляет собой лишь небольшой сюжетный фрагмент, лишенный детализации и описательности, а следовательно, и многих сюжетных компонентов. Такие сюжетные лакуны, проливающие свет на недостающие фрагменты, восполняются в прозаической хронике Альфонсо X Мудрого, что позволяет проследить весь процесс бытования сюжета в историографии и фольклорной традиции. Кроме того, наряду с эпическим материалом хроника включает в себя ряд новеллистических сюжетов, а также сюжетов на житийную тематику и разнообразный фольклорный материал, что позволяет рассматривать «Историю Испании» не только как историографический памятник,

¹ Альфонсо X Мудрый и сотрудники. История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис. Т. 1 / под общ. ред. О.В. Аутова (сост., отв. ред.), И.В. Ершовой, Н.А. Пастушковой. СПб.: Наука, 2019. 763 с. Ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

но и как памятник литературный². И, наконец, в-третьих, чрезвычайно важно отметить, что текст «Истории Испании» был сложен на народном языке (*romance*), что способствовало быстрому распространению и развитию кастильского языка (*castellano*) на территории Пиренейского полуострова.

Фигура просвещенного монарха Альфонсо X Мудрого — это фигура первой величины, без которой невозможно адекватно представить реальную картину историко-литературного развития испанской словесности. Альфонсо X вошел в историю как реформатор политической и культурной сферы. В период его правления были проведены реформы законодательной системы, созданы знаменитые юридические памятники: «Семь Партид», «Королевское фуэро», «Зерцало», где подробно описана роль закона, нормы королевской и церковной власти, а также гражданское право³. Помимо политических реформ под руководством Альфонсо X была разработана целая программа по интеллектуальной деятельности. В скрипториях-мастерских, созданных при дворе Мудрого Короля, возобновляется процесс масштабного перевода иноязычных текстов, основанный на традициях знаменитой Толедской школы переводчиков, цель которой заключалась в переводе арабских ученых книг и передаче знаний западным народам. Важнейшее место в культурной реформе Альфонсо X отводилось роли кастильского языка в государственной, культурной и повседневной жизни. Если до XIII в. официальным языком политики и права являлась латынь, то в период правления Мудрого Короля латынь в Кастилии вытесняется народным языком, который начинает оформляться как письменный (прозаический) язык, и вторгается в государственную и культурную (литературную) сферу. Оформлению прозаического кастильского языка во многом способствуют главные историографические сочинения Альфонсо X — «История Испании» и «Великая и Всеобщая хроника» (149).

В свете всего вышесказанного выход комментированного перевода на русский язык «Истории Испании» — событие чрезвычайно важное и по-настоящему грандиозное для российской и даже мировой науки в целом, а также для развития испанистики, в частности. Это связано не только с тем, что «История...» Альфонсо X до сих пор не была переведена ни на один европейский язык (хотя и этот факт уже подчеркивает значимость издания, особенно если учесть, что переводов испанских средневековых текстов на русский язык насчитывается совсем немного, по сравнению, например, с французской литературой⁴). Но в данном случае не менее и даже, возможно, более значимым является тот факт, что представленное издание — это не просто высококвалифицированный перевод хроники, это ещё и научное исследование текста, проведенное специалистами-медиевистами; это издание, которое вдобавок носит междисциплинарный характер, поскольку над проектом совместно работали историки и филологи.

² Здесь в качестве примера можно вспомнить хотя бы сюжет о последнем вестготском короле Родриго и потере Испании, где из арабских хроник заимствуется эпизод о вторжении Родриго в запретную толедскую пещеру; под влиянием фольклорной традиции описывается история соблазнения Кавы (дочери графа Хулиана), а подробное описание битвы в хронике позволяет проследить формирование эпического цикла «старых» романсов.

³ Подробнее об эпохе правления Альфонсо X Мудрого см.: Ауров О.В. Альфонсо X Мудрый, его эпоха и его «История Испании» // Альфонсо X Мудрый и сотрудники. История Испании. С. 31—94.

⁴ Список русских переводов средневековых испанских текстов включает в себя лишь несколько ключевых памятников: памятник героического эпоса — «Песнь о моем Сиде»; книга примеров Х. Мануэля «Граф Луканор» и «Книга Благой любви» Х. Руиса.

Проект по переводу «Истории Испании» под руководством О.В. Аурова был начат в 2014 г. В настоящее время вышло 2 тома хроники Альфонсо X Мудрого. Основным оригинальным текстом для перевода стала «Первая всеобщая хроника Испании» (*Primera Crónica General — PCG*), вариант «Истории Испании», подготовленный в начале прошлого столетия выдающимся испанским исследователем Р. Менендесом Пидалем. Это наиболее полная версия хроники, сложившаяся в XIV в., «которая отражает средневековую версию текста». Однако, как отмечает О.В. Ауров во вступительной статье к первому тому, «участники проекта учитывали и другие более современные издания текста (И. Фернандес-Ордоньес 1993 г., Ф. Баутисты 2006 г., М. де ла Кампа 2009 г. и др)» (21).

Поскольку это важно для понимания научного аппарата, коротко остановлюсь на вопросе названия хроники. «*Альфонсо X Мудрый и сотрудники. История Испании, которую составил благороднейший король Дон Альфонсо, сын благородного короля Дона Фернандо и королевы Доньи Беатрис*» — так звучит полное название рецензируемой книги. Издателями было принято решение вернуться к первоначальному названию «История Испании» (*Estoria de España*), которое дал своему историографическому сочинению сам Альфонс X, что представляется удачным решением, тем более в свете сформулированной исследователями задачи популяризации в России истории и культуры Испании (21). Что касается фразы «*Альфонсо X Мудрый и сотрудники*», которая может вызывать вопросы у «широкого читателя», напомним, что столь обширная хроника — результат коллективной работы, которая велась в королевских скрипториях как самим королем, так и целым коллективом переводчиков, компиляторов и редакторов⁵.

Начиная более детальный разговор о значимости издания, прежде всего хотелось бы коснуться вопроса перевода. Перевод древнего текста — задача всегда чрезвычайно трудная, требующая знания специфики средневековой лексики, грамматики и орфографии, диалектов, а также владения контекстом. А специфика испанского текста XIII—XIV вв. включает также необходимость передачи арабских имен, названий и топонимии. Безусловно, перевод выполнен на высоком профессиональном уровне и не вызывает никаких существенных вопросов. Определяющую роль здесь играет участие в работе ведущих специалистов по истории и литературе средневековой Испании: историков (О.В. Ауров, Е.С. Марей, Л.В. Чернина) и филологов (И.В. Ершова, Н.А. Пастушкова), а также специалиста в области кастильского средневекового права (А.В. Марей). Одно из важных, на мой взгляд, достоинств выбранной переводческой стратегии заключается в том, что текст специально не архаизируется, однако выдержан, скажем так, в единой литературной тональности, что придает ему целостность и способствует легкому восприятию, особенно у «широкого читателя». В то же время абсолютно точно создается ощущение, что это древний средневековый текст, поскольку сохраняются длинные риторически выстроенные фразы, тавтологические конструкции, выдержано лексическое однообразие текста и т. д.

Весь перевод сопровождается большим комментарием. Как отмечает О.В. Ауров, «комментированию подлежали все аспекты содержания текста (исторические, филологические, лингвистические), которые способны вызывать вопросы у современного читателя» (23). Отмечу, что подробное комментирование

⁵ Подробнее см.: Ершова И.В. «История Испании» как литературный памятник // Альфонсо X Мудрый и сотрудники. История Испании. С. 148—166.

и использование значительного научного аппарата в принципе никогда не было свойственно изданиям историографических сочинений. Широкий комментарий отсутствует и в «Первой всеобщей хронике Испании» Р. Менендеса Пидалья. В данном контексте хочется еще раз подчеркнуть важность междисциплинарного характера исследования. Для историков, очевидно, основополагающим является исторический контекст, передача имен и топонимики, основных терминов и понятий. Филологи, в свою очередь, рассматривают текст сквозь призму топики и топосов, которые часто литературно устойчивы.

Безусловно, большой вклад в реализацию данного проекта был внесен также ведущими испанскими специалистами по эпохе Альфонсо X Мудрого и «Истории Испании». Существенную роль играет фундаментальное вступительное исследование, представленное в первом томе, которое служит введением к комментированному переводу. Во вступительной статье О.В. Ауров знакомит читателя с эпохой Альфонсо X Мудрого, основными аспектами его политической и реформаторской деятельности, а также описывает контекст создания знаменитого историографического сочинения. В статье И.В. Ершовой поднимается вопрос о формировании народного прозаического языка и говорится о роли «Истории Испании» как важнейшего литературного памятника, который включает в себя эпический и фольклорный материал. Статья Н.А. Пастушковой посвящена основным особенностям кастильского языка в эпоху создания «Истории...» Альфонсо X. Результаты современных зарубежных исследований отражены в статьях ведущих испанских специалистов. В частности, большая статья И. Фернандес-Ордоньес (члена Испанской Королевской Академии) посвящена истории текста и рукописной традиции. В исследовании описываются история бытования рукописи, основные редакции и манускрипты хроники и их содержание, что позволяет показать весь масштаб компиляторской работы и проделанного исследования.

Книга, несомненно, будет интересна специалистам по средневековой истории и культуре не только Испании, но и других народностей. Кроме того, перевод одного из ключевых памятников испанского средневековья будет иметь большое значение для студентов и преподавателей высшей школы, а также для всех тех, кто интересуется средневековой западноевропейской историей.

В качестве послесловия остается только добавить, что в настоящий момент к выходу готовится третий заключительный том «Истории Испании», в который войдут финальные главы хроники. А главное — в результате колоссальной исследовательской работы появилась возможность показать российской аудитории настоящий масштаб фигуры короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Киселева Наталья Кирилловна — аспирантка, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, kiselevanatalia3012@mail.ru

Kiseleva Natalia Kirillovna — Postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, kiselevanatalia3012@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 174—180.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 174—180.

Научная статья

УДК 81'374

DOI: 10.46726/И.2022.1.18

ИВАНОВСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА: 25 ЛЕТ В АВАНГАРДЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Екатерина Анатольевна Шилова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shilova_ivsu@mail.ru

Аннотация. В статье описываются достижения коллектива Ивановской лексикографической школы за 25 лет ее научной работы.

Ключевые слова: лексикография, словарь, авторская лексикография, терминография, учебная лексикография, корпусная лексикография, лексикография культурного наследия

Для цитирования: Шилова Е.А. Ивановская лексикографическая школа: 25 лет в авангарде современной российской и европейской лексикографии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 174—180.

Original article

IVANOV LEIXICOGRAPHIC SCHOOL: 25 YEARS IN THE VANGUARD OF MODERN RUSSIAN AND EUROPEAN LEXICOGRAPHY

Ekaterina A. Shilova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shilova_ivsu@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the history of Ivanovo Lexicographic School and the results of its scientific research.

Keywords: lexicography, dictionary, author's lexicography, terminography, learner's lexicography, corpus lexicography, heritage lexicography

© Шилова Е. А., 2022

• Серия «Гуманитарные науки»

For citation: Shilova E.A. Ivanovo Lexicographic School: 25 years in the vanguard of modern Russian and European lexicography, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 174—180.

Ивановская лексикографическая школа, бессменным научным руководителем которой является доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ Ольга Михайловна Карпова, — одна из ведущих научных школ Ивановского государственного университета. Оформившись как научный коллектив в 1996 году, лексикографическая школа в настоящее время известна далеко за пределами Ивановской области и России.

Научная тематика исследований, выполняемых представителями школы проф. О.М. Карповой, чрезвычайно разнообразна: теоретические и прикладные аспекты английской лексикографии, общие и частные проблемы писательской лексикографии, теория и практика составления словарей для специальных целей, принципы составления толково-энциклопедических справочников, лексикография культурного наследия, а в последнее время и междисциплинарная лексикография, партнерская и волонтерская лексикография, корпусные исследования, диджитализация лексикографии и др.

Одним из значимых направлений деятельности школы всегда была организация научных конференций. Так, в 1995 г. кафедра английской филологии (в настоящее время кафедра зарубежной филологии Института гуманитарных наук ИвГУ) инициировала проведение международных лексикографических школ-семинаров, объединяющих лингвистов, известных теоретиков и практиков составления словарей, терминологов из России и стран ближнего и дальнего зарубежья. В свое время идея проведения подобного форума была предложена основателем Европейской ассоциации лексикографов (ЕВРАЛЕКС) доктором Р.Р.К. Хартманном. На протяжении двух десятков лет Ивановский государственный университет становился площадкой для представительного международного биеннале ученых-лексикографов (*Язык. Культура. Словари*, 2001; *Лексика, лексикография, терминография в русской, американской и других культурах*, 2005; *Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения*, 2007; *Новое в теории и практике лексикографии: синхронный и диахронный подходы*, 2009; *Лексикографические ракурсы: традиции и вызовы XXI века*, 2011; *Life beyond Dictionaries*, 2013).

Формат школы-семинара прекрасно отражает идеи преемственности и передачи опыта, творческих споров и плодотворного обмена информацией, свойственных современному научному сообществу. Именно в таком формате начинающие ученые могут не только посещать лекции ведущих отечественных и зарубежных ученых, знакомиться с известными лексикографами, но и представлять на суд профессионального сообщества собственные научные изыскания, получать опыт ведения научных дискуссий. Включенные в программу школ-семинаров мастер-классы по самым различным проблемам, связанным с развитием лексикографии, придавали им практико-ориентированный характер.

О высоком статусе школ-семинаров свидетельствует международный состав их оргкомитетов, в которые входили члены Исполнительного комитета ЕВРАЛЕКСа, президент Академии дела Круска (Италия), ведущие профессора зарубежных университетов и крупных лексикографических центров.

За годы проведения школ-семинаров их приглашенными лекторами были экс-президенты ЕВРАЛЕКСа К. Варантола (Финляндия), Дж. ДеСезарис (Испания) и Дж. Уильямс (Франция), член правления ЕВРАЛЕКСа Р. Ватведт Фьельд (Норвегия), почетный профессор ИвГУ К. Хейсли (США), известный европейский терминолог Х. Пихт (Германия), президент Всемирной Ассоциации по исторической лексикографии Дж. Коулман (Великобритания), экс-президент Африканской лексикографической ассоциации Р. Гаувз (Южная Африка), выдающийся металексикограф С. Нильсен (Дания), президент Национального общества прикладной лингвистики и Российской ассоциации преподавателей английского языка С.Г. Тер-Минасова (Россия) и многие другие видные ученые.

С каждым годом ширилась география участников школ-семинаров. Гости конференций в разное время были лексикографы из Канады, ЮАР, Германии, Италии, Франции, Норвегии, Дании, Финляндии, Сербии, Хорватии, Израиля, Японии, Китая, Вьетнама, Латвии, Литвы, Украины, Белоруссии, более полусотни городов России. Каждая конференция собирала более 200 участников, среди которых доктора и кандидаты наук, аспиранты и студенты.

Юбилейная X международная школа-семинар *Life beyond Dictionaries* (2013) состоялась на двух площадках — в Иванове на базе Ивановского государственного университета и во Флоренции (Италия) при партнерстве и активном содействии некоммерческого культурного Фонда Ромуальдо дель Бьянко¹. Видеоконференция между г. Иваново и г. Флоренция (в том время подобный формат не был еще столь широко распространен в научных кругах) дала возможность познакомиться иностранных участников с научными изысканиями коллег из России.

Благодаря международным школам-семинарам ивановские лексикографы приобрели многочисленные научные контакты в России и за рубежом, в частности, с Европейской ассоциацией лексикографов, Ассоциацией по исторической лексикографии, членом которых является проф. Карпова.

Доклады, прочитанные на пленарных и секционных заседаниях, семинарах и круглых столах во время работы международных школ-семинаров, нашли отражение в десяти томах сборников материалов конференций, опубликованных в издательстве «Ивановский государственный университет».

В 2014 году ивановские ученые инициировали проведение международной конференции *Heritage Lexicography as Support Tool for ICOMOS*, которая состоялась во Флоренции, собрала участников из 16 стран, была поддержана Фондом Ромуальдо дель Бьянко и высоко оценена Международным советом по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС). В рамках научного форума было единодушно принято решение о создании Ассоциации лексикографии культурного наследия.

Повышенный интерес к конференциям традиционно проявляли издательства — российские (Астрель, Академия) и зарубежные (HarperCollins Publishers, Kernerman Dictionaries и др.). Так, с 1998 года успешно реализовалось сотрудничество с лексикографическим домом HarperCollins (Великобритания). Профессор О.М. Карпова и ее ученики подготовили более ста рецензий на новые словари серии Collins, отразив в них специфику российского пользователя лексикографических продуктов. Рецензии регулярно публиковались в информационном бюллетене СПбГУ «ЯЛИК» и Вестниках Воронежского и Ивановского университетов.

¹ Сайт Фонда Ромуальдо дель Бьянко: <http://www.fondazione-delbianco.org/>

В 2007 году авторитетное британское издательство Cambridge Scholars Publishing² выступило с инициативой публиковать коллективные труды по итогам работы международных школ-семинаров. Так, в свет вышло пять коллективных монографий под редакцией проф. О.М. Карповой и проф. Ф.И. Карташковой: *Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures* (2007), *Lexicography and Terminology: A Worldwide Outlook* (2009), *New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis* (2010), *Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst Century* (2013), *Life beyond Dictionaries* (2015), вызвавших широкий резонанс в отечественных и зарубежных лингвистических кругах.

В 2011 году в этом же издательстве вышла в свет монография профессора Карповой *English Author Dictionaries (the XVIth — the XXIst cc.)*. Авторская лексикография входит в сферу особых научных интересов руководителя школы. Стоит напомнить, что Ольга Михайловна разработала авторскую теорию английской писательской лексикографии и составила поистине уникальный библиографический хронологический указатель различных типов авторских словарей.

Под руководством О.М. Карповой защищены более 30 кандидатских диссертаций, которые отличались безусловной актуальностью и новизной. Большой интерес вызвали работы по исторической лексикографии (Воронцова И.А. Историко-типологическое исследование тезаурусов английского языка, 2004; Горошук А.В. Эволюция этимологической характеристики в словарях английского языка различных типов, 2009; Счетчикова Н.В. “Слова-призраки” в английском языке: статус и лексикографическое отражение, 1998 и др.).

Целая плеяда учеников школы разрабатывала проблемы отражения культуры в словарях разных типов (Алхастова З.Р. Словари английских пословиц в парадигме английской национальной лексикографии, 2020; Бурлакова М.В. Культурно-ориентированная лексика британского варианта английского языка (лексикографическая разработка), 2004; Горбунов М.В. Принципы регистрации и лексикографического описания имен собственных в словарях английского языка для общих и специальных целей, 2011; Иванова Н.Е. Библейские фразеологизмы и их лексикографическая разработка в словарях современного английского языка различных типов, 2007; Маник С.А. Общественно-политическая лексика (оценочный аспект) в словарях различных типов, 2001; Таганова Т.А. Заимствования в американский вариант английского языка: культурологический и лексикографический аспекты, 2003; Эльжерокова Э.Х. Лексикографическая разработка топонимов в словарях английского языка, 2018; Юмшанова Е.В. Принципы отбора и лексикографической обработки неологизмов в словарях новых слов английского языка, 1999).

В диссертациях, посвященных писательской лексикографии (Кириллов М.А. Лингвостатистический анализ художественного текста (на материале коротких рассказов Ф.С. Фицджеральда), 2002; Лутцева М.В. Лексикографическое описание юридической терминологии в неспециальной сфере использования (лингвостатистическое исследование на материале произведений Дж. Гришема), 2008; Мелентьева О.А. Словари языка Чосера в парадигме английской писательской лексикографии, 2014; Уткина Н.С. Современная картина английской авторской лексикографии (на материале справочников тематики фэнтези), 2012 и др.), впервые методами статической лексикографии

² Сайт издательства Cambridge Scholars Publishing: <https://www.cambridgescholars.com/>

исследовалось творчество известных писателей, выявлялись особенности использования терминов в художественных текстах, анализировались словари языка английских писателей-классиков, выявлялись принципы лексикографического описания современной паралитературы.

Работы по учебной лексикографии (Германова О.А. Иллюстрированные и иллюстративные словари: формирование, развитие и современное состояние, 2011; Кулагина М.А. Учебно-ориентированные словари для иммигрантов: принципы построения, 2010; Лебедева С.В. Учебные словари различных языков в культурологическом аспекте (на материале британских справочников), 2005; Петросян И.В. Отражение сочетаемости в учебных словарях современного английского языка различных типов, 2003) посвящены изучению использования словарей в учебном процессе, выявлению социологических предпочтений целевых групп пользователей (школьников, студентов, иммигрантов).

Ряд диссертаций выполнен в русле терминографических исследований. Их авторы предложили проекты терминологических словарей различных предметных областей (Бурмистрова А.В. Лингвостилистический анализ английской терминологии фондового рынка, 2001; Крестова С.А. Лексикографическое описание терминологической системы «лексикография», 2004; Левичева С.В. Принципы отбора и лексикографического описания подязыка архитектуры в специальных словарях различных типов (на материале английского языка), 1999; Лунева О.В. Лингвостилистическое исследование подязыка специальности «Цифровые сигнальные процессоры», 1996; Петрашова Т.Г. Английская терминология социальной работы и её лексикографическое описание, 2006; Щербакова Е.В. Предметная область «Связи с общественностью» в терминографическом аспекте, 2005).

Особая гордость научного коллектива школы — три блестяще защищенных докторских диссертации (Авербух К.Я. Общая теория термина: комплексно-вариологический подход, 2005; Ужова О.А. Лексикографическое отражение английской культуры в словарях английского языка. Историко-типологическое исследование, 2011; Маник С.А. Англоязычная политическая лексикография: формирование, развитие, современное состояние, 2020).

Члены научной школы становились обладателями различных грантов, благодаря чему смогли работать, стажироваться и проводить лексикографические исследования в Англии (Британская Академия наук), Норвегии (Университет Осло), Дании (Бизнес-школа Копенгагена, Орхусский университет, Университет Южной Дании), Италии (Фонд Ромуальдо дель Бьянко, Флорентийский университет).

2008 год дал старт новому значимому международному проекту, посвященному созданию англоязычного толково-энциклопедического мультимедийного словаря ассоциативного типа для гидов и туристов «Florence in the Works of World Famous People» (Флоренция в творчестве всемирно известных людей). Проект осуществляется при поддержке итальянского Фонда Ромуальдо дель Бьянко, организующего многочисленные научные симпозиумы и международные форумы в рамках своей деятельности по сохранению мирового культурного наследия и содействию межкультурной интеграции в целях укрепления мира во всем мире.

Как известно, в последние два десятилетия лексикография значительно расширила рамки составления лингвистических и энциклопедических словарей. Не случайно в западноевропейской лексикографии появился новый

термин “reference science”. Именно таким справочником нового поколения и стал разрабатываемый студентами словарь. Его концепция основана на принципе «гений места» (*genius loci*) — в нем представлена информация о выдающихся личностях, чья жизнь и творчество так или иначе связаны с Флоренцией. Такой словарь дает читателю возможность познакомиться не только с великими деятелями науки, культуры и искусства, но и с известными достопримечательностями Флоренции, имеющими отношение к творчеству описываемых персоналий.

За время существования проекта состоялось 13 международных семинаров студенческой интеграции во Флоренции. В них участвовали университеты-партнеры из России, Сербии, Хорватии, Венгрии, Италии, Литвы. Студенты, работающие в проекте на волонтерских началах, собирают материал для словарных статей. Такая тенденция сбора и обработки материала непрофессиональными лексикографами является в настоящее время достаточно распространенной, что проявляется на уровне создания открытых словарей в сети Интернет и справочников по произведениям писателей (Дж. Толкиена, Дж. Роулинг, Т. Пратчетта), созданных их поклонниками.

Источниками словаря являются тематические энциклопедии, монографии и мемуары известных людей, писательские словари, научные публикации, путеводители по Флоренции, разнообразные Интернет-источники. Словарь организован по алфавитному принципу и содержит более 190 антропонимов. Среди персоналий можно выделить художников (И. Айвазовский, А. Дюрер, К. Коровин), писателей и поэтов (А. Ахматова, У. Шекспир, Ф. Достоевский, Дж.Г. Байрон), музыкантов и композиторов (С. Рахманинов, М. Ростропович, П. Чайковский), ученых (Л. Мечников, А. Герцен, А. Попов) и др.

Микроструктура словаря включает несколько разделов: *Biography* (Биография), *Creative Works* (Творческие работы), *Florentine Influence* (Флорентийское влияние), *Associations* (Ассоциации), *Learn More* (Узнайте больше). Все статьи сопровождаются графическими иллюстрациями (портрет персоналии, репродукции работ, фото флорентийских достопримечательностей), хронологическими сведениями (даты жизни), высказываниями и цитатами. Ассоциативность справочника сводится к личным впечатлениям студентов-участников международного семинара от Флоренции (раздел *Associations*) и находит свое дальнейшее отражение в разделе *Learn More*, который включает библиографический список, аудио- и видеоматериалы (интервью, отрывки из музыкальных произведений и кинофильмов), интерактивные карты и схемы туристических маршрутов и т. п.

К настоящему времени изданы восемь выпусков словаря. Последний вышел в свет в 2021 году, накануне юбилея научной школы (Флоренция в творчестве замечательных людей: энциклопедический ассоциативный словарь для гидов и туристов (на английском языке)³).

Данный проект, с одной стороны, вносит весомый вклад в изучение итальянской культуры, исследование судеб людей, связанных с колыбелью итальянского Возрождения, с другой стороны, способствует межкультурной и межличностной интеграции, что делает его особенно важным и ценным в настоящее время. Подобный тип словаря помогает по-новому описать с помощью

³ Florence in the Works of World Famous People: Encyclopedic Associative Dictionary for Guides and Tourists). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 80 с.

разнообразных лексикографических средств богатое культурное пространство Флоренции, ежегодно привлекающей тысячи людей, и может быть полезен не только туристам, но и гидам для составления экскурсионных программ.

Члены Ивановской лексикографической школы работают на преподавательских и административных должностях как в России — в вузах Иванова, в частности в ИВГУ на кафедрах зарубежной филологии и иностранных языков, в Москве, Санкт-Петербурге, Томске, Ярославле, Братске, Шуе, так и в зарубежных странах — в США, Италии, Англии. Все они не теряют связи с Alma Mater, активно участвуют в профильных конференциях, организуемых университетом, в международных конгрессах EURALEX, LSP и HELLEX, печатаются в коллективных монографиях и сборниках научных трудов, представляют Иваново и Ивановский госуниверситет в Национальном обществе прикладной лингвистики (О.М. Карпова является председателем секции «Лексикология и лексикография» НОПриЛ). Ими написаны более трех десятков монографий (Авербух К.Я., Карпова О.М. Лексические и фразеологические аспекты перевода. Москва, 2009; Карпова О.М., Коробейникова О.А. Словари языка писателей и цитат в английской лексикографии. Москва, 2007; Карпова О.М., Кулагина М.А. Словари для иммигрантов: новый тип словаря. Москва, 2010; Карпова О.М., Щербакова Е.В. PR: проблемы терминографического описания. Иваново, 2005; Карпова О.М., Уткина Н.С. Английская авторская лексикография: от Шекспира к Гарри Поттеру. Иваново, 2013; Карпова О.М., Алхастова З.Р. Лексикография культурного наследия (на материале словарей языка английских писателей, цитат и пословиц). Иваново, 2020 и др.) и сотни научных статей по актуальным проблемам современной лексикографии.

Научный руководитель школы О.М. Карпова отмечена двумя наградами Европейской ассоциации лексикографов Verbatium Awards (1992, 1997), медалью Юджина Вюстера (Юнеско) за пропаганду российской науки за рубежом.

Исследования представителей научной школы завоевали право называться ивановским вкладом в развитие отечественной и зарубежной лексикографии. По словам президента Национального общества прикладной лингвистики и Национальной ассоциации преподавателей английского языка проф. С.Г. Тер-Минасовой, Ивановская лексикографическая школа — «единственная в России с таким ресурсным потенциалом и международными связями».

Статья поступила в редакцию 07.02.2022; одобрена после рецензирования 09.02.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 07.02.2022; approved after reviewing 09.02.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Шилова Екатерина Анатольевна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shilova_ivsu@mail.ru

Shilova Ekaterina Anatolievna — Candidate of Sciences (Philology), Head of Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shilova_ivsu@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)). Входит в *Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ*, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.). Периодичность издания — четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

vestnik.ivgu@mail.ru

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

- 1) текст статьи с аннотацией, ключевыми словами на русском и английском языке и сведениях об авторе;
- 2) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля — верхнее 2,7 см, левое и правое 4 см, нижнее 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы — не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи — не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. XX—XX.

Научная статья

УДК

DOI:

НАЗВАНИЕ

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя, отчество, фамилия (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Аннотация. На русском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10. Должна содержать: постановку проблемы, обозначение новизны подходов, концепции, результатов и др., исследовательские выводы.

Ключевые слова: на русском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Благодарности (при необходимости): работа выполнена при поддержке... (Times New Roman, кегль 10).

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Original article

НАЗВАНИЕ на английском языке

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя О. Фамилия на английском языке (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация на английском языке (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Abstract. На английском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10.

Keywords: на английском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Acknowledgments (при необходимости): the work was supported by... (Times New Roman, кегль 10).

For citation: Familiya I.O. Article title, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Основной текст статьи (Times New Roman, кегль 11).

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- между инициалами и фамилией ставится неразрывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с пристатейным «**Списком литературы**»: указывается фамилия автора (без инициалов) и при необходимости, после двоеточия, страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую. Например:

[Иванов], [Smith]
[Иванов: 35], [Smith: 35]
[Иванов, Петров: 35]

В случае ссылки на издание без автора следует указывать сокращенное название работы:

[Философия культуры...: 35].

Если в библиографическом списке приводятся две или более работы автора, то указывается год [Иванов 2007]; если работы опубликованы в одном и том же году, то добавляется латинская буква в тексте статьи и списке литературы: [Иванов 2007a; 2007b].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков перед двоеточием указывается номер тома или выпуска: [Булгаков 4: 275].

Сноски постраничные, ставятся автоматически. В сноски выносятся комментарии, примечания, дополнительная информация. Ссылки на источники и исследования, упоминаемые в сносках, оформляются так же в квадратных скобках.

Список литературы / References

Шрифт Times New Roman 10.

Формируется по алфавитному принципу, без нумерации.

Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

В References

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: In Russ.

Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Примеры оформления:

Платонов А.П. Собрание сочинений: в 8 т. / сост. Н.В. Корниенко. М.: Время, 2009—2011.

(Platonov A.P. Collected works: in 8 vols., ed. by N.V. Kornienko, Moscow, 2011. — In Russ.)

Жолковский А.К. Инфинитивное письмо: тропы и сюжеты (Материалы к теме) // Эткиндовские чтения: сборник статей по материалам Чтений памяти Е.Г. Эткинда (27—29 июня 2000 г.). СПб., 2003. С. 250—271.

(Zholkovskiy A.K. Infinitive writing: tropes and plots (Materials for the topic), *Etkind's readings: a collection of articles based on materials from the Readings in memory of E.G. Etkind (June 27—29, 2000)*, Saint Petersburg, 2003, pp. 250—271. — In Russ.)

Давыдов Д. Последовательность гнева // Книжное обозрение. 2015. № 1—2.
URL: http://hylaеa.ru/davyd_rez_peret.html (дата обращения: 17.04.2020).
(Davydov D. Sequence of anger, *Book review*, 2015, no. 1—2. — In Russ.)

Goldsmith K. *Uncreative Writing: Managing Language in the Digital Age*, N.Y.:
Columbia University Press, 2011. 272 p.

Статья поступила в редакцию XX.XX.2022; одобрена после рецензирования XX.XX.2022; принята к публикации XX.XX.2022.

The article was submitted XX.XX.2022; approved after reviewing XX.XX.2022; accepted for publication XX.XX.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Фамилия Имя Отчество — ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail (на русском и английском языках)

Например:

ТЮЛЕНЕВА Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

TYULENEVA Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

Порядок рецензирования рукописей статей

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование.

Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя/консультанта. Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью (присылаются сканом на электронную почту).

О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций.

Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения

проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи.

Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев.

При наличии отрицательной рецензии на рукопись статья отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Не допускаются к публикации в научном журнале статьи:

- содержащие ранее опубликованный материал;
- содержащие недобросовестные заимствования;
- представленные без соблюдения правил оформления публикаций;
- авторы которых отказываются от технической доработки публикации;
- авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их;
- представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научного или технического уровня.

Редакционная этика

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие **этические правила сотрудничества редколлегии и авторов.**

Для авторов:

- авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе;
- автор подтверждает, что его материалы публикуются впервые, не представлены в несколько журналов одновременно, а также не содержат плагиат в какой-либо форме;
- все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, должны быть указаны как соавторы;
- авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или любые другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;

- авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в «Вестнике ИВГУ».

Для редколлегии:

- журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики;
- редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента:

- рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументированно выражать свое мнение, неприемлема персональная критика автора(ов);
- рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, рецензент не может использовать в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Тимирязева, 5, к. 304.

Более подробная информация — на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Гуманитарные науки»
2022. Вып. 1

Издается в авторской редакции

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреянова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т.Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 31.03.2022 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 16,5.
Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 100 экз. Заказ № 88. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета

Научный журнал

В соответствии с тематикой научных исследований журнал издается в 3 сериях:

- **ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ - 4 ВЫПУСКА**
- **ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ - 2 ВЫПУСКА (online)**
- **ЭКОНОМИКА - 4 ВЫПУСКА (online)**

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным, общественным,
естественным и техническим наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит ежеквартально